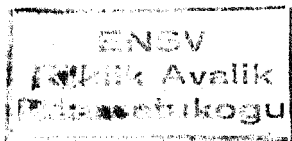

Э. Г. Ф.-Валь.

Spetsialno izdat

**Причины распада Російской
Имперіи и неудачи русского на-
ціонального движенія.**

~~SV-8335~~

413. 262:1

ИЗДАНИЕ АВТОРА.

Таллиннъ,

1938.

ПРЕДСЛОВИЕ.

Работая надъ представленными мнѣ матеріалами по борьбѣ ген.-ад. Щербачева съ совѣтскимъ правительствомъ, я старался отнестись къ нимъ съ объективностью, воздерживаясь отъ одобренія или порицанія дѣйствій Щербачева. Свѣдѣнія мною были проконтролированы изученіемъ троякаго рода источниковъ:

1) матеріаловъ, замѣтокъ, воспоминаній или отвѣтовъ на мои вопросы, полученныхъ отъ А. Д. Щербачева, сына генерала, ген.-лейт. А. В. Геруа, бывшаго начальника штаба румынскаго фронта съ 1918 года, ген. штаба подполковника П. П. Мельчакова, прибывшаго съ ген. Щербачевымъ изъ 7 арміи и состоявшаго при немъ до конца войны штабъ-офицеромъ для порученій, А. А. Вадина, А. Э. Шкербунна и многихъ другихъ; всѣхъ ихъ прошу принять мою искреннюю благодарность;

2) свѣдѣній изъ «Краснаго Архива» и статей, появившихся въ совѣтской Россіи;

3) замѣтокъ и воспоминаній иностранцевъ, бывшихъ въ совѣтской Россіи въ 1918—1919 г.г.

„Всѣ числа переведены на новый стиль; такъ какъ въ нѣкоторыхъ источникахъ стиль не былъ обозначенъ, то возможны ошибки въ 13 дней. Лица, незнакомыя съ бѣлымъ движеніемъ, найдутъ указанія на стр. 89, 127, 136 прим. 24, 153 и 157.

Глава 1-ая.

Въ первыхъ числахъ декабря 1917-го года въ маленькомъ особнякѣ на strada Кароль въ Яссахъ замѣтно было особое оживленіе. Къ «Поглавкоруму» генералъ-адъютанту Д. Г. Щербачеву, помощнику Румынскаго короля по веденію военныхъ операцій и главнокомандующему русскими арміями на румынскомъ фронтѣ, пріѣхала миссія отъ совѣтскаго правительства съ предложеніемъ найти почву, на которой новая центральная власть могла бы сговориться съ высшимъ военнымъ начальникомъ, сохранившимъ фронтъ противъ внѣшняго врага. Миссія возглавлялась молодымъ товарищемъ Рошалемъ, извѣстнымъ расправой съ офицерами въ Кронштадтѣ. Его сопровождала нѣкая Бошъ, дама семитскаго типа, и нѣсколько другихъ представителей большевиковъ румынскаго фронта. Давая согласіе на пріемъ миссии, Щербачевъ ограничилъ число представителей 6-ю лицами безъ оружія. На самомъ дѣлѣ явилось 15-18 человекъ; какъ оказалось потомъ — всѣ были вооружены револьверами. Большинство было въ кожаныхъ курткахъ безъ погонь. Со сто-

роны военного начальства присутствовали инспектор артиллерии фронта князь Масальский и несколько офицеров штаба.

Страна и фронтъ съ напряженіемъ ожидали результатовъ этого совѣщанія, отъ котораго зависѣло ближайшее будущее.

Щербачевъ, еще не оправившійся отъ ушиба, полученнаго при автомобильномъ столкновеніи, принялъ Рошаль и нѣсколькихъ изъ явившихся большевиковъ, сидя на кушеткѣ въ кабинетѣ адъютанта, смежномъ съ его столовой. Остальные члены делегации были проведены въ гостинную, расположенную въ противоположномъ углу особняка. Тонъ совѣщанія былъ сдержанный; отправной точки для соглашенія найдено не было. Рошаль предложилъ членамъ миссии, бывшимъ вмѣстѣ съ нимъ у Щербачева, удалиться въ гостинную для совѣщанія съ оставшимися делегатами. Выйти изъ гостинной можно было только черезъ большую приемную комнату, находившуюся въ центрѣ дома; другая дверь въ кабинетъ Щербачева была передъ прибытіемъ большевиковъ закрыта на ключъ. Чины штаба, адъютантъ, дежурные и ординарцы въ этой приемной ожидали конца совѣщанія. Отъ времени до времени въ нее входили изъ гостинной, гдѣ за закрытыми дверями совѣщался Рошаль, отдѣльные делегаты. Появленіе оттуда въ приемной нѣкогого Коренева не обратило на себя особаго вниманія. Онъ, не торопясь, направился къ комнатѣ, гдѣ полчаса тому назадъ былъ принятъ Рошаль. Подойдя къ дверямъ, онъ выхватилъ револьверъ и бросился впередъ. У самаго входа онъ былъ задержанъ подполковникомъ.

Мельчаковымъ, схватившимъ его за руку. Почти одновременно на Коренева бросилось два другихъ офицера штаба. Отскочивъ назадъ, Кореневъ откинулъ верхнюю часть кожаной куртки, подъ которой былъ китель съ штабсь-капитанскими погонами и закричалъ: «я офицеръ». Онъ былъ арестованъ, а въ приемную были введены чины охраны. Покушение могло бы удался, даже послѣ первой неудачи, если бы большевики проявили рѣшительность: на требованіе выдать оружіе они отвѣтили протестомъ, въ то время какъ среди нихъ было достаточно вооруженныхъ, чтобы осилить немногочисленную охрану.

Тѣмъ временемъ подоспѣла помощь со стороны находившейся поблизости румынской роты. Делегация подъ эскортомъ была направлена на станцію Сокала. Покушавшійся на Поглавкорума Кореневъ и начальникъ делегации комиссаръ Рошаль были потомъ арестованы.

Не исключается возможность, что совѣтское правительство, въ виду особаго положенія на румынскомъ фронтѣ, дѣйствительно намѣревалось привлечь Щербачева на свою сторону. Вѣдь и крайній правый Муравьевъ сыгралъ памятную роль на службѣ новой власти. Щербачевъ зарекомендовалъ себя еще до войны въ тѣхъ случаяхъ, когда войска призывались къ подавленію беспорядковъ⁽¹⁾. Вопросъ о мирѣ хотя въ принципѣ большевиками и былъ давно рѣшенъ, но Троцкій склонялся къ тѣмъ-

(1) Въ 1905 году Щербачевъ усмирилъ возстаніе въ Кронштадтѣ, причаливъ къ берегу на пассажирскомъ пароходѣ, имѣя войска и артиллерию на баржахъ на буксирѣ, въ виду военныхъ судовъ, находившихся въ рукахъ мятежниковъ.

тому сопротивленію для достиженія лучшихъ условій съ Германіей. Однимъ Крыленками удержать фронтъ было нельзя. Наибольше вѣскою причиною прѣзда Рюшля, однако, была необходимость держать общій фронтъ съ румынами, для чего нужно было лицо, приемлемое румынскому королю.

Со своей стороны, Щербачевъ, считалъ, что все въ Россіи устроится, лишь бы была выиграна война. Если бы удалось вызвать новый порывъ національныхъ чувствъ, то можно было рассчитывать продержаться до близкаго мира.

Объ договаривающіяся стороны ошиблись въ расчетахъ: Щербачевъ отказалъ большевикамъ во вмѣнательствѣ совѣтскихъ комиссаровъ въ распо-

Въ Петербургѣ, въ одной изъ инженерныхъ частей, взбунтовавшіеся саперы собрались въ казармѣ, готовые отразить огнемъ попытку усмиренія. Щербачевъ вбѣжалъ въ дверь и крикнулъ «смирно». Люди были ошеломлены. Въ это мгновеніе солдаты Павловскаго полка, которымъ тогда командовалъ Щербачевъ, ворвались въ казармы и обезоружили бунтовщиковъ.

Той частью войскъ, которая 9-го января 1906 года была въ районѣ Зимняго дворца, тоже командовалъ Щербачевъ.

Соціалъ-революціонная партія включила Щербачева въ число лицъ, подлежащихъ ликвидаціи; были произведены ридъ покушеній на него: одна просительница принесла съ собою бомбу; въ боковое окно автомобиля Щербачева, въ которомъ ѣхали члены его семьи, былъ произведенъ выстрѣлъ; на углу Литейнаго и Невскаго револьверная пуля пробила заднее окошко и пролетѣла между Щербачевымъ и его сыномъ; при побѣдкѣ въ сапяхъ на представленіе въ Зимній дворецъ Щербачевъ и его братъ, директоръ воспитательнаго дома, оба въ парадной формѣ подверглись нападенію со стороны студента; послѣдній промахнулся и ударилъ по треуголкѣ брата, ранивъ самого себя объ ея шитье.

ряженія военнаго командованія и въ допущеніи пропаганды въ войскахъ. Онъ потребовалъ заявленія о продолженіи войны противъ центральныхъ державъ.

Но и его расчетъ на національное чувство былъ невѣренъ. Для того, чтобы въ тѣ дни его вызвать, необходимы были конкретные объекты. Массы воодушевляются лишь когда возможенъ захватъ того, что находится въ чужихъ рукахъ; тогда появляется и національный подъемъ даже у нравственно уставшихъ. На окраинахъ такимъ факторомъ была русская власть. Для ея сверженія въ Польшѣ и въ Финляндіи люди разныхъ направленій объединились. Уничтоженіе привелигированнаго политическаго и матеріальнаго положенія меньшинства легло въ основу созданія Балтійскихъ государствъ, вызвавъ въ нихъ національный порывъ. Подобное временное исчезновеніе партій на той же почвѣ мы видѣли и въ Германіи. Этими факторами для центральной Россіи не было. Плѣнить же народъ надеждой на захватъ чужой страны, въ которой онъ нашель бы удовлетвореніе всѣхъ желаній, въ 1917 году уже было невозможно. Наконецъ, расчетъ на національное чувство былъ еще и потому несбыточенъ, что руководство внутренней политикой Совѣтской Россіи взяли на себя элементы въ большинствѣ не русскіе, для которыхъ возбужденіе націонализма и легко изъ него проистекающаго шовинизма, было неприемлемо (2).

(2) Характерны, напримѣръ, слова Радека: «Господи, если бы въ этой борьбѣ за нами стоялъ другой народъ, а не русскій, мы могли бы сорвать весь міръ съ петель» (Зап. Локкарта).

Послѣ неудачи миссіи между совѣтской властью и Щербачевымъ началась открытая война. Возвращеніемъ «всѣмъ, всѣмъ, всѣмъ» — Щербачевъ былъ объявленъ врагомъ народа.

Со своей стороны, Щербачевъ привелъ въ движеніе гигантскіе рычаги, чтобы погубить совѣтскую власть. Послѣдующія главы покажутъ его достойнымъ того исключительнаго вниманія, которое на него было обращено вышеописанной миссіей Рошаля.

Г л а в а 2-ая.

Люди, изображенные въ книгахъ, обладаютъ опредѣленными качествами; живые же отличаются отъ нихъ тѣмъ, что, въ зависимости отъ обстановки, проявляютъ то одно свойство, то противоположное. Всякая характеристика субъективна. Въ сущности, судь людской несправедлива — она выноситъ свои приговоры на основаніи отдѣльныхъ поступковъ. Понятіе о добродѣтели относительно: что по возрѣніямъ одного благородно, то по убѣжденію другого преступно. Сама государственная власть, устанавливающая нравственныя нормы, весьма различно ихъ опредѣляетъ, какъ мы видимъ въ послѣдній періодъ исторіи. Безцѣльно писать про человѣка, что онъ былъ уменъ и добродѣтеленъ. Читатель, стоящій на другой политической платформѣ, резонно возразить: «гдѣ же тутъ умъ и прочее, если герой даже не понялъ, что единственно вѣрное ученіе то, которому я слѣдую». Разныя оцѣнки Людовика XIV представляютъ собой примѣръ, на сколько отлича-

ются сужденія о человѣкѣ. Пусть и о Щербачевѣ судить по-всему всякій, — но лишь на основаніи историческихъ фактовъ. Отмѣчу безспорное.

Кто видѣлъ Щербачева какъ скромнаго, мягкаго, уступчиваго члена семьи, не могъ его узнать въ роли военачальника. Его прямолинейность и твердость не вязалась съ его исключительными дипломатическими способностями. По наружному виду онъ былъ своеобразенъ. Его лицо съ рѣзко очерченными чертами отличалось подвижностью. Взглядъ былъ у него пронзительный и придавалъ его лицу орлиное выраженіе. Подчиненные его любили, даже обожали, знакомые его уважали. Онъ былъ въ высшей степени набоженъ. Сынъ его пишетъ: «Не я одинъ, но многіе, случайно слышавшіе, какъ онъ молится каждое утро и каждый вечеръ, были потрясены его молитвой. Обыкновенно онъ молился, какъ всѣ, про себя, но часто въ порывѣ искренней молитвы онъ начиналъ молиться въ полголоса, и его фразу, вѣрнѣе молитву, «Боже, спаси Россію!» — я слышу, какъ сейчасъ. Надо было слышать, съ какою любовью и просьбой онъ ее произносилъ».

Молодой офицеръ, Л. Гв. Конно-артиллерійской бригады Щербачевъ ^(*), участвовавшій въ конныхъ

(*) Служебный путь: Орловская Военная гимназія, 3-е военное Александровское и Михайловское артиллерійскія училища 1876. Гвард. Конная артиллер. бригада. Окончаніе Академ. Ген. Шт. 1884. Старшій адъютантъ штаба 2-ой Гв. пѣх. дивизіи. Ценозово командованіе ротой въ Л. Гв. Егерскомъ полку 1884—1898. Нач. Штаба 2-ой Гв. пѣх. див. 1898—1901, командиръ 145 пѣх. Новочеркасскаго Им. Александра III полка — 1903, командиръ Л. Гв. Павловскаго полка — 1906,

состязаніяхъ и бравшій не мало призовъ, хорошо былъ извѣстенъ петербургскимъ обывателямъ конца семидесятихъ годовъ. Изъ поля зрѣнія публики онъ ушелъ, поступивъ въ Академію Генеральнаго Штаба. Послѣ ея окончанія онъ служилъ на штабныхъ должностяхъ въ Петербургскомъ округѣ. Для постороннихъ слѣдъ выдѣлился изъ общей массы офицерства, когда былъ взятъ въ Свиту. О немъ заговорилъ военный міръ послѣ его назначенія начальникомъ Академіи Генеральнаго Штаба. Онъ взялся за реформы ея программы и ея системы обученія. Въ этотъ періодъ у него завязались дружескія отношенія съ французскими генералами Жоффромъ, Жаненомъ и Фошемъ, начальникомъ военной академіи. Щербачевъ былъ командированъ во Францію для ознакомленія съ постановкой высшаго военного образованія.

Императоръ Николай II относился съ симпатіей къ реорганизаторскимъ начинаніямъ Щербачева, военный же министръ Сухомлиновъ считалъ дѣятельность его вредной. Завязалась война двухъ партій въ академіи. Къ одной принадлежали профессора Головинъ, Кельчевскій, Юнаковъ; къ другой — Вончъ-Бруевичъ, Ваювъ. Между ними умѣло лавировалъ Янушкевичъ, прислушивавшійся къ проявленіямъ желаній и настроеній Вел. Кн. Николая Николаевича. Чтобы лишить Щербачева воз-

зачисленіе въ Свиту. Командиръ 1-ой финляндской стрѣлковой бригады 1907, Нач. Академіи Ген. Штаба до 1912 г., Команд. 9-го армейскаго корпуса 1913—1914 г., командующій 11-ой арміей 1915, Команд. 7 арм. 1915 г., Генераль-Адъютантъ. Командующій Румынскимъ фронтомъ 1917 г.

возможности сообщаться съ Государемъ, Сухомлиновъ произвелъ его внѣ очереди въ генераль-лейтенанты, чѣмъ кончалось пребываніе въ Свитѣ. Его дѣятельность была окончательно прервана назначеніемъ на должность командира 9-го арм. корпуса. Итакъ военный министръ устроилъ Щербачеву съ цѣлью удаленія двойное повышеніе.

Въ Галиціи, въ самомъ началѣ войны Щербачевъ во главѣ 9 арм. корпуса удачно дѣйствовалъ въ бою подъ Злочевымъ; побѣдой на своемъ участкѣ онъ привелъ къ выигрышу общаго сраженія на Золотой Липѣ. Изъ ряда выходящимъ было его рѣшеніе взять Львовъ вопреки плану и категорическому приказанію Командующаго 3-й арміей генерала Рузскаго. Когда доложили послѣднему, что крѣпость занята безъ боя войсками 42-ой пѣх. дивизіи ген. Роде, онъ воскликнулъ: «Щербачевъ увлекается, этого не можетъ быть». Черезъ нѣсколько часовъ послѣ побѣды къ Щербачеву прибыла подвода, высланная штабомъ арміи наканунѣ, нагруженная руководствами по осадѣ крѣпостей и планами крѣпости Львовъ. Во время великой Галиційской битвы онъ разбилъ австрійцевъ на высотахъ Раввы Русской. Щербачевъ получилъ Георгіевскій Крестъ 4-ой ст. и золотое оружіе. Послѣ этого послѣдовало его назначеніе командующимъ Перемышльской осадной арміей. По опыту съ Львовымъ Щербачевъ попросилъ у Брусилова разрѣшенія ворваться въ крѣпость на плечахъ разбитыхъ австрійцевъ и для этого подвелъ свои части къ фортамъ. Брусиловъ колебался и медлилъ рѣшеніемъ, чѣмъ далъ австрійцамъ время опомниться. Теперь изъ показаній быв-

наго противника можно вывести убеждение, что въ первые дни Перемышль не оказалъ бы серьезнаго сопротивленія. 5-го апрѣля 1915 г. Щербачевъ назначается командующимъ 11-ой арміей, стоявшей фронтомъ на Ужгородѣ. Черезъ недѣлю послѣ этого весь русскій фронтъ на Дунайцѣ началъ отступленіе, что заставило и 11-ую армію отходить. Но и здѣсь Щербачевъ выдвигается. Германскія войска, форсировавши Дибетръ у Жидачева и разбивши 22-ой армейскій корпусъ, атакуются имъ во флангъ и тылъ присланными на поддержку ген. Ивановымъ 3-ей гвардейской и 82 дивизіями. Цѣлый германскій гв. полкъ попадаетъ въ плѣнь. За эту побѣду во время отступленія Щербачевъ награждается Георгіемъ 3-ей степени изъ рукъ Государя. Къ этому періоду относится историческая фраза Щербачева: «не могу дольше держаться, а потому перехожу въ наступленіе».

Въ октябрѣ 1915 года Щербачевъ назначается командующимъ 7-ой арміей, сформированной въ Одессѣ, съ цѣлью десанта въ Константинополь. Сознавшійся съ обстановкой и тѣмъ положеніемъ, въ которое могла бы попасть армія даже послѣ удачнаго захвата Константинополя, Щербачевъ докладываетъ Государю, что считаетъ операцію авантюрой. Несмотря на то, что Императору Николаю II идея весьма понравилась, онъ уступаетъ. Щербачевъ не только не впадаетъ въ немилость, но назначается ген.-адъютантомъ, а VII армія перебрасывается согласно его предложенію въ Галицію, гдѣ дѣломъ 1916 г. въ районѣ къ югу отъ Тарнополя одерживаетъ успѣхи.

Въ апрѣлѣ 1917 г. Щербачевъ назначается Командующимъ Румынскимъ фронтомъ. Тутъ онъ оказываетъ неоцѣнимую услугу союзникамъ, въ частности Румыніи.

На совѣщаніи представителей Согласія въ Шантильи было принято рѣшеніе произвести общій ударъ весной 1917 г. Въ соответствии съ этимъ рѣшеніемъ и общими указаніями Ставки, Щербачевъ совместно со своимъ Начальникомъ Штаба ген. Н. Головинымъ, выработалъ планъ наступленія на румынскомъ фронтѣ. Главный ударъ былъ намѣченъ на нижнемъ теченіи рѣки Сереть въ районѣ тетъ-де-пона Немолоаза на востокъ отъ Фокшанъ. На фронтѣ въ 15 километровъ должна была быть сосредоточена огромная масса войскъ: вновь сформированная подъ руководствомъ французовъ 1-ая румынская армія, большая часть 6-ой русской арміи, $\frac{3}{4}$ всей тяжелой артиллеріи фронта, 2-ой кав. ~~корпусъ~~ корпусъ и рум. кав. дивизія. Остальныя силы сжимались сильно къ югу. Послѣ прорыва фронта собранный кулакъ долженъ былъ направиться на западъ на Рымникуль-Сарата-Фокшанъ съ охватомъ праваго фланга ген. Макензена. Одновременно 2-ая рум. армія ген. Авереско и 4-я русская армія должны были прорвать фронтъ противника въ районѣ Рекоаза, что въ случаѣ успѣха могло привести къ полному окруженію группы Макензена (записка ген. Геруа).

Чтобы отдать себѣ отчетъ о размѣрахъ подготовлявшейся операціи, достаточно указать, что на 40-километровомъ участкѣ фронта, общее протяженіе котораго было около 500 км., предполагалось сосредоточить 24 дивизіи со всей тяжелой артилле-

рїей, тогда какъ на остальныхъ 460 км. оставалось лишь около половины всѣхъ силъ фронта. Для парированія возможныхъ неожиданностей со стороны противника на растянутомъ, сѣверномъ участкѣ большая часть 9-ой арміи выводилась въ общій резервъ фронта.

Мы видимъ тутъ стратегію, не уступающую по размаху наиболѣе отважнымъ кампаніямъ исторіи войны.

Этотъ планъ былъ встрѣченъ румынами несочувственно. Государственные люди во главѣ съ Братіано, считали его рискованнымъ въ виду пошатнушагося, послѣ революціи, духа русскихъ войскъ. Командующій 2-ой рум. арміей ген. Авереско считалъ необходимымъ главный ударъ нанести на фронтъ его арміи. Братіано настоялъ на созывѣ Королевскаго Совѣта. Въ убѣдительной рѣчи Щербачевъ указалъ на то, что всѣ свои бывшія операціи онъ считалъ рискованными, однако, онѣ увѣнчались успѣхомъ. Планъ былъ одобренъ.

Для отвлеченія вниманія нѣмцевъ отъ района главнаго удара, 2-я рум. армія ген. Авереско должна была начать наступленіе на два дня раньше атаки главной группы. Начатое 11 іюля, оно увѣнчалось успѣхомъ. Главная ударная масса приступила къ артиллерійской подготовкѣ и заканчивала послѣднія передвиженія, чтобы со своей стороны прорвать фронтъ противника, когда 12 іюля, наканунѣ атаки, прибыла телеграмма Керенскаго, предписывающая, отъ имени Правительства, отмѣнить атаку, въ виду общаго отступленія войскъ на Юго-Зап. фронтѣ (Тарнополь-Калуцъ).

Произведенное сосредоточеніе войскъ на южномъ участкѣ, однако, не только не пропало даромъ, но оказалось роковымъ для противника въ предпринятой имъ атакѣ румынскаго фронта. Дѣло въ томъ, что, считаясь съ угрозой, нависшей надъ правымъ флангомъ фронта въ виду событіи на юго-зап. фронтѣ, Щербачевъ началъ перегруппировку войскъ къ сѣверу, предполагая замѣнить часть русскихъ войскъ на югѣ дивизіями 1-ой румынской арміи. Фельдмаршалъ Макензенъ, сообразно съ успѣхомъ, достигнутымъ на юго-зап. фронтѣ, рѣшилъ нанести сокрушительный ударъ румынскому фронту. Къ району его атаки направлялись въ этотъ моментъ части 1-ой рум. арміи. 24 іюля завязалось большое сраженіе въ районѣ Марашесити, въ которомъ приняли участіе войска 4-ой и 6-ой русской и 1-ой румынской арміи, которое закончилось для противника неудачей 6 августа. Если въ началѣ германской атаки часть русскихъ войскъ сдала, не оказавъ достаточнаго сопротивленія, то въ дальнѣйшемъ русскія дивизіи имѣли успѣхъ. Румынскія войска выдержали этотъ серьезный экзаменъ послѣ печальныхъ результатовъ перваго періода войны. Румынскій солдатъ показалъ, что, будучи обученъ, вооруженъ, снабженъ всѣмъ необходимымъ и подъ хорошимъ руководствомъ, онъ является отличнымъ боевымъ элементомъ (записки ген. А. Геруа).

Фельдмаршалъ Макензенъ отказался отъ дальнѣйшихъ активныхъ дѣйствій. Еслибъ планъ его удался, Германія могла бы диктовать свою волю, если не противникамъ, то своимъ союзникамъ. Развалъ ихъ не могъ бы имѣть мѣсто.

Все теченіе событій на востокъ Европы приняло бы иное направленіе.

Противникъ остался прикованнымъ къ мѣсту. Имя Щербачева стало въ Румыніи чрезвычайно популярнымъ. Государственные люди Румыніи воспрянули духомъ, получивъ доказательство, что они могутъ уже рассчитывать на собственные силы. Среди русскихъ генераловъ нашелся полководецъ, который сумѣлъ, почти полгода послѣ приказа № 1, организовать сопротивление патиску Макензена.

Дабы обезпечить правый флангъ фронта отъ возможныхъ наступательныхъ попытокъ противника, Щербачевъ въ концѣ августа, несмотря на продолжавшееся ухудшеніе духа русскихъ войскъ, сосредотачиваетъ въ районѣ 18-го армейскаго корпуса, нѣсколько корпусовъ 9-ой арміи для удара на фронтѣ отъ Серета до Сольки. Наступленіе началось удачной атакой частей 18 корпуса ген. Геруа, но развитіе успѣхъ оказалось невозможнымъ, въ виду распространенія на войска 9-ой арміи пагубнаго вліянія со стороны сосѣднихъ войскъ юго-зап. арміи (записки ген. А. Геруа).

Боевая роль ген. Щербачева, какъ Главнокомандующаго войсками фронта, была закончена.

Глава 3-я.

Еще до окончательнаго разрыва съ центральной совѣтской властью Щербачевъ находился въ сложной обстановкѣ. На немъ лежала задача сглаживать тренія, неизбежно возникающія при совмѣстныхъ съ

другой державой дѣйствіяхъ. Расположеніе арміи на территоріи другого государства чревато послѣдствіями. Цѣль всякой войны побѣда. Но интересы двухъ союзниковъ не совпадаютъ. Зачастую возникаютъ равногласія и въ выборѣ путей къ достиженію конечной общей цѣли. Руководители сувереннаго государства весьма неохотно мирятся съ необходимостью уступить иностранцамъ главную роль въ ихъ странѣ, хотя бы дѣло и шло лишь о военныхъ операціяхъ. Противъ иностранца, на котораго выпадаетъ эта роль, образовывается враждебная партія. Достаточно вспомнить о тѣхъ затрудненіяхъ, которыя выпали на долю Веллингтона на Иберійскомъ полуостровѣ въ его борьбѣ противъ наполеоновскихъ войскъ.

Рѣдко удается согласовать работу военного командованія съ воззрѣніями дипломатическихъ представителей, находившихся раньше въ странѣ.

Въ Яссахъ положеніе усложнялось еще тѣмъ, что при Королѣ состояли, кромѣ дипломатическихъ, еще и военные представители союзниковъ, которые требовали дѣйствій, когда это было желательнымъ для ихъ государствъ.

Въ противоположность своимъ предшественникамъ Щербачевъ въ кратчайшій срокъ наладилъ всѣ отношенія. Онъ сталъ близкимъ членомъ для Румынскаго Короля. Командующіи румынской арміей ген. Презанъ сталъ его другомъ. Установились нормальныя отношенія съ русскимъ посломъ въ Румыніи Поклевскимъ-Козеллѣ, и съ военными представителями, а въ частности съ ген. Бертело, на-

чальникомъ французской миссиі, руководившимъ реорганизаціей румынской арміи.

Одновременно съ этой дипломатической дѣятельностью, ничего общаго съ прямой работой по военнымъ операціямъ не имѣющей, Щербачеву приходилось удерживать армію и тылъ отъ революціоннаго разложенія. Авторитетъ строевого начальства былъ подорванъ установившейся при вр. правительствѣ системой. Распоряженія центральной власти стали передаваться дежурнымъ генераломъ при Ставкѣ черезъ начальниковъ политическихъ отдѣловъ фронта и арміи прямо въ войска, минуя строевое начальство. Еще чаще правительство обращалось радиограммами непосредственно къ войсковымъ комитетамъ. Этимъ въ свою очередь воспользовался противникъ: установивъ выходъ въ Петроградъ какого-либо разлагающаго постановленія, онъ передавалъ его русскимъ войскамъ радиограммами.

Послѣ переворота 26 октября было разослано объявленіе «вся власть у большевиковъ», т.-е. не у строевого начальства. Командиры частей получали подобныя распоряженія, а одновременно съ ними и требованія Щербачева о дисциплинѣ и стойкости на фронтѣ. Въ самомъ штабѣ фронта находился политическій отдѣлъ подъ начальствомъ ген. Сбитина, работавшій въ противоположномъ Щербачеву направленіи.

Не все лица команднаго состава вели себя одинаково при вновь смѣнившейся обстановкѣ. Командующій 6-ой арміей ген. Дуриковъ и его начальникъ штаба ген. Радусъ-Зеньковичъ придерживались линии поведенія, настолько разнящейся отъ взглядовъ,

Щербачева, что послѣдній въ частной бесѣдѣ на вопросъ объ ихъ достоинствахъ, взвѣсивъ свои слова, отвѣтилъ, «это совершенные негодяи». Между тѣмъ смѣна старшихъ начальниковъ стала фактически неосуществимой. Деникинъ пишетъ и Щербачеву согласился предоставить Каледину 6 армію вмѣсто Цурикова, окончательно зачутавшагося въ демагогін. Но по требованію комитетовъ Цуриковъ былъ оставленъ. (Оч. рус. смуты II стр. 163).

Нѣсколько обстоятельствъ помогли Щербачеву задержать темпъ распада арміи: ему удалось добиться того, что фронтовой комитетъ 30 октября 1917 г. принялъ рѣшеніе о непризнаніи совѣтской власти. Позднѣе ему помогло то, что на фронтѣ стояли румынскія войска, близость коихъ удерживала солдатъ отъ порывистаго проявленія свободъ. Наконецъ, между центральной властью и румынскимъ фронтомъ выросла петлюровская Украина. Франція признала ее 18 дек. 1917 г., Англія и Германія въ началѣ 1918 года. Будучи убѣжденнымъ противникомъ расчлененія Россіи, Щербачевъ все же учелъ этотъ факторъ. Онъ командировалъ въ Кіевъ командира 18-го армейскаго корпуса ген. Геруа съ цѣлью выяснить возможность соглашенія съ директоріей. 3 декабря 1917 г. генеральный секретаріатъ Украинской Народной Республики объявилъ приказъ, въ коемъ указывалось, что петроградское правительство народныхъ комиссаровъ, безсильно устроить жизнь изстрадавшихся народовъ Россіи и справиться съ разрухой, царящей въ арміи. Не желая быть безучастнымъ свидѣтелемъ происходящаго, Генеральный Секретаріатъ постановилъ поэтому

«объединить юго-западный и румынскій фронтъ въ одинъ общій украинскій. Верховнымъ Главнокомандующимъ былъ признанъ Щербачевъ. Предложеніе перенести Ставку въ Житомиръ Щербачевъ, однако, отклонилъ, указавъ на важность дипломатическихъ связей въ Яссахъ. Начальникомъ своего штаба онъ вопреки желаніямъ Рады назначилъ ген. А. Геруа, возвратившагося изъ Кіева во второй половинѣ декабря 1917 г.

Еще раньше этого во второй половинѣ октября передъ захватомъ власти большевиками, Духонинъ предлагалъ Щербачеву принять верховное командованіе надъ всею русскою арміею. Чувствуя, что онъ не можетъ справиться съ обстановкой, Духонинъ нѣсколько разъ вызывалъ Щербачева къ юзу, посвящая его въ обстановку и сообщая о возможныхъ мѣропріятіяхъ. Эти разговоры слыгъ Щербачева описываетъ такъ: «Юзы Штаба находились въ полуподвальномъ помѣщеніи штаба. Въ 9 часовъ вечера большинство аппаратовъ не работало. Въ помѣщеніи горѣла лампочка надъ юзомъ Ставки. Въ полной тишинѣ было слышно только шипѣніе аппаратовъ. Присутствовали при разговорахъ, кромѣ насъ, лишь телеграфистъ и я». Примѣрно въ это время въ штабъ фронта заѣхалъ полк. Одинцовъ. Щербачевъ, отпуская его обратно въ Ставку, поручилъ ему подробно освѣтить обстановку. Когда въ Ставкѣ стали извѣстны намѣренія Крыленки, Духонинъ сообщилъ Щербачеву, что онъ не уступитъ и останется на своемъ посту до конца. Последній посовѣтывалъ ему перенести Ставку въ Кіевъ, гдѣ ручался за ея сохранность. Духонинъ возвра-

зиль, что это можетъ имѣть видъ бѣгства. Щербачевъ настаивалъ. На слѣдующій день Духонинъ просилъ Щербачева, если что случится, принять верховное командованіе. Завѣщаніе его было принято Щербачевымъ съ повтореніемъ совѣта переѣхать. Еще день и Одинцовъ, якобы отъ имени Духонина телеграфировалъ, чтобы Щербачевъ немедленно выѣхалъ въ Ставку (4). Однако, послѣ передачи этой телеграммы было получено частное извѣщеніе, что Духонинъ убитъ и что Щербачева въ случаѣ его прибытія въ Ставку ожидаетъ та же участь.

Украинскимъ верховнымъ главнокомандующимъ Щербачевъ оставался недолго. 12 января 1918 г. Украина объявила 4-ый универсалъ съ рѣшеніемъ заключить миръ. Щербачевъ отказался отъ подчиненія Украинцѣ. Директорія предала его (на бумагѣ) суду. Осложнилиъ положеніе выпущенный приказъ о демобилизаціи, переданный и со стороны противника непосредственно въ расположеніи войскъ. Солдаты съ фронта стали уходить. Въ тылу, которой служилъ не только русской, но и румынской арміи, воцарилась анархія.

Иностранные представители рѣшили, что единственнымъ исходомъ изъ положенія является созданіе независимой Бессарабіи. Отъ ихъ имени графъ Сентъ-Олеръ предложилъ Щербачеву объявить себя самостоятельнымъ правителемъ Бессарабіи. Посовѣтовавшись со своимъ начальникомъ штаба ген.

(4) Исходила ли эта телеграмма дѣйствительно отъ Одинцова, поступившаго одновременно съ этимъ на службу къ совѣтскому правительству, или нѣтъ, осталось невыясненнымъ.

Геруа, Щербачевъ, не имѣя никакихъ средствъ воздѣйствія на тылъ, отказался. Румынское правительство заняло Бессарабію своими войсками, послѣ захвата революціонерами Кишинева, перерыва железнодорожнаго и телеграфнаго сообщенія фронта съ тыломъ и послѣ того, какъ посланный Щербачевымъ для усмиренія ген. Некрасовъ, не добѣхавъ до Кишинева, былъ убитъ. Впослѣдствіи, когда русскій фронтъ пересталъ существовать, образовавшаяся въ тылу директорія «Сфатуль Церій» обратилась къ румынскому правительству съ просьбой о присоединеніи Бессарабіи къ Румыніи, что привело къ акту 28 марта 1918 г. Щербачевъ согласился на первое введеніе войскъ въ Бессарабію подъ условіемъ деклараціи, что румынское правительство выведетъ войска лишь только порядокъ будетъ восстановленъ.

При такой общей обстановкѣ Щербачевъ удержалъ свой фронтъ отъ хаоса. При содѣйствіи, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, румынскихъ войскъ ему удалось воспрепятствовать массовому уходу войсковыхъ частей съ фронта, что позволяло поддерживать относительный порядокъ и въ тылу. Препятствовать же просачиванію въ тылъ безоружныхъ было невозможно, фронтъ таялъ. Чтобы создать устойчивыя войсковыя единицы, было приступлено къ формированію національныхъ частей, которыя намѣчено было свести въ 5 корпусовъ: 2-хъ польскихъ Довборъ-Мусницкаго и Галлера, 1-го мусульманскаго Сулькевича и 2-хъ украинскіхъ. 6-ой корпусъ предпологалось составить изъ добровольцевъ подъ начальствомъ ген. Кельчевскаго.

Одновременно съ этимъ, по соглашенію съ румынскимъ командованиемъ, на фронтъ выводились всѣ румынскія дивизіи. Щербачевъ полагаетъ, что 18 румынскихъ дивизій, укомплектованныхъ полностью, обученныхъ и отлично снабженныхъ продовольствомъ, могли вмѣстѣ съ оставшимися еще на фронтѣ русскими войсками удержатъ до 35-40 слабовѣхъ по численности дивизій противника.

Имущество фронта зарегистрировывалось и складывалось подъ расписку румынамъ, поскольку оно необходимо было для новыхъ формированій. Паскелье быстро фронтъ таялъ, видно изъ слѣдующихъ цифръ: въ концѣ ноября 1917 г. было 1.190.264 противъ штата 1.761.245 чел. (382.883 русскихъ и 129.555 румынскихъ штыковъ). Къ 5/18 января 1918 г. на фронтѣ оставалось, примерно, больше 50.000 русскихъ штыковъ. Приказъ о демобилизаціи былъ данъ лишь 25 марта 1918 г.

Между тѣмъ, германскія войска проникли въ Украину, обходя правый флангъ румынскаго фронта. Приглашенный директоріей (Голубовичемъ) ген. Эйхгорнъ занялъ 21/III Кіевъ, 4/IV Харьковъ, 7/V Ростовъ. Австріяцы заняли 12/III Одессу.

При такомъ отчаянномъ положеніи Румынскій Король убеждалъ съ Щербачевымъ предложеніе, присланное Алексѣевымъ, отойти на новую оборонительную линію въ районъ Дона. Несмотря на риски и трудности, Король былъ склоненъ принять это предложение, но правительство колебалось, событія же развивались: формирование національных частей не дало того, на что рассчитывало русское командование.

Два украинскихъ корпуса разсыпались; одинъ, будучи еще во времена Рады посланъ на Украину, растаялъ подъ вліяніемъ проникшей въ его ряды пропаганды; другой былъ самовольно снятъ съ фронта и не безъ искусства уведень мимо румынскихъ частей въ тылъ временно командующимъ ген. Шильдбахомъ. По прибытіи на родину его постигла та же участь, какъ и перваго. Телеграмма № 65.786 даетъ картину положенія на фронтѣ передъ его уходомъ: «Поглавкорум приказалъ объявить, что замѣнить части 23 (украинскаго) корпуса на позиціи 10-мъ корпусомъ не можетъ, въ виду слабаго численнаго состава. Оставленіе 23-мъ корпусомъ позиціи безъ замѣны кѣмъ-либо равносильно измѣнѣ родинѣ и всякій, кто такой примѣръ подастъ, будетъ считаться измѣнникомъ. Въ случаѣ движенія 23-го корпуса безъ приказанія съ фронта кль будетъ согласно приказа № 01980 разоружень. Приказъ о движеніи 23-го и 16-го корпусовъ Поглавкорум отмѣняетъ, и приказалъ напомнить тяжелую отвѣтственность всѣхъ, кто беретъ на себя очищеніе фронта и увеличеніе развала арміи. Яссы, 28 декабря № 0,2224 Геруа». На польскіе корпуса также не приходилось уже рассчитывать. Ихъ нельзя было увлечь въ обратнсмъ отъ ихъ родины направленіи. Они были отосланы въ Польшу, куда и прибыли послѣ всякихъ приключеній. Мусульманскій корпусъ Сулькевича, отосланный въ Крымъ, по дорогѣ, на Днѣстрѣ, былъ окружень оккупационными войсками нѣмцевъ и лишень войскового имущества. Формированіе добровольческаго корпуса свелось къ

набору 600 человекъ подъ начальствомъ Дроздовскаго.

При такомъ положеніи на фронтѣ Щербачевъ рѣшилъ взять на себя инициативу переговоровъ о перемиріи, давая Румынскому Королю сохранить лицо передъ союзниками. Румыны сохранили благодарность Щербачеву за этотъ актъ. Для переговоровъ о перемиріи былъ посланъ ген. Кельчевскій, который выговорилъ условіе, что противникъ не уведетъ съ фронта своихъ дивизій до заключенія мира. Перемиріе между русскимъ Главнокомандующимъ и фельдмаршаломъ Макензеномъ не было унижительнымъ для русскихъ.

Румынія заключила миръ. Германія согласилась на присоединеніе къ Румыніи Бессарабіи.

Въ условія мира было включено расформированіе, если понадобится силой, всѣхъ національныхъ и добровольческихъ русскихъ частей на румынской территоріи. Раньше чѣмъ это условіе было обнародовано, Дроздовская бригада исчезла изъ предѣловъ Румыніи.

18 апрѣля 1918 г. Щербачевъ сообщилъ союзнымъ миссіямъ, что передаетъ ликвидацію фронта ген. Перякхайло, и переѣхалъ частнымъ человекомъ въ Гдынцы, замокъ князя Богдана. По случаю ухода Щербачева союзные посланники въ Яссахъ обратились къ нему со слѣдующимъ коллективнымъ письмомъ:

Yassy 8 avril 1918.

Excellence

Par votre lettre du 7 avril N 113576, vous nous communiquez que vous vous demettez de vos fonctions de Commandant en Chef des Armées Russes du front Roumain et que le général Perjkhaïlo est nommé chef de la commission de démobilisation du front.

Au moment où vous abandonnez votre poste, permettez nous de vous exprimer nos regrets de ne plus pouvoir travailler en commun et de vous confirmer toute l'estime que vous avez su vous gagner par votre fermeté et votre entière loyauté grâce auxquelles, dans les situations les plus pénibles, vous avez su soutenir dans la mesure du possible les intérêts des Alliés.

Veillez agréer, Excellence, l'assurance de
notre complète estime.

Ambassadeurs	{	de Grande Brétagne	I. Barclay
		des Etats Unis d'Amérique	C. Vopica
		de France	St. Aulaire
		d'Italie	Faciotti

Ходатайство Щербачева о разрѣшеніи переѣхать въ Швейцарію осталось безъ отвѣта со стороны нѣмцевъ.

Въ это время Троцкій прислалъ члена Румгерода Брашевана съ предложеніемъ всему штабу Щербачева въ полномъ составѣ перейти на совѣтскую

службу въ качествѣ полевого штаба Красной арміи. Штабъ отказался.

Изъ общей массы изложенныхъ здѣсь фактовъ выдѣлимъ то, что относится къ темѣ. Въ изложенный періодъ Щербачевъ ведетъ борьбу со внѣшнимъ врагомъ и одновременно готовить вооруженныя дѣйствія одними русскими средствами, безъ иностранной помощи, противъ совѣтской власти. Онъ рассчитываетъ на отличающуюся отъ великороссовъ психологію инородцевъ. Кромѣ того, онъ надѣется набрать цѣлый корпусъ изъ русскихъ людей, настолько убѣжденныхъ въ необходимости борьбы съ большевиками, что они съ оружіемъ въ рукахъ поспѣдуютъ за нимъ на бой съ совѣтской властью. Расчетъ его не оправдывается. Малороссійскія войска отличаются отъ великорусскихъ лишь темномъ разложеніи. Національныя чувства поляковъ побуждаютъ ихъ идти на родину, а не на вмѣшательство во внутреннія дѣла бывшаго завоевателя. Татарскій корпусъ не выдерживаетъ испытанія. Добравшись до Крыма, татарскія части корпуса уходятъ при первыхъ признакахъ появленія противника.

Неточнымъ оказался и расчетъ на другую категорию борцовъ противъ совѣтовъ — добровольцевъ. Находясь на территоріи чужого государства, Щербачевъ могъ рассчитывать найти необходимые для этого элементы лишь въ войскахъ фронта. Между тѣмъ, солдатскій элементъ ухватился за вѣсть о мирѣ. Какъ можно было направить его на борьбу съ большевиками, которые позволяли ему немедленно вернуться домой и обѣщали всю власть передать въ

руки «народа»? Оставались офицеры, дравшіеся съ мужествомъ, а зачастую и геройски противъ вѣдшаго врага. Для нѣкоторыхъ оставшихся въ живыхъ теперь понятно почему имъ необходимо было бороться, хотя бы съ точки зрѣнія личной безопасности, не говоря о политической идеи. Тогда же обстановка была для нихъ не ясна. Февральскій переворотъ и послѣдующая политика Временнаго Правительства внесли политическій сумбуръ въ офицерскую среду. Эта среда была по своему составу къ концу 1917 г. далеко не тѣмъ, что въ мирное время.

Русское офицерство было въ корнѣ аполитично. По стандарту жизни русскихъ офицеровъ нельзя было причислить къ буржуазіи». Для многихъ изъ нихъ военная карьера являлась средствомъ къ существованію. Прерогативы классовъ не могли ни въ коемъ случаѣ увлечь ихъ на самопожертвованіе.

Выпущенные во время войны офицеры вели себя доблестно въ бояхъ, но имъ казалось, что они офицеры лишь на время войны, а съ переходомъ на мирное положеніе они становятся снова простыми гражданами, какими были раньше. Мысль о томъ, что какая-либо власть можетъ преслѣдовать ихъ за то, что они выполнили свой долгъ на фронтѣ съ офицерскими погонами, не приходила многимъ, первоначально, въ голову.

При формированіи добровольческихъ частей нельзя было апеллировать къ опредѣленной государственной мысли, изъ опасенія, что любая формула найдетъ наряду съ приверженцами большое число противниковъ. Поэтому и Деникинъ пишетъ: «Мы

не предпрѣшали будущаго государственнаго устройства, ни путей и способовъ, коими русскій народъ объявить свою волю.»

Нельзя не упомянуть и о фатализмѣ и его дѣтницѣ инертности. Чувство долга побѣждаетъ эту покорность судьбѣ, но когда долгъ не ясенъ и остается лишь личный вопросъ, средній русскій человѣкъ не склоненъ къ рѣшительному воздѣйствію на общій ходъ событій. Поговорка «одинъ въ полѣ не воинъ» не существуетъ ни на одномъ западно-европейскомъ языкѣ. Человѣку съ воинственнымъ эгоизмомъ она не понятна (5).

Такое странное явленіе можно однако объяснить и паденіемъ энергіи. Ллойдъ Джорджъ говоритъ: «Сложная вещь — человѣческая натура. Иногда люди неожиданно дѣлаютъ усиліе, грандіозность котораго всѣхъ изумляетъ. Такимъ усиліемъ была послѣдняя война. А иногда, въ случаяхъ, касаю-

(5) Въ концѣ декабря 1917 г. матросы захватили Ялту, послѣ чего организаторы этого дѣла съ такой-же цѣлью перешли на частномъ пароходѣ въ Одессу. Старшимъ начальникомъ въ Одессѣ былъ ген. Санниковъ. Наканунѣ ихъ прибытія не подчиненные ему украинскіе гайдамаки оставили городъ. Когда ген. Санникову доложили о всѣхъ подробностяхъ предполагавшагося на слѣдующій день выступленія, для котораго у матросовъ не могло быть въ началѣ выступленія болѣе 500 чел., онъ лишь развелъ руками. На указаніе, что въ Одессѣ насчитывалось около 10.000 чел. въ офицерскомъ союзѣ, возглавляемомъ ген. Леонтовичемъ, онъ съ грустью сдѣлалъ безнадежный жестъ. Горсть возставшихъ произвела переворотъ въ Одессѣ. Поставили заставы на выходахъ изъ города. Былъ объявленъ срокъ 24 часа для свободнаго ухода изъ города офицеровъ. Повѣрившихъ захватили на заставахъ, прочихъ розыскали по домамъ.

щихся ихъ ближнимъ образомъ, они не предпринимаютъ рѣшительно ничего».

Между тѣмъ исторія показала, что и инертные люди такъ или иначе вынуждены были участвовать въ гражданской войнѣ. Не отдѣльный человѣкъ рѣшаетъ свое отношеніе къ событіямъ, а стихія. Фатализмъ наперекоръ логикѣ близокъ къ истинѣ. Разумъ—величина другого, чѣмъ истина, измѣренія. Объема нельзя измѣрить точкой. Черви вникаютъ основательнѣе въ окончательные результаты человѣческаго бытія, чѣмъ Кантъ со своимъ «чистымъ разумомъ» и «категорическимъ императивомъ». При данной обстановкѣ офицеры или «категорическаго» ни вообще какого-либо «императива» не могли у себя обнаружить, и ихъ въ этомъ никто не можетъ винить.

Эти обстоятельства, а также неблагоприятно создавшаяся въ послѣдствіи обстановка, въ связи съ проникновеніемъ нѣмцевъ въ Малороссію и заключеніемъ мира Румыніей, воспрепятствовали закончить формированіе на румынскомъ фронтѣ добровольческаго корпуса. На подмогу добровольческой арміи, на югъ Россіи, отправилась лишь бригада ген. Дрездовскаго, пробившись туда черезъ оккупированную нѣмцами территорію. Кроме того, подъ начальствомъ полк. Ильина, былъ отправленъ въ Добровольческую армію пароходъ съ санитарнымъ имуществомъ, весьма пригодившимся добровольцамъ. Въ послѣдствіи была налажена отправка вооруженія и аммуниціи.

Неудача съ формированіемъ національных и добровольческихъ частей изъ войскъ румынскаго фронта, казалось, выбивала карты изъ рукъ Щерба-

чева. Въ дальнѣйшихъ главахъ мы увидимъ, однако, какіе у него нашлись еще неожиданные козыри.

Глава 4-ая.

Живя въ сторонѣ, въ замкѣ Гдынцы, Щербачевъ обдумывалъ планы, могущіе при разныхъ обстоятельствахъ привести къ побѣдѣ надъ большевиками. Онъ велъ переписку съ начальниками добровольческихъ армій, гдѣ послѣ смерти Алексѣева и въ особенности послѣ германской оккупации (Ф. Кнерцеръ, имѣя 3 пѣх. дивизіи и 1 кав. дивизію, послѣ кровопролитнаго боя занялъ въ началѣ мая Батайскъ и стремился установить сношеніе съ казаками), происходили нелады между ген. Деникинымъ и атаманомъ Красновымъ. Первый обвинялъ второго въ германофильствѣ. Красновъ же указывалъ на свое непосредственное соприкосновеніе съ германскими оккупационными войсками и на необходимость сохраненія добрососѣдскихъ съ ними отношеній. Онъ получалъ отъ нѣмцевъ снабженіе и, передавалъ таковое и деникинской арміи.

Принятіе Щербачевымъ верховнаго командованія надъ всѣми антисовѣтскими арміями юга Красновъ считалъ единственнымъ средствомъ для устраненія дальнѣйшихъ недоразумѣній.

Щербачевъ, однако, думалъ объ иныхъ путяхъ: онъ рассчитывалъ на побѣду надъ большевиками лишь съ помощію союзниковъ; всѣ его помыслы шли къ тому, чтобы стать связующимъ звеномъ между верховнымъ совѣтомъ союзниковъ въ Парижѣ, и ар-

мiями уже существующими, а также и тѣми, которыя онъ мечталъ создать съ ихъ помощью. Поэтому онъ отъ предложенiя Краснова отказался и просилъ Краснова подчиниться Деникину.

Осенью 1918 г. Щербачевъ послалъ въ добровольческую армию помк. ген. штаба Мельчакова съ письмами командному составу для полученiя отъ старшихъ начальниковъ ихъ соображенiй по поводу его плановъ. Отвѣтъ совпалъ съ крушенiемъ южнаго фронта центральныхъ державъ.

Когда ген. Бертело во главѣ союзныхъ войскъ вѣхалъ черезъ Джорджию въ Букарестъ, Щербачевъ отправился къ нему для приведенiя своихъ намѣренiй въ исполненiе. Ген. Бертело, передавъ ему отъ имени Францiи почетный легiонъ большого креста и обсудивъ съ нимъ обстановку, остановился на планѣ, о которомъ Щербачевъ въ тотъ же вечеръ, 15 ноября 1918 г., написалъ ген. Деникину слѣдующее:

«Милостивый Государь Антонъ Ивановичъ, какъ я писалъ Вамъ въ послѣднемъ своемъ письмѣ, я посѣтилъ ген. Бертело въ его главной квартирѣ въ Букарестѣ для предварительныхъ переговоровъ о своемъ прѣздѣ въ Главную Квартиру Маршала Франше д'Эспре и далѣе въ Парижъ съ цѣлью ускорить прибытiе союзныхъ войскъ и средствъ войны въ Россiю.

Въ Букарестѣ мнѣ удалось достигнуть результатовъ, которые значительно превзошли предположенiя.

Путемъ непосредственнаго общенiя и обмѣна мнѣнiй съ генераломъ Бертело, съ коимъ насъ свя-

зывала и прежняя общность идей и дѣйствій, нынѣ удалось придать переговорамъ въ Бухарестѣ форму исчерпывающе рѣшительную настолько, что временно отпала надобность проѣзда въ Парижъ и къ Франшэ д'Эспре.

Генераль Бертело, имѣющій личную и дѣльную сильную поддержку Г. Клемансо, Предсѣдателя союзныхъ версальскихъ совѣщаній, облеченъ полною мощью «Главнoкомандующаго арміями союзниковъ въ Румыніи, Трансильваніи и на югѣ Россіи» и въ качествѣ такового лица имѣетъ возможность проектировать и осуществлять всѣ вопросы политическіе и военные, касающіеся юга Россіи и спасенія ея отъ анархіи. Мнѣ удалось подвинуть этотъ вопросъ впередъ настолько, что нынѣ едва ли остается желать въ этомъ отношеніи ничего сверхъ предполагаемаго на совѣщаніяхъ моихъ съ генераломъ Бертело.

Рѣшено же нижеслѣдующее:

1) Для оккупации Юга Россіи будетъ двинуто настолько быстро, насколько это только возможно, 12 дивизій, изъ коихъ одна будетъ въ Одессѣ на сихъ же дняхъ.

2) Дивизіи будутъ французскія и греческія.

3) По предложенію союзниковъ и Бертело, я буду состоять при послѣднемъ и буду участвовать въ рѣшеніи всѣхъ вопросовъ.

4) База союзниковъ — Одесса; Севастополь будетъ занятъ теперь быстро.

5) Союзными войсками на югѣ Россіи первое время будетъ командовать корпусный генераль д'Ансельмъ съ Главною Квартирой въ Одессѣ, гдѣ

буду находиться и я съ состоящими при мнѣ Вамъ извѣстными лицами.

6) Генераль Бертелло, до времени, со своей Главною Квартирой остается въ Букарестѣ.

7) По прибытіи союзныхъ войскъ, кромѣ Одессы и Севастополя, которые будутъ, несомнѣнно, заняты ко времени полученія Вами этого письма, союзники займутъ быстро Кіевъ, Харьковъ съ Криворожскимъ и Донецкимъ бассейнами, Донъ и Кубань, чтобы дать возможность Добровольческой и Донской арміямъ прочнѣе соорганизоваться и быть свободными для болѣе широкихъ активныхъ операцій.

8) Подъ прикрытіемъ союзной оккупациі необходимо немедленное формированіе русскихъ армій на югѣ Россіи во имя возрожденія Великой единой Россіи. Съ этой цѣлью теперь же долженъ быть рѣшенъ и разработанъ вопросъ о способахъ и районахъ формированій этихъ армій, по мѣрѣ продвиженія союзниковъ. Только при такомъ условіи будетъ обезпечено скорѣйшее наступленіе всѣхъ союзныхъ армій подъ единымъ командованіемъ, на Москву.

9) Въ Одессу, какъ главную базу союзниковъ, прибудеть огромное количество всякаго рода средствъ, оружія, боевыхъ огнестрѣльныхъ запасовъ, танковъ, желѣзнодорожныхъ и дорожныхъ средствъ, авиавтики, продовольствія и проч.

10) Боевые запасы бывшаго Румынскаго фронта и Украины, равно какъ и таковыя Дона, можно отнынѣ считать въ полномъ нашемъ распоряженіи. Для сего осталось дѣлать лишь небольшія дипломатическія усилія, успѣхъ коихъ обезпеченъ, такъ какъ онъ опирается на всемогущество союзниковъ.

11) Относительно финансовой поддержки намъ у союзниковъ вырабатывается особый специальный планъ.

Изъ изложенной схемы Вы видите широту достигнутого въ Букарестѣ. Подробности сообщу Вамъ лично, для чего прибуду въ Новороссійскъ на французскомъ военномъ кораблѣ въ самомъ непродолжительномъ времени. О выѣздѣ предупрежу Васъ особо.

Все сообщаемое — секретъ, частью неизвѣстный даже начальнику штаба генерала Бертело. Успѣхъ дѣла требуетъ, до времени, искуснаго храненія тайны.

Не откажите телеграфировать мнѣ о времени полученія этого письма срочнымъ порядкомъ черезъ адмирала Ненюкова, по двумъ адресамъ: въ Яссы черезъ Русскаго Посланника и въ Одессу черезъ Адмирала Ненюкова.

Примите и проч.»

Выѣхавъ въ Яссы, Щербачевъ добавилъ къ этимъ свѣдѣнїямъ подробности, о которыхъ узнаемъ изъ письма отъ 20 ноября 1918 г.

«Глубокоуважаемый Антонъ Ивановичъ, съ Капитаномъ Федоровымъ (ген. Штаба, посланецъ ген. Деникина, — А. Г.) я сообщилъ Вамъ общее положеніе и работу въ Яссахъ ко времени моей поѣздки къ генералу Бертело. Въ прилагаемомъ письмѣ, написанномъ въ Букарестѣ, (оно въ копїи у Васъ, — А. Г.) изложено все то, что мною тамъ сдѣлано. Вчера вечеромъ я вернулся въ Яссы и въ настоящее время хочу изложить свои впечатлѣнїя и нѣкоторыя данныя для Вашего свѣдѣнїя.

Все изложенное, какъ въ прилагаемомъ письмѣ, такъ и въ этомъ извѣстно только посланнику Полевскому и подполковникамъ Щербачеву и Мельчакову безъ права сообщенія кому-нибудь, такъ какъ ген. Бертело просилъ все сохранить въ секретѣ до нашего прибытія въ Одессу.

Кого найдете нужнымъ, не откажите посвятить, главнымъ образомъ, мнѣ кажется, С. Д. Сазонова.

По приѣздѣ въ Бухарестъ 15 ноября, я узналъ, что къ вечеру прибудетъ туда генераль Бертело со Штабомъ (пока неофициально до торжественнаго въѣзда Короля 19 ноября).

Тотчасъ по приѣздѣ вечеромъ я былъ у ген. Бертело и вторично 16 утромъ съ генераломъ Геруа и былъ приглашенъ французскій генераль д'Ансельмъ, который будетъ командовать первыми высадившимися войсками въ Одессѣ.

Генераль Бертело, съ которымъ я работалъ почти годъ въ Румыніи, проявилъ выдающуюся любезность и твердо заявилъ, что союзниками рѣшено оказать серьезную помощь Россіи, въ видахъ восстановления порядка и единой Россіи; не вмѣшиваясь во внутреннія дѣла, дать возможность скорѣе организовать Всероссійское Правительство. Изъ разговора съ нимъ ясно было отрицательное отношеніе ко всѣмъ, кто работалъ съ нѣмцами, и самое доброжелательное отношеніе къ Добровольческой Арміи и къ Вамъ лично и готовность оказать полное содѣйствіе.

Будучи назначенъ Версальскимъ совѣщаніемъ Главнокомандующимъ Союзными войсками въ Румыніи, Трансильваніи и на югѣ Россіи, широко по-

Зная это и получивъ широкія полномочія и права, онъ отъ имени союзниковъ и себя предложилъ мнѣ состоять при немъ, указавъ, что ничего не будетъ предпринято безъ моего согласія и добавилъ, что моя поѣздка въ Парижъ теперь была бы излишней, такъ какъ всѣ вопросы могутъ быть рѣшены съ нимъ.

Руководствуясь данными мнѣ полномочіями состоять при высшемъ союзномъ командованіи, я съчелъ себя вправѣ дать согласіе и переговорить по всѣмъ главнымъ вопросамъ съ генераломъ Бертело. Думаю, что при этихъ условіяхъ и постоянно поддерживая связь съ Вами, легче будетъ координировать дѣйствіе нашихъ войскъ и союзниковъ и содѣйствовать выполненію принятаго Вами плана.

Какъ я писалъ, всего будетъ назначено 12 французскихъ и греческихъ дивизій и кромѣ того одна или двѣ англійскихъ направлено со стороны Каспійскаго моря. Румыны официально не принимаютъ участія, но въ виду недостатка французскихъ войскъ, будутъ добавлены румыны, примѣрно по батальону на полкъ, причемъ все командованіе будетъ французское и, быть можетъ, даже французская форма одежды.

Главная Квартира Бертело пока остается въ Букарестѣ, а для поѣздокъ у него будетъ поѣздъ.

Первыми высаживающимися войсками будетъ командовать генераль д'Ансельмъ, имѣя Главную Квартиру въ Одессѣ, куда меня просилъ также пріѣхать генераль Бертело, а для выясненія съ Вами всѣхъ вопросовъ и установленія общаго плана дѣйствій, онъ придаетъ большое значеніе скорѣйшему моему личному свиданію съ Вами, обѣщавъ предо-

ставить мнѣ для этого французскій крейсеръ. О времени выѣзда буду телеграфировать, надѣюсь около 30 ноября быть у Васъ.

Приняты мѣры по установленію прямой связи Одессы съ Букарестомъ и съ Вами и съ главными городами юга.

Независимо энергичныхъ и рѣшительныхъ дѣйствій на югѣ, предложено наступленіе англичанъ на Петроградъ и высадка въ одномъ изъ портовъ Балтійскаго моря, наступленіе японцевъ и американскихъ войскъ въ Сибири и содѣйствіе польскихъ войскъ на западѣ; такимъ образомъ большевизія будетъ окружена сплошнымъ кольцомъ, послѣ чего будетъ предъявленъ рѣшительный ультиматумъ большевикамъ.

Генераль Бертелло придаетъ большое значеніе скорѣйшему формированію русскихъ армій по мѣрѣ продвиженія союзниковъ для предстоящихъ активныхъ дѣйствій.

Мое личное мнѣніе, что надо имѣть 4—5 армій, — 1) Добровольческую, 2) 1—2 армій на Дону и 3) двѣ армій въ Малороссіи и Новороссіи, для чего теперь же долженъ быть разработанъ планъ формированія, призывъ, при чемъ можно использовать кадры и подготовку, сдѣланную въ Украинскомъ Штабѣ.

При этомъ придется сформировать штабъ Главнокомандующаго войсками Южной Россіи, который, вѣроятно, будетъ выдѣленъ изъ штаба Добровольческой Арміи и два Штаба армій въ Малороссіи и Новороссіи. Намѣтивъ Командующихъ этими арміями, можно на нихъ возложить формированія. Со своей стороны могъ бы указать на генераловъ Кельчевскаго

и Перяжхайло, бывшихъ командующихъ 9-й и 6-й армій, до послѣдней минуты выказавшихъ себя съ лучшей стороны.

Генераль Перяжхайло въ Кіевѣ и имѣеть подготовленныхъ нѣскольکو личныхъ офицеровъ Генеральнаго Штаба и знакомъ съ обстановкой. Оба всегда были строго русскаго направленія и пользовались довѣріемъ союзниковъ.

По указаннымъ вопросамъ ко времени моего пріѣзда къ Вамъ желательно получить Ваше рѣшеніе.

Генераль Бертело высказалъ, что до сформирования Всероссійскаго Правительства и назначенія соотвѣтствующихъ административныхъ лицъ, лучше предоставить продолжать работу существующей администраціи, кромѣ лицъ враждебныхъ союзникамъ. Въ виду же особаго значенія, которое получаетъ Одесса, казалось бы, здѣсь нужно лицо энергичное, твердое и строго общерусскаго направленія, чему генераль Раухъ, думаю, не отвѣчаетъ.

Всѣ лица, состоящія при мнѣ, будутъ работать съ французскимъ штабомъ, и всѣ наши усилія будутъ направлены для достиженія русскихъ интересовъ. По прибытіи, надѣюсь, подробно ознакомить съ общей обстановкой и получить рѣшеніе по всѣмъ возникающимъ вопросамъ. Генераль Геруа останется при генераль д'Ансельмѣ на случай возникновенія какихъ-либо вопросовъ, и я прибуду съ 1—2 лицами и надѣюсь въ 2 дня удастся все переговорить.

Примите и проч.».

Разрабатывая схему дальнѣйшихъ дѣйствій, Щербачевъ ждалъ въ Яссахъ прибытія генерала Бертело, посланнаго весь планъ на утвержденіе Клемансо и маршала Франшэ д'Эспре. Окончательныя дѣйствія должны были быть установлены на совѣщаніи въ Яссахъ по полученіи соотвѣствующихъ отъ Клемансо указаній.

Къ частичному осуществленію плана было, однако, приступлено сразу же. Началась переброска въ Одессу, въ видѣ авангарда намѣченной къ развертыванію на югъ Россіи союзной арміи, частей генерала д'Ансельма.

Не получивъ извѣстій отъ ген. Бертело, Щербачевъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ его прибытія въ Яссы. Прошло болѣе двухъ недѣль и нетерпѣніе начало переходить въ безпокойство. Между тѣмъ съ самаго начала выполненія плана начались тренія. Такъ, ген. д'Ансельмъ назначилъ начальнику Штаба фронта генералу Геруа, который долженъ былъ состоять при немъ, мѣсто на одномъ изъ судовъ, везшихъ его обозъ, подчеркнувъ этимъ насколько онъ собирался съ нимъ считаться. Поэтому вмѣсто ген. Геруа былъ назначенъ полковникъ Кропочевъ.

Наконецъ ген. Бертело пріѣхалъ въ Яссы на похоронахъ французскаго ген. Лафона и сообщилъ, что планъ не нашелъ одобренія верховнаго совѣта союзниковъ. Клемансо его отмѣнилъ и предложилъ рядъ другихъ мѣръ. Во что все вылилось, видно изъ письма Щербачева В. А. Маклакову отъ 1—14 декабря.

«Милостивый Государь, Василий Алексѣевичъ. Обстановка вновь измѣнилась, а слѣдовательно и планъ дѣйствій.

Генераль Бертело заявилъ, что эти дни имѣлъ рядъ сношеній съ г. Клемансо и, по соглашенію съ союзниками, призналъ рискованнымъ дѣйствовать утомленными войсками, не имѣя притомъ возможности снабдить и обезпечить ихъ всѣмъ необходимымъ. Вслѣдствіе этого рѣшено сформировать новыя французскія дивизіи и сегодня одинъ полкъ французовъ высаживается въ Одессѣ, другой въ Севастополѣ, а третій двинуть изъ Яссъ въ Тирасполь; я предложилъ занять Раздѣльную и Николаевъ. Одновременно предъявлено требованіе нѣмецкимъ войскамъ содѣйствовать поддержанію порядка на Украинѣ, а Винниченко и Петлюрѣ заявлено, что въ случаѣ, если они будутъ способствовать нарушенію порядка, то они будутъ лично отвѣтственны. Относительно дѣйствій на сѣверѣ англичанъ и на востокѣ американцевъ переговоры продолжаются. Принимая во вниманіе изложенное, я вмѣстѣ съ однимъ французскимъ офицеромъ послѣзавтра ѣду въ Букарестъ и оттуда черезъ Констанцу въ Новороссійскъ и Екатеринодаръ для переговоровъ съ ген. Деникинымъ. Это важно, какъ въ виду установленія дальнѣйшаго плана дѣйствій, такъ и по возможности, чтобы постараться сгладить тренія, возникшія между ген. Деникинымъ и Атаманомъ Красновымъ...»

Итоги всего предпріятія опредѣляетъ Н. Кукуринъ въ книгѣ «Какъ сражалась революція» изд. 1926 г. томъ II.

«Въ половинѣ февраля 1919 г. въ Одесской оккупационной зонѣ было сосредоточено: дивизія французовъ (ген. Деникинъ считаетъ 1½ дивизіи), около 6.000 чел., 2.000 (2 дивизіи) грековъ. (Начальникомъ греческаго корпуса въ Одессѣ былъ генераль. Негропонтусъ, (зап. ген. Геруа), около 4.000 (1 бригада) поляковъ и до 1.500 добровольцевъ (5.000 добровольчesk. бригада ген. Тимановскаго); всего 12.000 чел. Въ началѣ апрѣля во Франціи пало министерство Клемансо, дѣятельнаго сторонника активной интервенціи, и первыми шагами его преемника было отозваніе союзнаго десанта изъ предѣловъ совѣтской территоріи.

Франко-греческія войска получили приказаніе очистить территорію Одессы въ 3-дневный срокъ, но они успѣли очистить территорію города и порта въ сутки съ небольшимъ, войдя въ переговоры о различныхъ подробностяхъ своего ухода съ мѣстнымъ совѣтомъ рабочихъ депутатовъ и передавъ ему всю власть въ городѣ.

Войска атамана Григорьева 6 апрѣля заняли городъ Одессу. 17 апрѣля части красной арміи вступили въ Севастополь.

На этомъ и окончилась попытка активной интервенціи Франціи».

Если изложенная въ предшествующей главѣ первая попытка Щербачева свергнуть большевиковъ одними російскими средствами въ корнѣ тайла элементы неудачи, то грандіозный планъ, выработанный съ генераломъ Вертелло, не удался лишь благодаря стеченія ряда неблагоприятныхъ обстоятельствъ.

Самостоятельный и убѣжденный въ правильности своихъ дѣйствій и рѣшеній энергичный начальникъ, облеченный полною властью, могъ выслать впередъ всѣ 12 дивизій одновременно. Онѣ въ кратчайшій срокъ вѣроятно безъ сопротивленія заняли бы линію Кіевъ-Харьковъ. Иностранной арміи, отлично снабженной всѣми техническими средствами, большевики и дальше не могли бы оказать серьезнаго сопротивленія. Никакой прочной организаціи въ этотъ періодъ у нихъ еще не было, а съ голыми руками противъ танковъ и аэроплановъ сражаться было невысказано. Народныя массы съ полной апатіей покорялись чужеземной власти, какъ мы видѣли повсемѣстно при германской оккупациі, Бертело могъ поставить союзниковъ передъ совершившимся фактомъ, всегда оправдываемымъ необходимостью обезпечить себя со стороны большевиковъ и установить связь съ Польшей. Неблагоприятнымъ обстоятельствомъ оказалось и то, что для выполненія плана предназначались первоначально французскіе войска, а не войска другихъ союзниковъ, коихъ не пришлось бы отзывать по мѣняющемуся настроенію французскаго кабинета или парламента. Во главѣ авангардныхъ группъ, французскій начальникъ и начальникъ его штаба оказались мало подходящими для выполненія возложенной на нихъ задачи.

Не будь этихъ факторовъ, то кромѣ немедленнаго продвиженія на линіи Кіевъ-Харьковъ, которое уже само по себѣ сыграло бы моральную роль, размѣръ коей учесть трудно, въ тылу за этой линіей началось бы формированіе войска отчасти изъ французскихъ кадровъ, въ кои должны были вливаться русскія, а

также греческія, а можетъ быть и румынскія силы ⁽⁶⁾.

Всѣ войска могли быть снабжены съ избыткомъ изъ военнаго имущества бывшаго румынскаго фронта, сданнаго Румыніи, и использованіе котораго не встрѣчало бы серьезныхъ препятствій. Наконецъ, денежныя средства даже еще 18 февраля — 5 марта были весьма значительны и, при успѣхѣ, въ нихъ не было бы отказано.

Планъ былъ принять ген. Бертело 15/28 ноября, а отозваніе войска изъ Одессы произошло въ началѣ апрѣля. За 4 мѣсяца войска съ линіи Кіевь-Харьковъ могли дойти до Москвы. Если же они ограничились бы выдвигеніемъ на эту линію, то за этотъ срокъ новыя формированія, т. е. цѣлыя арміи до 500.000 чел., уже независимыя отъ политическихъ

⁽⁶⁾ Одинъ изъ позднѣйшихъ проектовъ формированія такихъ бригадъ, конемъ при послѣдующей, иной уже обстановкѣ ген. Шварцъ въ Одессѣ долженъ былъ заняться, упоминается въ письмѣ ген. Геруа ген. Деникину, отъ 18/II — 5 марта 1919 г. № 255, Букарестъ.

«По поводу бригадъ «mixtes» генераль Бертело, видимо, желалъ бы быть понятымъ и, лица сближенія мысли насчетъ организациі будущей вооруженной силы въ районѣ Одесскаго плацдарма, чѣмъ онъ очень озабоченъ, выразился такъ: «Я думалъ оказать пользу общему дѣлу, привлекая русскихъ и французовъ къ созданію общихъ войсковыхъ единицъ, обеспеченныхъ значительнымъ содержаніемъ. Конечно, я рассчитывалъ впоследствии, когда это дѣло окупится бы, передать эти войсковыя части русской власти.» Повидимому, генералу Бертело въ бесѣдѣ со мною хотѣлось развеять сомнѣнія многихъ русскихъ въ цѣляхъ созданія бригадъ «mixtes». И мнѣ показалось, что это усиліе генерала Бертело убѣдить меня, имѣло совершенно чистосердечное происхожденіе...»

теченіи во Франціи, оказались бы достаточнымъ средствомъ для достиженія конечныхъ цѣлей Щербачева.

Совѣтская власть должна была пасть; случайное стеченіе обстоятельствъ ее спасло.

Наступило бы послѣ этого всеобщее умпротвореніе?

Въ своемъ письмѣ Щербачеву, написанномъ наканунѣ смерти, Алексѣевъ высказываетъ определенное убѣжденіе, что Россія не созрѣла для монархической идеи. Періодъ мартъ-октябрь 1917 г. оставилъ слишкомъ глубокіе слѣды; антимонархическіе элементы усилились и организовались при временномъ правительствѣ.

Добровольческое движеніе не имѣло успѣха въ числѣ многихъ причинъ и изъ-за отсутствія привлекательнаго и убѣдительнаго лозунга. Попытка прикрыть зияющую пропасть между разнородными груп-

«Проектъ объ этихъ бригадахъ, сообщается въ своей запискѣ ген. Геруа, разрабатывался въ Одессѣ въ штабѣ ген. д'Ансельма. Ген. Щербачевъ, на своемъ обратномъ пути изъ Добровольческой арміи въ Румынію заѣхалъ въ Одессу и тамъ по этому поводу говорилъ съ ген. Шварцемъ, бывшимъ Ивангородскимъ Комедантомъ, привлеченнымъ французами къ работамъ по этому проекту. Въ результатѣ этого собесѣдованія ген. Щербачевъ остался увѣреннымъ въ пользу подобнаго формированія, снабженнаго, къ тому же, большими денежными и техническими возможностями. Его не смущала предположенная перемѣна формы, одежды и даже офицерскихъ погонъ, какъ это имѣло мѣсто въ Добровольческой арміи, настаивавшей на сохраненіи старыхъ образцовъ.

Соображенія о томъ, что утомленные французскія войска не могли бы дать необходимыхъ кадровъ для этихъ формированій, также нельзя признать правильными.

нами, ополчившихся противъ коммунизма, не могла увѣнчаться успѣхомъ. Лозунги были связаны съ мыслью о неизбежныхъ разногласіяхъ, а не съ идеей о всеобщемъ успокоеніи. Неопредѣленное не побуждаетъ опредѣленнаго (*).

Администрація въ тылу Добровольческихъ армій была въ рукахъ представителей лѣвыхъ партій, а передовые борцы были почти все правыми. Одни не знали точно, для кого дерутся, другіе не вѣрили тѣмъ, кто добивался власти. Не считаться съ этимъ не могъ ни одинъ изъ высшихъ военныхъ начальниковъ. А что думало населеніе? Удалось ли бы Щербачеву, въ данномъ случаѣ, привести къ одному знаменателю политическія партіи, противоположными путями ищущія счастье?

Кромѣ нихъ полтораго милліоновъ оставалось еще неопрошенными.

Правда, эта масса отличалась рѣдкой покорностью и инертностью, какъ теперь такъ и въ прои-

(*). Ген. Деникинъ придерживался иного убѣжденія: онъ пишетъ на стр. 210, томъ IV, Очерки Русской Смуты: «Борьба съ большевиками до конца», «Великая Единая Нераздѣльная», «Автономія и самоуправленіе», «Политическія свободы», вся эта цѣнная глады, могла быть погружена на государственный возъ, при общемъ или почти общемъ (кромѣ федералистовъ и самостійниковъ) сочувствіи. Казалось, что съ одной этой глады подъ трехцвѣтнымъ національнымъ флагомъ можно будетъ довести его до Москвы, а если тамъ при разгрузкѣ произошло бы столкновеніе разномыслящихъ элементовъ, даже кровавое, то оно было бы во всякомъ случаѣ менѣе длительнымъ и изнурительнымъ для страны, чѣмъ большевицкая неволя... но и идти дальше этого (лозунга) было уже труднѣе. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ пришлось бы вскрывать разь-
фдавшее насъ разногласіе.

людь, и выдерживала цѣлыми столѣтіями порядки варяговъ, татарское иго, и чуждый народному характеру режимъ табели ранговъ, о которыхъ Жанъ Жакъ Руссо сказалъ: *Les russes ne seront jamais policés; parcequ' ils l' ont été trop tôt. Pierre avait le genie imitatif: il a voulu civiliser son peuple quand il ne fallait que l' aguerrir. Il a d' abord voulu faire des allemands, des anglais, quand il fallait commencer par faire des russes; il a empêché ses sujets de devenir ce qu' ils pourraient être en leur persuadant qu' ils étaient, ce qu' ils ne sont pas* “

Прародитель русской общины бар. Гакстгаузенъ, съ другой стороны, высказываетъ задолго до появленія дѣтница западной цивилизаціи — социальной теоріи Карла Маркса слѣдующую мысль: *Les russes ne sont pas des barbares, mais une race noble, fraîche, pleine de force et d' esprit, dévouée aux sentiments religieux, aux bonnes moeurs; mais des que leur sang est infecté du poison de la civilisation moderne, leurs vertus nationales disparaissent et il ne reste que l' animal, qui est au fond de chaque homme. Alors le russe paraît encore plus dégradé que les membres des nations occidentales qui supportent mieux le poison de la civilisation parceque ce poison s' est depuis longtemps assimilé à leurs moeurs (Moeurs et caractères des peuples, Cortembert.)*

Интересно, что «ядъ» дѣйствительно разное по дѣйствованію на національности, благодаря чему образовались буржуазныя окраинныя государства. Вопросъ въ 1918 году сводился къ тому, успѣлъ ли ядъ цивилизаціи уже ассимилироваться или на это нужны были еще поколѣнія.

По мнѣнію другихъ, возможно было еще примѣненіе противоядія, иные считали, что необходимо стать оперативный ножъ.

Эти вопросы снова приводятъ насъ къ загадкѣ объ упомянутомъ общемъ знаменателѣ, получаемомъ легко при дѣленіи и умноженіи; дѣйствительность показываетъ, что не отвлеченная справедливость порождаетъ его; его выдавливаетъ механическій прессъ.

Такъ какъ приходъ союзниковъ на Югъ Россіи тѣсно связанъ съ инициативой Щербачева, то приходится упомянуть и о неожиданныхъ послѣдствіяхъ французской интервенціи и оккупаци и о связанныхъ съ ними до извѣстной степени дѣйствіяхъ англичанъ.

При Украинской директоріи, т. е. до прихода 28 апрѣля 1918 г. къ власти гетмана Скоропадскаго, въ Кіевѣ состоялъ представителемъ Франціи г. Энно, переѣхавшій послѣ гетманскаго переворота въ Кишиневъ. 30 октября Энно, поддержанный Шульгинымъ, собралъ въ Яссахъ совѣщаніе русскихъ общественныхъ дѣятелей. Почетнымъ членомъ его былъ избранъ и Щербачевъ. Въ засѣданіяхъ приняли участіе и иностранные послы. Это Ясское совѣщаніе представило союзнымъ представителямъ 13 ноября меморандумъ, среди пунктовъ котораго былъ упомянутъ принципъ «Единой Недѣлимой» и требованіе немедленной широкой помощи съ замѣною германскихъ гарнизоновъ въ Малороссіи и Новороссіи вооруженными силами русскихъ и союзниковъ. Предполагалось объединеніе командованія

въ рукахъ русскаго начальника, на котораго возлагалось бы и формированіе антибольшевистской арміи.

Эти пожеланія раздѣлялись первоначально и представителями союзниковъ. Но на практикѣ пункты не были примѣнены.

Энно, вернувшись на Украину, призывалъ населеніе къ порядку и къ поддержанію власти сначала гетманской, потомъ директоріи, которая въ этомъ узрѣла свое признаніе и использовала это въ переговорахъ съ германскими оккупационными властями.

Послѣ отреченія гетмана, Кіевъ былъ, съ согласія нѣмцевъ, 14 декабря занятъ войсками директоріи, что ставится въ связь съ дѣятельностью бывшего подчиненнаго Энно — француза Мулена. Впослѣдствіи и ген. Бертело, заявившій, что Украина — австро-германское изобрѣтеніе, и ген. д'Ансельмъ вступали въ переговоры съ директоріей. Въ Парижѣ, гдѣ украинцы вели пропаганду, председатель парламентской комиссіи по иностраннымъ дѣламъ Франклинъ-Буйонъ продолжалъ говорить о предполагавшейся помощи директоріи. Кромѣ такого моральнаго, вопреки принципу «Единой Недѣлимой», полупризнанія, французы передали директоріи, не смотря на горячій протестъ Деникина, громадныя склады бывшего румынскаго фронта, оставшіеся въ его тылу.

Вопросъ о командованіи также вылился въ другія формы, чѣмъ предполагалось въ Яссахъ. 3 января 1919 года капитанъ Фуке съ имени ген. Франшэ д'Эспре обѣщалъ атаману Краснову помощь лишь при условіи беспрекословнаго подчиненія Краснова

Деникину и обоихъ — Франше д'Эсипре (были и экономическія требованія). Деникинъ рѣзко протестовалъ — Фуке убрали.

Франція и Англія провели демаркаціонную линію Босфоръ-Донъ-Царицинъ, предполагая подчинить мѣстности къ западу отъ нея французскому главному командованію, а къ востоку отъ нея — англійскому, о чемъ Деникину сообщить французскій представитель полк. Корбейль. Французы предполагали установить на этой линіи свои паспортныя бюро. Ген. Деникинъ заявилъ категорическій протестъ. Ген. Бертело отдалъ въ Одессѣ приказъ о подчиненіи мѣстной власти ген. д'Ансельму. Приказомъ послѣдняго, отъ 14 марта, вопреки протесту ген. Деникина, Одесса была подчинена французамъ. Это привело къ серіозному конфликту. Ген. Деникинъ писалъ ген. Санникову въ Одессу (съ копіей ген. д'Ансельму: «...я совершенно не допускаю установленія никакой гражданской власти, кромѣ назначенной мною... По поводу дѣйствій ген. д'Ансельма дѣлается сношеніе съ франц. правительствомъ 18 марта № 389» (Очер. Рус. См., т. V, стр. 46). Съ своей стороны, ген. Франше д'Эсипре издалъ 20 марта приказъ, согласно которому онъ принималъ командованіе союзными войсками на югѣ Россіи (Бертело сохранилъ командованіе на Балканахъ). Одесса подчинялась окончательно д'Ансельму, представители ген. Деникина, ген. Санниковъ и ген. Гришинъ-Алмазовъ высланы изъ города, а русскій ген. Шварцъ былъ назначенъ Одесскимъ генераль-губернаторомъ. Ген. Деникинъ генерала Шварца не призналъ. Встрѣтивъ при этой рѣши-

тельной борьбѣ за престижъ русской верховной власти оппозицію и со стороны русскихъ, ген. Деникинъ, «принявъ во вниманіе совѣты управ. отд. иностр. дѣлъ о необходимости величайшей выдержки», послалъ протестъ въ смягченной формѣ и предложилъ ген. Франше встрѣтиться для обсуждения, (Оч. Рус. См., т. V, стр. 50). Но ген. Франше уклонился, какъ и ген. Бертело въ предшествующій періодъ. Въ разговорѣ съ ген. Боровскимъ ген. Франше д'Эспре пояснилъ свои дѣйствія: «нѣтъ никакой добр. арміи или сибирской арміи, а есть одна русская армія, какъ рѣшило образовавшееся въ Парижѣ Русское правительство въ составѣ Сазонова, Львова, Маклакова и ген. Щербачева! (тамъ-же, стр. 50).

Когда зашла рѣчь о переходѣ ставки Деникина въ Севастополь, ген. Франше д'Эспре уведомилъ его черезъ миссію: «нахожу, что ген. Деникинъ долженъ быть при добр. арміи, а не въ Севастополѣ, гдѣ стоятъ французскія войска, которыми онъ не командуетъ». Ген. Деникинъ отвѣтилъ, что эти вопросы входятъ въ его компетенцію, и послалъ протестъ черезъ Сазонова съ тѣмъ, чтобы «было обращено вниманіе французскаго правительства на недопустимость ни по существу, ни по тону подобнаго обращенія французскаго генерала» (тамъ-же, стр. 61).

Съ своей стороны ген. Франше д'Эспре написалъ, что отношенія къ французамъ совершенно недопустимы.

Послѣ оставленія французами Одессы и Севастополя, французскій капитанъ 2-го ранга Бенетъ, командующій отрядомъ судовъ для обороны Керчен-

скаго полуострова, написалъ командующему Крымскою группою ген. Боровскому: «... передвиженія добр. армій могутъ быть допущены только по письменному распоряженію, подписанному ген. Деникинымъ и мной. Въ противномъ случаѣ я буду противодѣйствовать силой». Ген. Деникинъ потребовалъ, чтобы кап. Бенетъ былъ немедленно отозванъ, т. к. «исполненіе имъ своихъ угрозъ можетъ вынудить начальника добров. войскъ къ дѣйствию артиллеріи противъ французскихъ судовъ» (тамъ-же, стр. 66).

17 апрѣля англо-французскимъ комитетомъ въ Парижѣ, безъ участія представителя Деникина, были выработаны положенія о взаимоотношеніяхъ союзныхъ и русскихъ начальниковъ. На присланный протестъ ген. Деникинъ отвѣтилъ, что «недоумѣваетъ, какъ можно провести его въ жизнь, принимая во вниманіе 1) что на территоріи вооруж. силъ Юга онъ Верховный ком. арміей, а на территоріи, занятой добров. арміей — и Верховный Правитель, 2) что въ операціяхъ русскихъ армій не предположено участіе французскихъ войскъ». На вторичный запросъ уже англичанъ, ген. Деникинъ отвѣтилъ: «... право распоряженія русскими войсками остается въ полной мѣрѣ за русскимъ главнокомандующимъ» (тамъ-же, стр. 63).

Ген. Деникинъ считалъ Францію обязанной оказывать помощь. Французы считали, что обязываютъ русскихъ какъ въ матеріальномъ, такъ и въ моральномъ отношеніяхъ. При такихъ условіяхъ французскіе начальники разныхъ степеней считали себя въ правѣ распоряжаться въ качествѣ высшей инстан-

ци. Каждый, вѣроятно, имѣлъ основанія считать себя правымъ. . .

Обращаетъ на себя вниманіе то взаимоотношеніе, которое предполагалось инициаторами всего дѣла ген. Бертело и Щербачевымъ. Первый, близко знакомый съ дѣятельностью Щербачева при Румынскомъ королѣ, имѣлъ въ виду съ нимъ работать на тѣхъ-же основаніяхъ, какъ это и высказано въ планѣ (см. письмо Щербачева Денигину на стр. 34—37) фактически распоряженія исходили бы, какъ это было на румынскомъ фронтѣ, отъ русскаго начальства, официально же они исходили бы отъ фиктивного иностраннаго главнокомандующаго. Для ген. Бертело возникновеніе другого положенія было неожиданностью, генераль же Франше д'Эспрэ далъ волю своему раздраженію.

Не менѣе разошлись ожиданія и предположенія о военной помощи съ тѣмъ, что фактически было сдѣлано въ этой области Франціей.

Въ первый періодъ консулъ Энно, предвидя неизбежность безпорядковъ съ уходомъ оккупационныхъ частей нѣмцевъ, требовалъ, кричалъ, телеграфировалъ о немедленной смѣнѣ ихъ войсками союзниковъ во избѣжаніе анархіи. Неполненіе его настояній было роковымъ. Причины неизвѣстны. Между тѣмъ, украинская директорія, ведя войну на два фронта — противъ большевиковъ и добровольческой арміи, потерпѣла полное пораженіе. 5 января большевики заняли Кіевъ. Деникинъ обратился къ Франше д'Эспрэ съ просьбою выдвинуть 2 дивизіи союзныхъ войскъ въ районъ Харьковъ-Екатеринославъ, но безрезультатно.

Еще 23 марта ген. Бертело говорилъ русскому послу о предполагавшемся развертываніи: польской дивизіи съвернѣе Черновиць и семи румынскихъ дивизій по Днѣстру, а также о высылкѣ въ ближайшіе дни 9 бат, волонтеровъ и слѣдующихъ за ними 18 б. б. цвѣтныхъ войскъ. Но и это не было осуществлено.

Предполагалось формированіе бригадъ-микстъ. По приказанію Бертело, ген. д'Ансельмъ выработалъ слѣдующій проектъ: 1) офицеры избираются преимущественно изъ мѣстныхъ уроженцевъ, 2) солдаты — по вольному найму, отъ 200 до 300 руб. въ мѣсяць плюсъ продовольствіе, 3) форма французскаго образца, 4) въ каждомъ полку небольшое число французскихъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, 5) эти части въ командномъ отношеніи добровольческой арміи не подчиняются. Когда ген. Санниковъ сказалъ ген. Бертело, что объ этомъ его желаніи сообщить ген. Деникину, Бертело ему отвѣтилъ: «ce n'est pas mon désir, c'est mon ordre». Въ отвѣтъ на это ген. Деникинъ заявилъ Санникову: «категорически воспреещаю дѣлать эксперименты съ русскими войсками по чужой указкѣ. Передайте, что я, главнокомандующій, не допускаю ничего вмѣшательства въ вопросы формированія Русской арміи. Если бы кто-либо позволилъ себѣ сдѣлать это, объявите, что исполнившіе незаконное распоряженіе будутъ мною преданы суду» (тамъ-же, стр. 40).

Мы видимъ, что и въ этомъ вопросѣ взгляды Щербачева, совпадавшіе съ изложеннымъ (стр. 46 примѣч. 6) генераломъ Геруа мнѣніемъ, кореннымъ образомъ расходились съ отношеніемъ къ нему ген.

Деникина. Слѣдуетъ отмѣтить, что Щербачевъ судить на основаніи блестящихъ результатовъ, на его глазахъ достигнутыхъ въ Румыніи французской организаціей. Въ 1920 г. столь же дѣйствительной оказалась такая же работа французовъ въ Польшѣ.

Въ отношеніи матеріальной помощи добров. армія получила отъ Франціи всего 5—6 пароходовъ.

Какъ упоминалось выше, склады Румынскаго фронта были переданы украинской директоріи.

При передачѣ уходившими нѣмцами французамъ морского имущества произошло слѣдующее: на просьбу адм. Герасимова дать 2—3 миноносца въ распоряженіе добров. арміи адм. Леже отвѣтилъ отказомъ. По его приказу, топили и взрывали боевые припасы, хранившіеся въ Севастопольскихъ складахъ, рубили топорами аккумуляторы и баки подводныхъ лодокъ, разрушали приборы управленія и увозили замки орудій. Адм. Леже объяснял такія дѣйствія тѣмъ, что все это было временно въ распоряженіи нѣмцевъ (Оч. Рус. Смуты).

Раздраженный всѣми этими явленіями, ген. Деникинъ написалъ въ концѣ апрѣля письмо адм. Колчаку: «... Въ данное время получаемъ широкую помощь снабженіемъ отъ Англіи и широкое противо-дѣйствіе со стороны французовъ». Письмо это было отправлено съ ген. Гришинымъ-Алмазовымъ, который, попавъ въ руки большевиковъ, застрѣлился. Большевики опубликовали письмо и о его содержаніи узналъ Клемансо.

Какъ бы эти недоразумѣнія ни были неприяты для обѣихъ сторонъ, все-же въ нихъ не отражалось

принципальной злой воли, а лишь разное понимание своих прав и обязанностей. Несомненно, что Франция одна среди союзников не преследовала эгоистических целей и не спекулировала на гибели России.

Къ сожалѣнiю, французскiе начальники при эвакуации Одессы и Севастополя проявили пренебреженiе къ вопросамъ челоуѣчности. Описание этихъ грустныхъ событийъ предоставляемъ другимъ. Укажемъ лишь на то, что виновники ихъ нанесли тяжелый ущербъ своей родинѣ. Подорвать престижъ не долго, но разувѣрить пострадавшихъ трудно.

Въ оправданiе виновныхъ сошлемся на то, что французы пришли убѣжденные въ несерьезности большевистскаго вооруженнаго сопротивленiя. Ихъ войска оказались, однако, въ бояхъ на Одесскомъ плацдармѣ, несмотря на огромное превосходство въ техническихъ средствахъ, менѣе устойчивыми, чѣмъ противникъ. Французскiе солдаты, воспримчивые къ большевистской пропагандѣ, не хотѣли проливать своей крови для непонятной имъ цели. Между тѣмъ греческiя войска сражались рядомъ съ ними съ большимъ самоотверженiемъ. Обращаетъ на себя вниманiе то, что въ Севастополь, въ которомъ подъ конецъ набралось 7.000 французовъ при 8 орудiяхъ (изъ нихъ 4.000 алжирскихъ стрѣлковъ и синегальцевъ) и одинъ полкъ грековъ, старшiе начальники — сперва полк. Рюэ, а потомъ полк. Труссонъ, послали въ бой на помощь русскимъ частямъ всего 2 роты грековъ и ни одного француза. Этими дѣйствiями подъ Одессой и Севастополемъ и ограничилась фактическая интервенция.

Дѣйствія англичанъ на югѣ Россіи, не связаны непосредственно съ дѣятельностью Щербачева. О нихъ будетъ сказано въ 8-ой главѣ въ связи съ ролью Англій вообще.

Глава 5-ая.

Щербачевъ уже раньше считавшій, что вопросъ о поддержкѣ бѣлымъ арміямъ можетъ быть разрѣшенъ удовлетворительно лишь въ Парижѣ, рѣшилъ послѣ ясно обозначившихся признаковъ крушенія своего плана, лично воздѣйствовать на верховный совѣтъ союзниковъ. Съ этой цѣлью онъ предварительно отплавился къ ген. Деникину и атаману Краснову, чтобы явиться въ Парижѣ признаннымъ ими представителемъ всенныхъ силъ юга Россіи. Онъ выѣхалъ 26 декабря 1918 г. изъ Бранитова на французскомъ минеральномъ водномъ въ его распоряженіе. Путь его шелъ черезъ Галацъ, Севастополь въ Новороссійскъ, гдѣ его встрѣтилъ ген. Кутеповъ; 30 декабря онъ прибылъ въ Екатеринодаръ, тутъ былъ и Сазоновъ.

А. Д. Щербачевъ, сопровождавшій отца, сообщаетъ, будто ген. Деникинъ ожидалъ, что Щербачевъ пріѣхалъ взять въ свои руки верховное командованіе надъ нимъ и донскимъ атаманомъ Красновымъ и что Деникинъ лично ничего противъ этого не имѣлъ⁽⁸⁾, но лица, его окружавшія, были встрево-

(8) Надо полагать, что Деникину уже былъ извѣстенъ результатъ миссіи ген. Сазонова, Янова и Карасевича, послан-

жены, опасаясь потерять свое вліяніе; когда же стало извѣстно о настоящей цѣли пріѣзда его отца, то отношенія быстро наладились.

Деникинъ и состоявшее при немъ правительство, носившее названіе «Особое совѣщаніе», избрали Сазонова и Щербачева представителями Россіи на Мирной Конференціи; послѣдняго по вопросамъ военнымъ. (Адм. Колчакъ впослѣдствіи назначилъ для этой цѣли 5 лицъ: Кн. Львова, Сазонова, Ма-клакова, Гирса и Чайковскаго). Въ отношеніи Добровольческой Арміи, Щербачевъ получилъ званіе: «Военнаго Представителя русскихъ армій при союзныхъ правительствахъ и союзномъ верховномъ командованіи.

Одновременно съ этимъ Щербачевъ установилъ условія, на которыхъ Деникинъ соглашался створиться съ атаманомъ Красновымъ. 3 января Щербачевъ былъ встрѣченъ чрезвычайно радушно Красновымъ и безъ усилія добился цѣли, такъ какъ англійскій генераль Пуль писалъ Краснову, а 26 декабря въ Кушевкѣ и лично указывалъ, что подчиненіе его Деникину является сушею необходимостью. 18 января состоялось соглашеніе между Деникинымъ и Красновымъ. Донской и Кубанскій атаманы отдали приказъ о своемъ подчиненіи Деникину, а послѣдній объявилъ о своемъ вступленіи въ общее командованіе всѣми войсками юга Россіи, обязуясь

ной 19 ноября Красновымъ въ Букарестъ къ ген. Бертелю, чтобы уговорить Щербачева принять верховное командованіе. Щербачевъ уже тогда опредѣленно отказался.

не трогать конституцій Дона и Кубани. Въ командованіе Добровольческой арміей вступилъ ген. бар. Врангель.

Установивъ такимъ образомъ единство на югѣ, Щербачевъ выѣхалъ на англійскомъ миноносцѣ черезъ Констанцу и 12 декабря вернулся въ Букарестъ.

Взявъ съ собою больного ген. Головина, Щербачевъ сѣлъ въ Букарестѣ 22 января 1919 г. на сербскій мониторъ и по Дунаю доѣхалъ въ Бѣлградъ, гдѣ былъ чрезвычайно радушно принятъ принцемъ-регентомъ Александромъ. Послѣдній предоставилъ ему свой вагонъ до Фіумэ. Отсюда англійскій миноносецъ доставилъ Щербачева въ Венецію. По Италиі его сопровождалъ итальянскій офицеръ. Послѣ путешествія съ такими почестями черезъ территоріи другихъ союзниковъ, Щербачевъ по прибытіи во Францію не былъ никѣмъ встрѣченъ.

Моментъ выполненія принятой имъ на себя задачи былъ исключительно неблагопріятенъ. Заключение большевиками Брестъ-Литовскаго сепаратнаго мира въ предшествовавшемъ 1918 г. привело во Франціи къ огульному обвиненію въ измѣнѣ не только совѣтскаго правительства, но всѣхъ русскихъ вообще. Выходомъ изъ войны Россія дала противнику возможность снять войска съ восточнаго фронта и перебросить ихъ противъ союзниковъ. Мало разбираясь въ положеніи и партіяхъ за границей, французы не были въ состояніи отдать себѣ отчетъ въ усиліяхъ и жертвахъ, которыя были принесены противниками большевиковъ во имя продолженія войны до конца. Какъ извѣстно, во французскихъ

школахъ дѣти обучаются, главнымъ образомъ, исторіи и географіи своей страны, которую они должны знать чрезвычайно основательно; познанія же о другихъ государствахъ, а въ частности въ ихъ исторіи, хромаютъ. Понятія, относящіяся къ событіямъ своей родины при такомъ положеніи, естественно, переносятся и на оцѣнку явленій за границей. Слова «контръ-революціонеръ» и «эмигрантъ» во Франціи имѣютъ опредѣленный смыслъ, соотвѣтственно съ отношеніемъ французской школы къ революціи 1789 г. Паденіе монархіи въ Россіи, т. е. удаленіе императора Николая II, столь жертвенно вѣрнаго союзника, было встрѣчено съ ликованіями. Политическое положеніе въ Россіи послѣ этого было для французовъ неясно, все же симпатіи ихъ были на сторонѣ тѣхъ, кто оказался у власти вмѣстѣ монарха. Стремленіе измѣнить это положеніе встрѣчало отпоръ. Руководители виѣшней политики, освѣдомленные въ положеніи въ Россіи, въ январѣ и февралѣ предшествующаго 1918 г. стали колебаться въ смыслѣ дальнѣйшаго своего отношенія къ Россіи. Послѣ перемирія съ нѣмцами, большевики сначала отказались принять требованія Германіи. Оставшіеся въ Россіи представители союзниковъ, въ особенности глава американскаго Краснаго Креста Раймондъ Робинсъ и начальникъ англійской миссіи при большевикахъ Локартъ доносили, что отъ русской буржуазіи союзникамъ ничего не приходится ждать — она мечтаетъ лишь о мирѣ большевиковъ съ Германіей, надеясь, что та восстановитъ ее въ правахъ и вернетъ ей имущество, въ то время какъ Троцкій, можетъ

быть, согласился бы содѣйствовать союзникамъ и возобновить военныя дѣйствія (Записки Локарта).

Къ этому періоду относился и фактъ, сообщаемый А. Д. Щербачевымъ (сыномъ генерала). Французскій посоль въ Румыніи графъ Сентъ-Олеръ сказалъ ген. Щербачеву, упомянувъ предварительно о возможности совмѣстныхъ дѣйствій союзниковъ съ большевиками: «Намъ все равно, кто и что будетъ въ Россіи, намъ важно только, чтобы продолжалась война съ нѣмцами». Это тогда вызвало протестъ со стороны Щербачева.

Причинъ къ сомнѣніямъ, какъ относиться къ бѣлому движенію, у французовъ было много. Добровольческія части были крайне недовольны недостаточной помощью. До французскаго правительства доходили заявленія въ родѣ тѣхъ, о которыхъ ген. Теруа сообщаетъ въ своемъ письмѣ Деникину отъ 19/5 марта 1919 г. № 255: «Считаю необходимымъ доложить о неосторожности въ разговорахъ съ пріѣзжающими на югъ Россіи французскими курьерами тѣхъ лицъ, мнѣніе которыхъ имѣетъ значительный вѣсъ. Возвратившійся, на примѣръ, на дняхъ кап. Бертелло, доложилъ ген. Бертелло, что Астровъ и Родзянко въ разговорѣ съ нимъ, прямо указали, что, если помощь согласія не оправдаетъ тѣхъ надеждъ, которыя на него возлагаются, то они пойдутъ съ нѣмцами». Происходившія между французскими и русскими тренія, описанныя въ предыдущей главѣ, естественно находили откликъ и въ Парижѣ.

А. А. Вадинъ сообщаетъ, а сынъ Щербачева А. Д. Щ. подтверждаетъ, будто Клемансо заявилъ, что

не может довѣрять бывшему министру Русскаго Императорскаго правительства Сазонову и бывшему Генераль-Адъютанту Щербачеву. Для того, чтобы добиваться отъ французскаго правительства помощи, «Димитрій Григорьевичъ и Сазоновъ пригласили къ себѣ 13 февраля 1919 г. Савинкова и съ тѣхъ поръ Савинковъ служилъ для переговоровъ съ Клемансо; къ чести Савинкова нужно добавить, что онъ проявилъ неподдѣльный патриотизмъ. На упрекъ Миллюкова, сдѣланный ему во время политическаго совѣщанія, что онъ дружно работаетъ съ монархистами, онъ отвѣтилъ: когда я увижу, что монархисты могутъ помочь Россіи, тогда я стану монархистомъ»⁽⁹⁾.

(9) Такую оцѣнку двухъ свидѣтелей трудно согласовать съ описаніемъ встрѣчи Савинкова въ 1918 г. съ Локартомъ, пишущимъ: «разговоръ его свелся почти исключительно къ нападкамъ на союзниковъ и русскихъ контръ-революціонеровъ, въ рядахъ которыхъ и самъ номинально числился».

Выбравшись съ Дона въ Москву, В. Савинковъ основалъ въ 1918 году «Союзъ защиты Родины и Свободы», причемъ привлекъ пять съ половиною тысячъ офицеровъ, прикрывшись именемъ ген. Алексѣева, который въ самой рѣзкой формѣ опубликовалъ опроверженіе и отмежевался отъ Савинкова. Послѣдній организовалъ въ ночь съ 18 на 19 іюли 1918 г. возстаніе въ Ярославлѣ, Муромѣ, Рыбинскѣ, Владимирѣ и Калугѣ, что привело къ кровавой репрессіи.

Возникаетъ еще больше сомнѣній, если вспомнить, что партія социаль-революціонеровъ на конференціи 19—20 февраля 1919 года постановила:

«Конференція рѣшительно отвергаетъ попытки сверженія совѣтской власти путемъ вооруженной борьбы, которая при распыленности и слабости трудовой демократіи и все растущей контръ-революціи служить только на пользу послѣдней и»

Не лучше обстояли шансы Щербачева среди собравшагося въ Парижѣ русскаго политическаго совѣщанія подъ предсѣдательствомъ кн. Львова, которое рѣшало всѣ русскіе вопросы, присвоивъ себѣ «самодовлѣющее значеніе, которому не можетъ сосуществовать правительство», какъ писалъ 27 марта 1919 г. Колчакъ. Большинство членовъ этого совѣщанія стояло на другой, чѣмъ Щербачевъ, политической платформѣ и было его противниками въ вопросѣ объ иностранной интервенціи (10).

Наконецъ, и въ вопросахъ военныхъ Щербачевъ встрѣтилъ препятствіе въ лицѣ гр. Игнатьева, ставшаго большевикомъ. Будучи официальнымъ военнымъ агентомъ, гр. Игнатьевъ сохранилъ и фактически свое положеніе въ силу большого вѣса, кото-

используется реакціонными группами въ цѣляхъ реставраціи» (Очерки Рус. Смуты).

Не было ли это «содѣйствіе» со стороны Савинкова лишь миметификаціей? Какъ бы то ни было, по непосредственнымъ сношеніямъ съ французскимъ предсѣдателемъ совѣта министровъ были невозможны и велись черезъ Савинкова.

(10) Списокъ, составленный А. Ѡ. Шобуннымъ.

Политическое совѣщаніе въ Парижѣ 1918—1923 г.

Кн. Г. Е. Львовъ — Предсѣдатель.

С. Д. Сазоновъ — Министръ Иностранныхъ Дѣлъ, Замѣститель Предсѣдателя.

Совѣтъ
русскихъ пословъ: { М. Н. Гирсъ — Посолъ въ Римѣ, жившій въ Парижѣ.
В. А. Маклаковъ — Посолъ въ Парижѣ.
Б. А. Бахметьевъ — Посолъ въ Вашингтонѣ, на-
вздами 1—2 раза въ годъ въ Парижѣ.
Е. В. Саблинъ — Повѣренный въ дѣлахъ въ
Лондонѣ.

В. В. Вырубовъ — Правитель Дѣлъ Совѣщанія.

Бар. М. Ф. Шиллингъ.

рымъ онъ пользовался во время войны. Онъ былъ знакомъ съ команднымъ составомъ и чинами министерствъ. У Щербачева, являвшагося представителемъ лица, никѣмъ тогда еще официально не признанныхъ за правителей Россіи, не было распространявшейся на Францію власти смѣстить генерала, назначеннаго еще царскимъ правительствомъ. Гр. Игнатьевъ сталъ дѣйствовать противъ Щербачева съ напряженной энергіей тотчасъ послѣ прибытія Щербачева въ Парижъ.

О самомъ же непресодолимомъ препятствіи, встрѣченномъ Щербачевымъ, будетъ подробно сказано въ 7-ой главѣ.

Дипломатическія дарованія Щербачева одолѣли, однако, всѣ эти препятствія. Онъ сталъ сразу же въ то положеніе, которое намѣревался занять. Личная дружба его съ маршаломъ Фошемъ, использо-

Н. А. Базиліи.

Ген. Ф. Ф. Палицынъ, замѣненный вскорѣ ген. Д. Г. Щербачевымъ.

В. И. Дмитріевъ, Морской агентъ.

Контъ-Адм. А. Д. Бубновъ.

Министры временнаго правительства. { А. И. Ручковъ
С. И. Третьяковъ
А. И. Коноваловъ

Н. В. Чайковскій — Предсѣдатель Архангельскаго правительства.

С. А. Ивановъ — шлиссельбуржецъ.

Б. Савинковъ.

В. Н. Штрандманъ — Начальникъ канцеляріи до апрѣля 1919 г.

А. Ф. Шебуниинъ — Начальникъ канцеляріи отъ апрѣля 1919 г.

Кн. Е. Гагаринъ — Казначей.

ванная имъ съ достоинствомъ, закрѣпила за нимъ официальное мѣсто представителя русскихъ армій при союзныхъ правительствахъ и верховномъ союзномъ командованіи. Адмиралъ Колчакъ не замедлил со своей стороны прислать ему свои полномочія.

Сербскій принцъ-регентъ, пріѣхавшій въ февралѣ 1919 г. въ Парижъ, представилъ Щербачева президенту республики Пуанкаре и старался послѣдняго заинтересовать его планами.

При Щербачевѣ образовались управленія, которыя 31 августа были сведены въ 4 отдѣла ⁽¹¹⁾.

Черезъ эти учрежденія прошла, между прочими дѣлами, значительная часть громадныхъ поставокъ союзниковъ, направленныхъ на помощь бѣлымъ арміямъ въ Европѣ. Сибирскій фронтъ получалъ снабженіе черезъ генераловъ Нокса и Жанена.

Общее объединеніе всего бѣлаго движенія было необходимо не столько для военныхъ операцій, сколько для разрѣшенія вопросовъ политическаго, а въ особенности финансоваго характера. Щербачевъ, неустанно работавшій въ этомъ направленіи, до-

(11) I) Отдѣлъ генераль-квартирмейстера, образованный изъ существовавшаго до того времени штаба военного представителя подъ начальствомъ полковника генеральнаго штаба Г. Д. Щербачева.

II) Отдѣлъ строевой, инструкторскій и хозяйственный, образовавшійся изъ управленія по дѣламъ о военныхъ и военно-плѣнныхъ. Нач. полк. Нарбутъ.

III) Управление заграничныхъ снабженій; нач. ген. Гермоніусъ.

IV) Историческій и статистическій комитетъ, ген. Палицынъ.

бился того, что Парижское политическое совѣщаніе приняло рѣшеніе признать адмирала Колчака верховнымъ правителемъ, которому должны были подчиниться всѣ прочіе начальники бѣлыхъ армій. Это рѣшеніе было доложено Клемансо, который его поддержалъ. Заставить, однако, Деникина признать себя подчиненнымъ адмиралу Колчаку у политическаго совѣщанія не было средствъ. Щербачевъ предложилъ лично поѣхать и уговорить Деникина. Для разговоровъ съ правительствомъ Деникина — «Особымъ Совѣщаніемъ», ему были приданы Аджемовъ и В. В. Вырубовъ. Щербачевъ выѣхалъ 27 мая 1919 г. изъ Парижа черезъ Таренто, гдѣ ему былъ предоставленъ англійскій истребитель. Переговоривъ въ Константинополѣ съ ген. Франшэ д'Эспре и англійскимъ главнокомандующимъ Лордомъ Мильномъ, Щербачевъ пріѣхалъ 8 іюня въ Екатеринодаръ въ Ставку.

Изъ статьи Н. Чебышева («Екатеринодаръ», глава 3-я), мы узнаемъ по поводу признанія Колчака слѣдующее: «Основаніемъ для возникновенія такого вопроса было обращеніе Клемансо къ адмиралу Колчаку отъ 1 іюня. Общались матеріальная поддержка державъ ему и тѣмъ, кто къ нему примыкаетъ, на условіяхъ политическаго характера, вполне пріемлемыхъ. Въ Екатеринодаръ прибыла изъ Парижа делегачія въ лицѣ ген. Щербачева, Аджемова и Вырубова, имѣвшая задачей доказать необходимость подчиненія Деникина Колчаку. Главнокомандующій спросилъ мнѣнія Особаго Совѣщанія. Мы два вечера обсуждали со всѣхъ сторонъ этотъ

вопросъ. Сидѣли до поздней ночи. Происходили засѣданія 9 и 10 іюня». (Далѣе слѣдуетъ отрицательное отношеніе Н. Чебышева къ возбужденному вопросу, который рѣшено было отложить). «...12 іюня — пишетъ онъ дальше —, должны были состояться проводы англійскаго ген. Бриггса въ большой столовой Кубанскаго войскового собранія. Деникинъ имѣлъ по правую руку чествуемаго Бриггса, по лѣвую его замѣстителя. Деникинъ сидѣлъ и что-то быстро писалъ. Потомъ поднялся и прочиталъ свой извѣстный приказъ, начинавшійся словами «Безмѣрными подвигами Добровольческихъ армій...» Онъ оканчивался: «Я подчиняюсь адмиралу Колчаку, какъ верховному правителю русскаго государства и верховному главнокомандующему Русскихъ армій. Да благословитъ Господь его крестный путь и да даруетъ спасеніе Россіи.»

Деникина, какъ всякаго дѣятеля, оцѣниваютъ весьма разнo, но, какова бы ни было отношеніе къ нему, надо признать, съ общечеловѣческой точки зрѣнія, что въ исторіи мало примѣровъ, когда человѣкъ отказывается отъ верховной власти въ пользу другого, въ особенности въ періодъ успѣховъ. Онъ былъ ближе къ цѣли и къ центру страны, его арміи были болѣе устойчивы. Къ сему надо добавить, что люди, его окружающіе, естественно, предполагали занять первенствующее мѣсто. Этимъ актомъ они лишались, хотя бы иллюзіонной, перспективы. Кромѣ того адм. Колчакъ 14 октября 1918 г. ранѣе писалъ еще ген. Алексѣеву: «Съ цѣлью поступить въ Ваше распоряженіе въ качествѣ Вашего подчиненнаго...»

Вы, Ваше Превосходительство, являетесь все это время для меня единственным посетителем верховной власти и высшего военного командования, для меня бесспорной и авторитетной». (Очерки Русск. Смуты). Это письмо еще болѣе затрудняло рѣшеніе Деникина.

Отдавая должное безкорыстію Деникина, мы напомнимъ о роли, сыгранной Щербачевымъ, какъ иниціаторомъ этого вопроса, принявшимъ потомъ на себя во имя пользы дѣла столь щекотливое порученіе.

Небезинтересно отмѣтить, что Аджемовъ и Вырубовъ, которые старались себя держать сначала независимо отъ Щербачева, вернулись горячими его поклонниками.

Глава 6-ая.

Въ рамки настоящей работы не входитъ разсмотрѣніе вопросовъ о пользѣ борьбы партій между собой, и о допустимости участія въ ней иностранцевъ. Взвѣсивъ лишь шансы на успѣхъ плановъ Щербачева, мы обращаемся къ исторіи, чтобы установить, достигало ли когда-либо въ такихъ случаяхъ примѣненіе чужеземцевъ или инородцевъ своей цѣли и не таилъ ли въ себѣ такой пріемъ для тѣхъ, кто имъ воспользовался, невозможность удержать потомъ власть въ своихъ рукахъ. Примѣровъ мы находимъ множество, въ особенности въ послѣдній періодъ римской исторіи, когда внутренніе вопросы постоян-

но рѣшались съ помощью меча варваровъ. Часто въ спорахъ нынѣ приводится реставрація Бурбоновъ, потерпѣвшая въ окончательномъ итогѣ неудачу; по причинѣ къ тому было и много другихъ, кромѣ вмѣшательства тогдашнихъ союзниковъ. Укажемъ съ другой стороны на удачное покореніе Англій Вильгельмомъ Оранскимъ послѣ революціи XVII вѣка: лишь сотня англичанъ составляла его головной отрядъ; всѣ же прочія войска состояли изъ наемныхъ войскъ разныхъ чужихъ національностей (см. *Histoire d'Angleterre depuis l'avènement de Jaques I, Macaulay* p. 40).

Въ принципѣ надо признать возможность удачи подобнаго дѣйствія въ странѣ, въ которой послѣ революціи еще не установленъ прочный порядокъ.

Немедленно послѣ прибытія въ Парижъ, Щербачевъ посвятилъ себя работѣ по организаціи противъ совѣтской власти арміи изъ славянскихъ народовъ съ привлеченіемъ русскихъ добровольцевъ и военнопленныхъ изъ германскихъ концентраціонныхъ лагерей.

Сынъ Щербачева А. Д. Щ. пишетъ: «Въ срединѣ февраля 1919 г. въ Парижъ пріѣхалъ Сербскій Принцъ Регентъ. Онъ имѣлъ рядъ продолжительныхъ совѣщаній съ моимъ отцомъ относительно Россіи. Судя по замѣчаніямъ нѣсколькихъ делегатовъ Версальской мирной конференціи, Регенту послѣ этого почти удалось измѣнить отношеніе конференціи въ пользу русскаго вопроса. Въ это время Сазоновъ съ одной и большевики съ другой стороны дали

отвѣтъ о конференціи на Принкипо (12). На частномъ совѣщаніи 14 февраля 1919 г. президентъ Вильсонъ заявилъ, что отвѣтъ большевиковъ — издѣвательство надъ прочими государствами, что вопроса о Принкипо отнынѣ не существуетъ, и что онъ поэтому принялъ «другой планъ». Въ это время конференція должна была заняться русскимъ вопросомъ (безъ участія русскихъ) и принцъ-регенты вновь заступился за Россію. «Другой планъ», о которомъ говорилъ Вильсонъ, намъ не извѣстенъ, но есть основаніе думать, что онъ говорилъ о планѣ который былъ предложенъ ему Принцемъ. Основываясь это предположеніе на моихъ разговорахъ съ американцами. Въ февралѣ мы вошли въ сношеніе съ генеральнымъ штабомъ Соединенныхъ Штатовъ, въ частности съ американскимъ генераломъ Черчиллемъ и капитанами Стюартъ-Монгомери и Пти. Они не скрывали, что были въ тѣсной связи съ лѣвыми, въ особенности съ французскимъ большевикомъ Лонгэ. Они восхищались Савинковымъ и обратили наше вниманіе на вліяніе, которое послѣдній могъ оказать на ходъ событій. Послѣ этого мой отецъ совѣщался съ Регентомъ 19 и 20 февраля, а 21 февраля онъ у него завтракалъ. Въ этотъ день мой отецъ мнѣ впервые рассказалъ о планѣ. Принцъ предлагалъ организовать экспедиціонный корпусъ въ Румынію или Сербію (около Дуная или Чернаго моря, чтобы

(12) Союзники пригласили къ 28 февраля 1919 г. по 3 представителя отъ каждой политической группы на Принцева острова въ Мраморномъ морѣ. Туда же должны были прибыть и представители союзниковъ, а также делегаты Финляндіи и Польши.

облегчить перевозку) съ цѣлью поддержать бѣлыя войска и имъ дать спокойно организоватьъ въ тылу. Онъ согласился дать 30.000 сербскихъ добровольцевъ, но деньги и все войсковое имущество должны были дать союзники. 1 марта Регентъ уѣхалъ изъ Парижа. На вокзалѣ онъ еще разъ поговорилъ съ моимъ отцомъ, и я присутствовалъ при томъ, какъ Принцъ напомнилъ Президенту Пуанкаре о «вопросѣ, о которомъ они говорили». Нахожу у себя отбѣтку отъ 25 февраля 1919 г.: «письмо моего отца Пиншону по вопросу о сербскомъ экспедиціонномъ корпусѣ».

Подробности объ этомъ планѣ мы узнаемъ изъ телеграммы Сагонова адмиралу Колчаку.

Парижъ, 27 марта 1919 г. № 552.

Князь Львовъ проситъ передать соображенія генерала Щербачева: положеніе юга Россіи критическое. Военное снабженіе, транспортъ, и санитарное состояніе требуютъ неслыханныхъ мѣръ. Фермированіе у генераловъ Юденича и Миллера крайне необходимо для общей борьбы съ большевиками. Принимая во вниманіе указанія о всеобщемъ сокращеніи расходовъ и вновь обсудивъ необходимые и неотложные кредиты въ иностранной валютѣ, при безнадѣжности мобилизаціи на югѣ, пока не будетъ реального успѣха, является необходимымъ: 1) формированіе 40.000-аго корпуса въ Сербіи, на что имѣется принципиальное согласіе Регента Сербіи, при условіи отпуска союзниками одежды, снаряженія, оружія и техническихъ средствъ безъ уплаты денегъ теперь, но открытіе кредитовъ на содержаніе

на 10 мѣсяцевъ; 2) отдѣльнаго корпуса въ Прагѣ изъ чехословаковъ и русскихъ плѣнныхъ тоже 40.000 на тѣхъ же основаніяхъ при условіи постепеннаго формировація и подготовки кадровъ офицеровъ и солдатъ.

По донесенію Леонтьева, командированнаго въ Прагу, французскій генераль Пеллэ идетъ навстрѣчу, какъ и члены чешскаго правительства.

Крайняя необходимость помощи военноплѣннымъ, срочная отправка офицеровъ и выбранныхъ солдатъ на пополненіе южныхъ и сѣверныхъ армій требуетъ немедленнаго кредита хотя бы въ ограниченныхъ размѣрахъ. Въ Германіи находится 1.300 офицеровъ, эвакуированныхъ изъ Кіева послѣ взятія его петлюровцами, полуодѣтыхъ, безъ денегъ и безъ содержанія.

Въ виду изложеннаго необходимъ кредитъ въ иностранной валютѣ во франкахъ:

1) На формироваіе, содержаніе и довольствіе въ теченіе 10 мѣсяцевъ корпуса, предположеннаго къ формироваію въ Сербіи, — 75⁽¹³⁾ милліоновъ.

2) Также 75⁽¹³⁾ милліоновъ на формироваіе, на тѣхъ же условіяхъ, у чехословаковъ.

3) Хотя приобрѣтеніе снаряженія и матеріальнаго имущества для всѣхъ русскихъ армій предположено безъ уплаты денегъ изъ запасовъ союзниковъ, на неизбѣжныя покупки — на наличный счетъ — расчетъ примѣрно на 50⁽¹³⁾ милліоновъ, что составляетъ примѣрно 5% всей стоимости снаряженія.

⁽¹³⁾ Въ Очеркахъ Рус. Смуты т. IV, стр. 265, сказано, что по смѣтѣ, представленной Рафаловичемъ французскому мин. финансовъ, требовалось 69½ мил. фр. въ мѣсяць на эти предпріятія.

4) На желѣзнодорожныя нужды юга Россіи, которыя только частью можно покрыть безъ денегъ, въ счетъ будущихъ расчетовъ—не менѣе 50 милліоновъ.

5) На военнопленныя офицеровъ и солдатъ, считая отправку въ теченіе 10 мѣсяцевъ 5.000 офицеровъ и 150.000 солдатъ, и на оказаніе помощи офицерамъ въ Германіи — всего 15 милліоновъ.

6) Непредвидѣнные расходы 5 милліоновъ.

Всего по 6-ти статьямъ 270 милл. франковъ, ассигнованіе которыхъ можетъ быть разсрочено на 10 мѣсяцевъ съ отпускомъ немедленно по телеграфу аванса 4 милліона франковъ. Затѣмъ въ первые 4 мѣсяца по 44 милліона и въ послѣдующіе 6 мѣсяцевъ по 15 милліоновъ.

Деньги будутъ расходоваться въ мѣрѣ дѣйствительной надобности съ установленіемъ соотвѣствующаго контроля.

Представляя соображенія на Ваше одобреніе, добавляю, что сверхъ этихъ потребностей срочно необходимо на содержаніе центральнаго органа политическаго совѣщанія съ комиссіями и отдѣлами, смѣту на что представляю особою телеграммой.

Съ подлиннымъ вѣрно:

Капитанъ *Мариновичъ*.

На эту телеграмму послѣдоваль отвѣтъ:

Омскъ, 14 апрѣля 1919 г. № 377.

Сосображенія генерала Щербачева были разсмотрѣны въ Совѣщаніи при верховномъ правительствѣ съ участіемъ военныхъ начальниковъ. По первымъ

3-мъ пунктамъ телеграммы признано, что формиро-
ваніе воинскихъ частей въ Сербіи и Чехіи, будучи
связано съ непосильнымъ для казны расходомъ въ
иностранной валютѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ не дастъ га-
рантіи, что сформированныя части будутъ пред-
ставлять достаточно надежную боевую силу. Врядъ
ли наши военнопленные послѣ 4-лѣтняго пребыва-
нія въ тяжелыхъ условіяхъ германскаго плѣна
явятся хорошимъ матеріаломъ для войскъ и отли-
чатся достаточной стойкостью, чтобы не разложиться
и не подвергнуть нашихъ солдатъ заразы больше-
визма. Введенные въ рамки русской военной жизни,
они, быть можетъ, и оказались бы полезной военной
силой, но совмѣстныя дѣйствія ихъ съ чехами не
обѣщаютъ дать благопріятныхъ результатовъ, какъ
мы можемъ судить о томъ по собственному опыту.
Условія формироваія въ Сербіи считаются болѣе
подходящими, но отрывочныя свѣдѣнія, которыя мы
имѣемъ о тяжеломъ положеніи въ центральной
Европѣ, даютъ основаніе сомнѣваться, чтобы и
здѣсь могли быть достигнуты желаемые результаты.
Во всякомъ случаѣ, такое формироваіе могло бы
производиться лишь только на принципѣ доброволь-
чества. Кромѣ того, географически не вполне ясно,
какимъ образомъ послѣ венгерскаго возстанія и не-
опредѣленной судьбы Румыніи, сформированныя
части смогутъ быть реально введены въ дѣйствіе. Въ
виду всѣхъ этихъ соображеній формироваіе частей
Сербіи и Чехіи признано нецѣлесообразнымъ и т. д.
Правительство признаетъ необходимымъ всѣми си-
лами поддерживать генераловъ Юденича и Миллера
и, понимая трудность комплектованія ихъ войскъ,

считаетъ нужнымъ сдѣлать все возможное, чтобы обезпечить пополненіе таковыхъ изъ числа военно-плѣнныхъ и т. д.».

Обращаетъ на себя вниманіе сужденіе въ Омскѣ о боеспособности сербовъ и чеховъ и способа ихъ введенія въ дѣйствія,—въ Омскѣ, гдѣ согласно этой телеграммы имѣютъ лишь «отрывочныя свѣдѣнія» о тяжеломъ положеніи въ центральной Европѣ. Между тѣмъ, предложившій этотъ планъ, Щербачевъ находился въ центрѣ событій и сговорился съ правительствами на мѣстахъ формировація, коимъ обстановка была ясна передъ главами. О принудительномъ зачисленіи въ войска сербовъ и чеховъ ничего въ планѣ и не говорилось; неясно, что означаетъ эта фраза, содержащая условное согласіе, въ то время какъ слѣдуетъ безусловный отказъ. Лица, видѣвшія безпримѣрно храбрыя дѣйствія сербскаго корпуса, сформированнаго въ 1916 г. въ Одессѣ и введеннаго въ бой въ Добруджѣ въ августъ того же года, будутъ несказанно удивлены приведенною оцѣнкою Омска. Что же касается чеховъ, то непонятно, какъ вообще возможно сравненіе частей изъ военноплѣнныхъ съ добровольческимъ корпусомъ въ Чехіи.

Принимая во вниманіе то чрезвычайно тяжкое положеніе, въ которое пошло совѣтское правительство въ 1919 г., формировавіе, предложенное Щербачевымъ, оказалось бы для Совѣтовъ гибельнымъ.

Разсмотримъ вопросъ о непреодолимомъ препятствіи, которое создаетъ отсутствіе средствъ.

Мы узнаемъ изъ телеграммы: Омскъ, 30 января 1919 г. № 175, Сукинъ-Послу.

«Министръ финансовъ сообщаетъ краткія данныя о финансовомъ положеніи. Большевики разрушили хозяйственный аппаратъ Сибири, вывезли 167 пудовъ золота, 500 пудовъ серебра и около 1 миллиарда кредитокъ. Наличность государственнаго банка и казначейства къ 1 ноября 1918 г. была лишь 220 милліоновъ и т. д. Обращаясь къ факторамъ экономическаго и финансоваго возрожденія, слѣдуетъ отмѣтить во-первыхъ результаты правительственной дѣятельности по восстановленію нормальныхъ условій и т. д., во-вторыхъ, громадныя естественныя богатства Сибири, кои и теперь при отсталыхъ способахъ эксплуатаціи служатъ источникомъ крупныхъ доходовъ. Наконецъ, въ качествѣ обезпеченія бумажнаго обращенія слѣдуетъ указать на металлическій запасъ кладовыхъ банка 40.000 пудовъ золота, 135.000 пудовъ серебра, не считая 1.000 пудовъ золота въ распоряженіи государства на территоріи Сибири и скупаемой правительствомъ платины. Указанныя обстоятельства позволяютъ рассчитывать въ будущемъ на возможность правильной постановки государственнаго хозяйства и проведенія широкихъ финансовыхъ реформъ и т. д.

Просьба передать настоящую телеграмму Рафаловичу. Министръ финансовъ Михайловъ».

Нельзя не признать, что бережное отношеніе къ деньгамъ свѣйство положительныхъ людей. Не

имѣя никакихъ другихъ данныхъ, которыя обосновали бы отрицательное сужденіе о лицахъ, рѣшавшихъ въ Омскѣ участь плана Щербачева, мы можемъ и должны предположить, что всѣ они были прекрасными людьми. Въ противоположность имъ мы укажемъ на отношенія Юлія Цезаря къ деньгамъ до момента окончательнаго захвата имъ власти. Это можетъ навести насъ на мысль, какъ бы подобные ему люди съ пріемами, можетъ быть, предосудительными въ частной жизни могли бы поступить при данной обстановкѣ. Однако, и простые смертные въ рамкѣ общепринятой этики могли использовать положеніе. Мы наблюдаемъ, что средній человѣкъ и въ наше время легко поддается вліянію золота. Стѣдуетъ также отмѣтить склонность плохого игрока удваивать ставку послѣ проигрыша. Люди Западной Европы въ общей массѣ посредственные партнеры, судя по сдѣлкамъ ихъ въ послѣднее время со своимъ восточнымъ сосѣдомъ. Наконецъ, вспомнимъ, что держатели русскихъ бумагъ густо населяли Европу и что нѣкоторыя національности неохотно теряютъ разъ пріобрѣтенное; бумагъ въ одной Франціи было размѣщено на 40 миллиардовъ нынѣшнихъ франковъ. Эти люди держали въ рукахъ демократическія учрежденія и свои правительства. Если Омскъ всегда хранилъ бы перечисленные богатства значительно ближе отъ друзей, чѣмъ отъ своихъ враговъ, такъ что первые были бы увѣрены въ ихъ сохранности, и воспользовался бы проекторами европейской прессы, чтобы пустить лучи этихъ 40.000, 135.000, 1.000 пудовъ и платины въ сердца западныхъ европейцевъ (такой взглядъ высказыва-

ется и въ запискахъ финансоваго агента Рафаловича, составленныхъ на основаніи засѣданія финансово-экономическаго комитета отъ 30 апрѣля 1919 г.), то они возгорѣлись бы пламенной любовью къ правительству въ Сибири, а упомянутые игроки бросились бы удваивать свои ставки, надѣясь вернуть проигрышъ. Они вѣдь это дѣлаютъ въ настоящій моментъ, при новыхъ сдѣлкахъ съ большевиками. Не только 80.000 сербовъ и чеховъ, да сомнительныхъ 150.000 военноплѣнныхъ могли бы быть двинуты на эти ставки, но возможно было бы набрать арміи любыхъ размѣровъ. Чтобы спасти свои деньги, вложенныя въ русскія бумаги, Европа дала бы любия суммы.

Потомки ость и востготовъ и прочіе могли бы броситься къ необходимому положенію. Мы знаемъ по описаніямъ и видѣли въ кинематографахъ, что дѣлается, когда раздаются золотопосные или алмазные участки (на которыхъ чаще всего нѣтъ ничего, кромѣ песка) и какъ въ 2 мѣсяца вырастаютъ многосотысячные города. Съ другой стороны вся литература переполнена описаніемъ ужаса, который ожидалъ вернувшихся домой сыновъ отечества послѣ войны, павшихъ, что имъ нѣтъ больше мѣста во вновь сложившейся дома обстановкѣ. Съ сибирскими средствами можно было выбирать ~~для~~ волонтеровъ по своему усмотрѣнію, сколько и какія угодно силы для борьбы съ противниками. На основаніи факторовъ, весьма схожихъ съ только что приведенными, фактически и была сдѣлана попытка похода на Россію еще въ томъ же 1919 году, но не со стороны побѣдителей, а

со стороны побѣжденныхъ. Англія и Франція увидѣли въ этомъ огромную опасность не только для одного Совѣтскаго правительства (см. стр. 116 и 118).

Изрѣченіе Филиппа Македонскаго, что осель, нагруженный золотомъ, одолеваетъ всякое препятствіе, оставалось въ силѣ и въ 1919 г., такъ какъ сердца людей сохранили воспріимчивость ко всему драгоценному. Большевики, захватившіе Сибирь и часть богатствъ, давно усвоили правило Филиппа, не поняли благородства Михайлова; они рѣшили, что на ихъ счастье у противника заортачились ослы.

Куда дѣлись эти массы драгоценныхъ металловъ, установить не удалось⁽¹⁴⁾.

Нѣкоторыя свѣдѣнія, полученные на запросы

(14) Ниже приводятся выдержки изъ письма графа Козовцова отъ 19 декабря 1934 г., какъ наиболѣе объективная свѣдѣнія этого событія:

«Думаю, что я могу правильно освѣтить часть этихъ событій, затрагиваемую Вашими вопросами и дать по нимъ исчерпывающее разъясненіе. Я оговорюсь только прежде всего, что не имѣю свѣдѣній о томъ, какое количество золота, серебра и платины имѣлъ Адмиралъ при себѣ во время обратнаго движенія его на Востокъ, послѣ отступленія его подъ натискомъ превосходныхъ силъ непріятели. Его бывший Министръ Финансовъ Михайловъ долженъ былъ хорошо знать объ этомъ, и на его свидѣтельствѣ есть полная возможность строить правильные выводы.

На Вашъ первый вопросъ: «были ли металлы полностью вывезены своевременно, или они попали въ руки большевиковъ», я могу достоверно отвѣтить, что все цѣнное и въ частности драгоценныя металлы находились непосредственно при Адмиралѣ Колчакѣ при его отступленіи на Востокъ и болѣею частью слѣдовали или въ прямой связи съ тѣмъ поѣздомъ, въ которомъ онъ самъ находился, или предшество-

фантастичны; ихъ приводитъ безъ того, чтобы обидѣть многихъ иностранцевъ, не представляется возможнымъ. Съ увѣренностью можно лишь установить, что широко задуманная финансовая реформа министра Михайлова не была приведена въ исполненіе.

330 милліоновъ золотыхъ рублей, переданныхъ большевиками по Брестъ-Литовскому миру пѣмцамъ, были у послѣднихъ отобраны и подѣлены между Англійей и Франціей.

Отказъ Омска въ средствахъ на формированіе сербскихъ и чешскихъ частей имѣлъ катастрофическія послѣдствія.

Когда арміи Деникина подходили къ Москвѣ, дойдя до Орла, крушеніе фронта произошло изъ-за обхода его большевиками съ обонхъ фланговъ. На восточномъ флангѣ вина ложится на Мамонтова; онъ

вали ему, или находились въ непосредственно за нимъ съѣдовавшихъ поѣздахъ.

Люди, критикующіе его дѣйствія, изъ числа участниковъ его компаніи, всегда ставятъ ему въ вину, что онъ слишкомъ ревниво охранялъ эти цѣнности и не принималъ мѣръ къ охранѣ самого себя и его спутниковъ, не желая разстаться съ золотомъ и монетою.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что никакая часть этихъ металловъ не была вывезена за границу и попала: въ большей ея долѣ въ руки большевиковъ, а то, что успѣло проскользнуть мимо Иркутска послѣ захвата самого Адмирала, было забрано по дорогѣ во Владивостокъ какъ атаманомъ Семеновымъ, такъ и всякими иными отрядами, хозяйничавшими по линіи желѣзной дороги. Думаю, что нѣкоторая часть золота попала въ руки и Восточно-Сибирскаго правительства и была израсходована имъ на цѣли управленія. За границу же никакая часть драгоценныхъ металловъ ни отъ

не исполнилъ возложенной на него задачи, а допустилъ всеобщій грабежъ; его части эскортировали повозки съ награбленнымъ имуществомъ, вытянувшіяся въ обозъ длиною въ 40 верстъ (см. Оч. Рус. См.), вмѣсто движенія во флангъ и тылъ противника. На лѣвомъ флангѣ катастрофа произошла потому, что Польша, заключивъ перемиріе съ большевиками, дала имъ возможность обойти Деникина съ запада.

Если бы на естественномъ пути движенія сербовъ и чеховъ, (а также болгаръ, которымъ союзники съ своей стороны запретили выставить контингенты), оказалась славянская армія, то исходъ окончательнаго сраженія былъ бы иной. Насколько въ сознаніе русскихъ на мѣстѣ вошло, что въ содѣйствіи Сербіи и Болгаріи послѣдняя надежда, видно изъ телеграммы отъ 13 января, полученной Деникинымъ отъ предсѣдателя правительства юга Россіи ген. Лукомскаго; она была составлена послѣ переговоровъ съ прибывшимъ на югъ членомъ Англійскаго

имени Колчака или по его распоряженію, ни отъ имени Сибирскаго правительства вывезена не была.

На второй Ваинъ вопросъ: «возможно ли было увезти его, то есть металлъ, за границу» — я отвѣчаю просто, что этого нельзя было сдѣлать по тѣмъ условіямъ, въ которыхъ находилась власть Адмирала Колчака во время его отступленія и позади его движенія. Отправлять же его за границу во время его короткаго владычества онъ очевидно не рѣшался, да едва ли и могъ объ этомъ думать, такъ какъ его задачи заключались, до самаго его отступленія, исключительно въ охраненіи русской территоріи отъ власти большевиковъ и никакихъ плановъ объ эвакуаціи драгоценныхъ металловъ за границу у него не могло и быть, какъ не мыслить онъ и для себя самаго возможнымъ уходить изъ Россіи. . .

парламента Макъ Киндеромъ. Эта телеграмма представляетъ собою величайшій интересъ, такъ какъ показываетъ, что правительство юга приняло къ убѣжденію, что вся предшествующая политика бѣлыхъ была не вѣрна. Мы въ ней находимъ фразу: «...единогласно признано принять полностью предложеніе Макъ Киндера, въ томъ числѣ признаніе Вами и правительствомъ самостоятельности существующихъ окраинныхъ правительствъ». Вместе съ тѣмъ Лукомскій пишетъ, что совѣщаніе счло необходимымъ потребовать отъ союзниковъ: «... 2) содѣйствія къ помощи живой силой со стороны Болгаріи и Сербіи, ... 4) крайне желательнo заинтересовать Англію въ предпріятіяхъ Черноморской губ. и Крыма путемъ предоставленія концессій, что въ значительной мѣрѣ свяжетъ ея интересы съ нашими» (Оч. Рус. См., т. V, стр. 305). Пункты эти имѣютъ прямое отношеніе къ дальнѣйшему, являясь противоположностью рѣшеній и дѣйствій бѣлыхъ до катастрофы.

Въ запискѣ, представленной Врангелемъ Деникину отъ 7 января 1920 г., указано, что онъ считалъ возможнымъ продолженіе борьбы, опираясь на содѣйствіе Польши, и «есть основаніе рассчитывать на помощь живой силой другихъ славянскихъ народовъ», т. е. Болгаріи и Сербіи (тамъ же, стр. 292).

Такія запоздалыя откровенія не могли уже исправить прежнихъ ошибокъ. Для содѣйствія сербовъ, болгаръ, чеховъ, поляковъ и всѣхъ окраинъ время было безвозвратно пропущено и въ 1920 году по-

бѣда могла бы быть достигнута лишь новыми путями, на которые Щербачевъ и указалъ Врангелю. Ихъ изложенію посвящается 9-ая глава.

Глава 7-ая.

Одновременно съ разработкой плана наступленія сербовъ и чехословаковъ и дѣятельностью по снабженію арміи съ помощью союзниковъ, Щербачевъ слѣдилъ за положеніемъ и дѣйствіями тогда еще отдѣльных бѣлыхъ отрядовъ въ Прибалтикѣ.

Въ концѣ ноября 1918 г. ген. Юденичъ выбрался изъ Петербурга въ Финляндію и вступилъ въ переговоры съ мѣстными эмигрантскими организаціями. 9 декабря французскому и англійскому посламъ въ Стокгольмѣ была вручена записка за подписью Юденича и А. Ѳ. Трепова. Въ ней было изложено общее положеніе, которое представлялось какъ бы угрожающимъ и союзникамъ со стороны внутреннихъ и внѣшнихъ большевиковъ въ Прибалтикѣ; требовалась политическая и матеріальная помощь анти-совѣтскому движенію. Юденичъ 19 декабря встрѣтился въ Стокгольмѣ съ представителями регента Финляндіи, причемъ были выработаны условія возможныхъ совмѣстныхъ дѣйствій противъ большевиковъ. Краеугольнымъ камнемъ ихъ было признаніе независимости Финляндіи, которое отклонялось въ Парижѣ какъ русскимъ политическимъ совѣщаніемъ, такъ и Сазоновымъ. Выбравшійся въ свою очередь изъ совѣтской Россіи въ Финляндію Б.

Тавинкогъ, ознакомившись съ положеніемъ, взялся добиться уступокъ въ Парижѣ, въ слѣдствіе чего онъ и являлся тамъ въ началѣ 1919 г. По этому же вопросу изъ Прибалтики въ Лондонъ прибыл Кар-ташевъ и Струве. Однако, все эти дѣйствія не привели къ практическимъ результатамъ, хотя адм. Колчакъ и возложилъ на ген. Юденича весной 1919 года «руководство бѣлымъ движеніемъ въ Прибалтикѣ». Между тѣмъ шансы на поддержку Финляндіи падали. Фактически независимость Финляндіи осуществилась уже въ срединѣ предшествующаго 1918 года и она была признана Англіей 5-го мая 1919 г. Признаніе ея бѣлыми русскими де-юре тер-яло цѣлность по мѣрѣ того, какъ не только союзники, но и инородцы Прибалтики стращивали съ себя обаяніе прежней русской власти и убѣждались, что дальше можно и не считаться съ возможностью возстановленія Россіи. Чего можно было легко добиться въ 1918 году, стало трудно достичь въ іюль и невозможно въ ноябрѣ 1919 года. Осенью 1918 года Финляндія выступила бы противъ совѣтской Россіи въ силу собственныхъ интересовъ; въ декабрѣ она поставила уже нѣкоторыя условія, въ мартѣ 1919 г. она потребовала на первые расходы арміи триста милліоновъ золотыхъ рублей, лѣтомъ, съ переходомъ власти къ новому республиканскому правительству — выступленіе стало почти невозможнымъ, а въ ноябрѣ финляндское правительство вообще отклонило всякіе переговоры, не интересуясь болѣе признаніемъ ея независимости русскими военнопольщиками и отдѣльными группами эмигрантовъ за границей. Лѣтомъ 1919 года къ своей очереди Латвія и

Эстонія придавали преувеличенное значеніе признанію ихъ представителями прежней Россіи. Признаніе это со стороны Сѣверо-Западнаго правительства и Юденича не могло ихъ удовлетворить, такъ какъ хорошо было извѣстно, почему Финляндія не выступила; географическое же ихъ положеніе помимо этого подсказывало, что въ будущемъ окръпшая Россія не примирится съ ихъ самостоятельностью и не признаетъ подписей Юденича. Не только внѣшнія политическія обстоятельства катились по наклонной плоскости, но и внутреннее положеніе въ молодыхъ республикахъ мѣнялось быстро въ отрицательномъ для бѣлыхъ смыслѣ. Лѣтомъ въ Финляндіи вмѣсто регента стали у власти социалисты, въ Латвіи латышскіе шовинисты и лѣвые одержали рѣшительную побѣду надъ уступчивымъ правительствомъ Нѣдры, а въ Эстоніи произошелъ сдвигъ влѣво. Въ такой-же мѣрѣ ухудшалось положеніе бѣлыхъ отрядовъ въ Прибалтикѣ.

Установивъ, что адм. Колчакъ согласенъ дать средства на поддержку Юденича, Щербачевъ сосредоточилъ свою энергію на оказаніе помощи Сѣв.-Зан. фронту. Занятіе Петербурга могло повліять на отношеніе Европы къ бѣлому движенію и нанести непоправимый вредъ совѣтской власти какъ за границей, такъ и внутри страны. Открывалась возможность въ кратчайшій срокъ достигъ наибольшихъ результатовъ. Ревель, какъ база дѣйствій, имѣлъ удобный портъ. По мѣрѣ продвиженія впередъ, тылъ можно было подтягивать съ помощью англійскаго флота до Кронштадта включительно.

Первымъ шагомъ Щербачева было обращеніе къ маршалу Фошу, который отнесся сочувственно къ идеѣ наступленія на Петербургъ. Онъ, однако, указалъ, что союзники поддержать этотъ планъ лишь при условіи, если создано будетъ не разрозненное, а крупное обще-понятное дѣло. Впрочемъ, добавилъ онъ, этотъ районъ входитъ въ сферу Англій, и Франціи придется ограничиться моральнымъ содѣйствіемъ. Послѣ этого Щербачевъ собралъ совѣтъ изъ компетентныхъ лицъ. Однимъ изъ участниковъ было указано на то, что прежнихъ начальниковъ, зачастую создавшихъ сами свои отряды при исключительныхъ обстоятельствахъ, слѣдуетъ сохранить, а общее командованіе объединить въ рукахъ Родзянко, какъ командира наибольшаго числа частей. Назначеніе генерала Юденича могло создать положеніе, при которомъ его штабъ имѣлъ бы въ непосредственномъ своемъ подчиненіи лишь одинъ штабъ Родзянко. Наконецъ, не было власти, которая могла заставить начальниковъ отрядовъ признать прибывшаго со стороны генерала Юденича. Щербачевъ, однако, рѣшилъ, что наиболѣе важнымъ факторомъ для содѣйствія союзниковъ является сосредоточеніе командованія въ рукахъ обще-извѣстнаго полководца, и герой кавказскаго фронта считался имъ наиболѣе подходящимъ для этой роли. Въ соотвѣтствіи съ этимъ онъ сообщилъ адм. Колчаку о результатахъ переговоровъ съ маршаломъ Фошемъ и о желательности назначенія ген. Юденича командующимъ. Одновременно съ этимъ англичане обратились къ ген. В. Гурко, но тотъ поставилъ вопро-

сы⁽¹⁵⁾, на которые отвѣтить оказалось для Англии весьма неудобнымъ, какъ будетъ видно въ дальнѣйшемъ. Указомъ отъ 5 июня 1919 г. Колчакъ утвердилъ Юденича въ этой должности. Щербачевъ обратился къ полк. Спирсу, представителю англійской арміи при маршалѣ Фошѣ, съ просьбой о высылкѣ на имя Юденича снаряженія и снабженія. Спирсъ во всемъ пошелъ навстрѣчу и отослалъ списки необходимаго для исполненія въ Англійское военное министерство. Въ это время обратило на себя вниманіе странное явленіе: еще Юденичъ не былъ назначенъ, а въ англійской прессѣ уже появился рядъ статей о побѣдахъ его въ Прибалтикѣ, гдѣ никакихъ боевъ фактически не происходило. Самъ же Юденичъ продолжалъ проживать въ Гельсингфорсѣ. Щербачевъ рѣшилъ, что Англія ведетъ пропаганду, чтобы подготовить общественное мнѣніе въ пользу ассигнованій на поддержку Юденича. Такъ какъ вся фактическая помощь должна была исходить отъ Англии, то центръ тяжести для снабженія Сѣверо-Западной арміи перешелъ изъ Парижа въ Лондонъ. Щербачевъ, не желая покинуть Парижа, командировалъ въ Лондонъ ген. Головина, который сталъ работать самостоятельно на пользу Сѣверо-Западной арміи. Его дѣятельность общала имѣть тѣмъ болѣе успѣхъ, что англійскій военный министръ Черчилль отнесся

(15) Ген. В. Гурко спросилъ: 1. Какія полит. и экон. дѣли преслѣдуютъ союзники въ видѣ компенсаціи за помощь. 2. Какія средства денежныя и матеріальныя они готовы предоста- вить. 3. Будетъ ли русскій Главнокомандующій облеченъ полной властью (Очерки Рус. Смуты Деникинъ).

къ нему съ личной симпатіей и охотно выслушивалъ его соображенія и ходатайства. Черезъ короткое мя, однако, Головинъ уѣхалъ на Дальній Востокъ, а Юденичъ послалъ въ Лондонъ ген. В. Геруа (брата ген. А. Геруа), который вновь сталъ работать въ тѣсномъ контактѣ съ Щербачевымъ. Между тѣмъ все болѣе ясно обозначалось противорѣчіе съ одной стороны фактъ отправки требований, посланныхъ полк. Спирсомъ, его опредѣленные обѣщанія, завѣренія англійскаго посла въ Парижѣ и Черчилля въ Лондонѣ, съ другой — жалобы изъ Ревеля, что никакого имущества не получено.

Еще въ маѣ ген. Юденичъ, видя, что союзники ничѣмъ ему не помогаютъ, что политическая обстановка на мѣстѣ ухудшается, и что положеніе Сѣвернаго корпуса можетъ стать критическимъ, заговорилъ о возможной переброскѣ морскимъ путемъ 4000 человекъ на фронтъ Деникина.

Щербачевъ рѣшилъ поставить вопросъ ребромъ: или Англія формально высказывается за помощь и опредѣляетъ ея размѣры, или всѣ бѣлые отряды изъ Прибалтики (численность конхъ оны опредѣлялъ 30.000) должны быть увезены въ добровольческую армию Деникина.

Обращаться къ маршалу Фошу не имѣло смысла, такъ какъ оны спосился съ Англіей черезъ полк. Спирса; послѣдній-же самъ недоумѣвалъ и негодовалъ. Нормальная-же дорога черезъ Сазонова и англійскаго посла Лорда Дерби была безнадежна. Поэтому Щербачевъ воспользовался поѣздкой въ Лондонъ своего бывшего генерала для порученій на румынскомъ фронтѣ и возложилъ на него задачу

отъ его имени переговорить съ Черчиллемъ. Онъ долженъ былъ выяснить, на какую помощь можно было рассчитывать съ увѣренностью. Щербачевъ предпочиталъ прямой отказъ дальнѣйшей неопредѣленности. Въ неблагопріятномъ случаѣ онъ считалъ необходимымъ немедленно начать переброску войскъ на югъ. Генераль былъ принятъ помощникомъ Черчилля, который попросилъ его до пріема министра изложить письменно, какіе именно предметы военнаго снабженія и въ какомъ количествѣ требуетъ Щербачевъ. Опасаясь преуменьшить нормы и дать Англій возможность чрезмѣрно сократить испрашиваемое, генераль ограничился слѣдующей запиской: «Если англійское правительство считаетъ обезпеченіе дальнѣйшаго пребыванія Сѣверо-Западной арміи въ Эстоніи невозможнымъ, то необходимо теперь же начать перевозку ея на южный фронтъ, гдѣ она должна теперь же принять участіе въ борьбѣ съ большевиками. Ген. Щербачевъ поэтому просить военнаго министра срочно ствѣтить, можетъ ли посадка и перевозка 30.000 вооруженныхъ людей со всѣмъ принадлежащимъ арміи имуществомъ рассчитывать на содѣйствіе Англій и въ какой мѣрѣ. Если да, то я прошу мнѣ назначить сегодня часъ и лицо для обсужденія и начала работы». На это дѣйствительно послѣдовалъ немедленный отвѣтъ: «въ виду массы работы всенный министръ извиняется, что не можетъ принять посланнаго лично, но сообщаетъ, что отвѣтить на поставленный вопросъ внѣ его компетенціи, такъ какъ англійское правительство само

еще не опредѣлило своего отношенія къ затронутой проблемѣ».

Крайне встревоженный телеграммой, полученной изъ Лондона о результатѣ переговоровъ, Щербачевъ поѣхалъ къ Сазонову съ требованіемъ неотлагательно побудить англійское правительство принять то или иное рѣшеніе и ясно сформулировать его въ видѣ опредѣленнаго заявленія: отвѣтъ Черчилля былъ не совмѣстимъ съ полученными ранее обѣщаніями и увѣреніями, которыя не могли быть ничѣмъ инымъ, какъ только выраженіемъ уже опредѣлявшася отношенія къ этому вопросу со стороны англійскаго правительства. Сазоновъ отвѣтилъ, что онъ удовлетверенъ прежними увѣреніями англійскаго посла въ Парижѣ и считаетъ нежелательнымъ вновь возбудить этотъ вопросъ, такъ какъ это могло бы имѣть видъ недоувѣрія къ ранее полученнымъ обѣщаніямъ Англии. Между тѣмъ Юденичъ настоятельно требовалъ признать независимость Финляндіи до предстоявшаго перехода власти (согласно финской конституціи 1772 года) отъ регента къ республиканскому правительству. Онъ бралъ на себя отвѣтственность и предполагалъ лишь своей подписью закрѣпить соглашеніе.

Щербачевъ, считаясь съ возрастающей вѣроятностью, что Англія въ недостаточной мѣрѣ или несвоевременно поддержитъ Сѣверо-Западную армію, настаивалъ на безоговорочномъ принятіи предложенныхъ Юденичемъ условій. По его мнѣнію 100.000-ая (нѣкоторые полагаютъ, что было не болѣе 45.000), прекрасно вооруженная

по сравненію съ большевиками финская армія съ 250 орудіями и 20 танками не только являлась единственнымъ спасеніемъ въ сомнительномъ положеніи, но и обеспечивала вѣрный успѣхъ. Онъ указалъ Сазонову на рискъ, сопряженный съ передачей участи всего вопроса въ руки иностраннаго правительства, отказавшагося открыто высказать свои рѣшенія. Сазоновъ въ данномъ случаѣ рѣшилъ посоветоваться съ англійскимъ посломъ!

Выступленіе Финляндіи оказалось нежелательнымъ для Англій.

Получивъ вновь завѣреніе, что вмѣсто помощи Финляндіи Англія окажетъ Сѣв.-Зап. арміи содѣйствіе, Сазоновъ сказалъ, улыбаясь: «и безъ чухонъ обойдемся», и требованіе Юденича вновь было отклонено.

Вотъ, что написалъ Сазоновъ Колчаку: «Безусловное признаніе независимости Финляндіи противорѣчитъ жизненной необходимости обусловить это признаніе гарантіями безопасности для Россіи. Ссылка на 1864 годъ маловажна. Финны добиваются выхода къ Ледовитому океану въ смыслѣ присоединенія Печенги, что представляется мнѣ недосягаемымъ. Самоопредѣленіе кареловъ скрываетъ притязаніе на части Олонецкой и Архангельской губерній. Взамѣнъ этихъ главныхъ уступокъ, которыхъ никто, кромѣ Учредительнаго Собранія не въ правѣ дѣлать, намъ обѣщается выступленіе финскихъ войскъ даже безъ обязательствъ (?) дѣйствительно достигнуть опредѣленной цѣли».

На это послѣдовала телеграмма Колчака Юде-

ничу отъ 20 іюля 1919 года: «Не вступайте ни въ какія договорныя обязательства съ финляндскимъ правительствомъ. Условія соглашенія не пріемлемы и нѣтъ увѣренности въ активной помощи Финляндіи».

Уже 9 іюля Щербачевъ выслалъ курьера къ Юденичу, которому сообщалась общая оріентировка и свѣдѣнія объ обѣщанномъ при посредничествѣ полковника Спирса снабженіи. Курьеру поручено было выяснитъ положеніе на мѣстѣ и составить списокъ всего полученнаго изъ Англій.

Курьеръ, однако, былъ задержанъ въ Лондонѣ и вернулся 25 іюля въ Парижъ, приземъ представилъ докладъ ⁽¹⁶⁾, и составленную имъ, ген. Геруа и ген.

⁽¹⁶⁾ Докладъ отъ 27 іюля 1919 года, входящій № 1733 дѣло 12 развѣдка:

Докладъ.

Одной изъ наиболѣе важныхъ задачъ командированнаго 9 іюля къ генералу Юденичу было дать весьма благоприятную для насъ оріентировку въ смыслѣ обиднаго матеріальнаго содѣйствія союзниковъ, Америки включительно, а въ частности особой поддержки Англій. Пріѣхавъ въ Лондонъ, я нашелъ полную поддержку со стороны генералъ Ермолова и Дьяконова, а также генерала Геруа, который уже до моего пріѣзда получилъ согласіе англійскаго военнаго министерства на движеніе курьеровъ между генераломъ Юденичемъ и нашими лондонскими представителями — поэтому, ознакомившись съ моею задачей, записалъ меня въ качествѣ перваго курьера. Пароходъ «Данія» съ грузомъ изъ Ревеля, прибывшій изъ Гивра, долженъ былъ первоначально отбыть 14 іюля изъ Лондона; я явился 11 іюля въ Англійское военное министерство къ майору Скейфу, который вѣдаетъ всеми отправками офицеровъ и который былъ предупрежденъ генераломъ Спирсомъ изъ Парижа о моей коман-

Дьяконовымъ (помощникомъ военного агента, въ распоряженіи котораго были органы агентуры и необходимыя свѣдѣнія) таблицу. Послѣдняя имѣла 3 графы: Русскія части, Эстонская армія и Латвійская армія. Въ ней были перечислены всѣ отбывшіе изъ Англіи пароходы съ снабженіемъ, которое было распредѣлено по упомянутымъ графамъ. Въ русскую графу оказался записаннымъ лишь одинъ пароходъ, который, по заявленію военного министер-

дировкѣ; послѣдній сказалъ мнѣ, что министерство сдѣлаетъ все, что нужно для моего отъѣзда. На ежедневное напоминаніе генерала Ермолова Скейфъ отвѣчалъ, что отвѣтъ о подробностяхъ будетъ данъ «завтра». Такъ тянулось время до 24 іюля, когда неожиданно мощная организація «Тред-Юніона», объединяющая почти весь рабочій классъ Англіи, объявила о своемъ присоединеніи къ требованіямъ забастовавшихъ угольщиковъ (одно изъ требованій — немедленное прекращеніе содѣйствія русскимъ). Это привело въ полное замѣшательство англійское правительство и вызвало временное приостановленіе всѣхъ отправокъ въ Россію. 25 іюля Скейфъ сообщилъ генералу Ермолову, что моя командировка откладывается на неопредѣленное время. Въ виду изложеннаго, я выѣхалъ съ докладомъ въ Парижъ и тутъ 26 получилъ телеграмму генерала Ермолова, что мой отъѣздъ въ Гельсингфорсъ назначенъ на 9 августа.

Невольная задержка въ Лондонѣ дала мнѣ возможность ознакомиться съ весьма существенными обстоятельствами, еще не извѣстными при моей отправкѣ изъ Парижа, и могущими измѣнить посланную генералу Юденичу ориентировку, а именно:

1) Никакихъ фактическихъ отправокъ непосредственно для нашихъ русскихъ отрядовъ съ самаго начала ихъ формированій до мгновенія моего отъѣзда изъ Англіи не было произведено. Ушедшій съ грузомъ изъ Англіи одинъ пароходъ до мѣста назначенія не дошелъ (по словамъ генерала Дьяконова «потонулъ») (!!)

ства, «затонуть» по дорогѣ. Свѣдующія графы показывали, какое количество всего было доставлено въ національныя войска Эстоніи и Латвіи. Цифры эти показывали, что Англійское правительство было заинтересовано въ созданіи вооруженной силы въ Прибалтикѣ, но не русской, и что работа для ея созданія была энергична и планомерна.

Эти свѣдѣнія заставили Щербачева побѣхать къ Сазонову и указать на всю серьезность положенія.

2) Между тѣмъ поступившіе запросы отъ англійскаго военнаго министерства съ предложеніемъ подробно печислить нужды съ обѣщаніемъ немедленнаго исполненія вызвали твердое убѣжденіе въ Парижѣ, что часть всего этого уже получена на мѣстѣ, а прочее въ пути, что влекло за собою неточную при моей отправкѣ оцѣнку положенія.

3) Между тѣмъ отложившіеся отъ Россіи прибрежныя области фактически получили огромную помощь со стороны Англии, которая не отразилась благоприятно на нашихъ русскихъ отрядахъ, вызвавъ въ этихъ новыхъ государствахъ неточное понятіе о политикѣ союзниковъ къ нимъ по сравненію съ Россіей.

4) Политика этихъ областей, за предѣлы допустимыхъ для интересовъ Россіи, не находила со стороны англійскаго правительства сдерживающаго вліянія, что объясняется оцѣнкой положенія представителей Англии на мѣстахъ и ихъ огвѣщеніемъ фактовъ безъ широкаго взгляда на неизбежныя будущія отношенія Россіи къ своимъ выходамъ къ морю, что объясняется общечеловѣческой чертой видѣть полнѣе всего то, что передъ глазами, и въ завѣсности отъ непосредственнаго впечатлѣнія находится подѣ вліяніемъ мѣстной обстановки, переоцѣнивая ея значеніе. Англичане весьма увлекаются высокою идеей освобожденія народовъ отъ чужеземнаго ига и въ этомъ отношеніи заходятъ очень далеко.

5) Въ парижской прессѣ, перепечатавающей главнымъ образомъ англійскія свѣдѣнія о Россіи, уже продолжительное время велась усиленная агитація въ пользу Юденича, заста-

Онъ объяснилъ Сазонову, что всѣ данныя сводились къ тому, что англійская политика направлена на созданіе инородческихъ армій, а стало быть и соответствующихъ новыхъ государствъ; при этомъ русскія части намѣренно оставались безъ снабженія, чтобы онѣ не могли воспрепятствовать расчлененію Россіи, того самаго расчлененія, противъ котораго цѣнной величайшаго риска возставалъ Сазоновъ, не соглашавшійся даже на признаніе самостоятельности Финляндіи. Для подробнаго объясненія цифръ курьеръ самъ на слѣдующій день изложилъ Сазонову всѣ данныя таблицы. Выслушавъ его, Сазо-

жившая часть предполагать, что фронтъ Юденича приковалъ къ себѣ особый интересъ англійскихъ широкихъ круговъ. При этомъ замѣчалось усиленное подчеркиваніе успѣховъ Юденича и часто ему приписывались дѣйствія, достигнутыя финнами и эстами, а также отдѣльными отрядами, фактически не руководимыми директивами Юденича; казалось, что англійское правительство или нѣкоторыя группы англійскаго парламента въ этомъ смыслѣ подготавливаютъ общественное мнѣніе для энергичнаго содѣйствія Юденичу. Такъ какъ это не подтверждалось фактической помощью, я постарался собрать свѣдѣнія о дѣйствительныхъ источникахъ этой газетной кампаніи, которая, какъ оказалось, велась совершенно иными элементами: а) въ правыхъ газетахъ патріотически настроенными группами русскихъ дѣятелей въ Англии, б) въ органахъ центра объединенной группой русскихъ капиталистовъ еврейскаго происхожденія во главѣ съ Милуковымъ, заинтересованныхъ въ спасеніи своихъ капиталовъ, и надѣящихся возстановить въ Россіи режимъ Керенскаго, в) наконецъ значительное число статей въ этомъ смыслѣ было выпущено дѣльцами разныхъ національностей, тратившими значительныя суммы на пропаганду съ цѣлью использованія результатовъ для личныхъ выгодъ; среди таковыхъ можетъ считаться на первомъ мѣстѣ нѣкій ЛИЧЬ (Личь хотѣлъ получить вмѣстѣ съ банкиромъ Рубинштейномъ концессию на

новъ, возмущенный, заявить, что присылается сборъ подобнаго матеріала враждебному отношенію къ Англійи самого курьера: въ послѣднемъ отношеніи Сазеновъ заблуждался. 11 августа К. Д. Набоковъ писалъ Колчаку... «Петроградъ гибнетъ, а на сѣверѣ грозитъ катастрофа. Выходъ одинъ — безусловное признаніе независимости Финляндіи и соглашеніе съ Антантой». Между тѣмъ 20 августа Деникинъ пишетъ Колчаку: «Еще въ декабрѣ прошлаго года по полученіи первыхъ извѣстій о предселаваемомъ походѣ

эмиссіонный банкъ въ освобожденномъ Петербургѣ, съ устраненіемъ всѣхъ другихъ банковъ), англійскій дѣлецъ, вырвавшій изъ Финляндіи нѣкоторыя подобныя предпріятія получаютъ прямыя свѣдѣнія изъ Финляндіи и имѣютъ даже своихъ военныхъ корреспондентовъ среди нашего генералитета. Фактически за русское дѣло въ Англійи стоитъ группа англійскихъ дѣятелей во главѣ съ Черчиллемъ, сдѣлавшая то, что пока достигнуто. Но инертность въ этомъ отношеніи всѣхъ прочихъ дѣятелей, крайняя агитація рабочей партіи, — терроризирующая морально большинство умовъ, парализуетъ очень многое, а въ частности, по отношенію къ офену генерала Юденича на основаніи особой политикѣ, причины коей я изложилъ только что, приводитъ къ задержкамъ. Я считаю, что само англійское правительство не выработало опредѣленной линіи въ отношеніи Юденича. Въ этомъ отношеніи характерно сопоставить даже мелочные факты: соглашеніе на сношеніе генерала Геруа и генерала Юденича курьерами, предложеніе майора Скейфа генералу Дьяконову, чтобы курьеръ обратился за визой къ Эстонскому представителю, хотя Эстонія не признана официально за независимое государство; въ мѣншениіе грозныхъ событій отказать выслать курьера съ первымъ пароходомъ подъ предлогомъ, что мѣста всѣ заняты, тогда какъ для оставленія мѣста были сдѣланы всѣ шаги еще до прибытія парохода въ Англійю, требованія, чтобы за проѣздъ курьеровъ въ Финляндію и обратно было

Маннергейма на Петроградъ я поручилъ высказать союзнымъ представителямъ въ Екатеринодарѣ слѣдующую точку зрѣнія: «въ силу особыхъ отношеній, существующихъ между Россіей и Финляндіей, русскій народъ не можетъ допустить вооруженнаго вмѣшательства финновъ въ свои внутреннія дѣла. Территорія Россіи можетъ и должна быть освобождена исключительно русскими-же при содѣйствіи союзныхъ державъ». Объ изложенномъ доношу въ виду полученныхъ мною свѣдѣній о до-

уплочено 1.200 франковъ какъ частнымъ лицомъ и проч. — все это указываетъ на наличие какихъ-то противорѣчій. Сопоставляя это съ фактомъ, что до сего времени ни одинъ русскій офицеръ не былъ пропущенъ отъ Юденича въ отряды по ту сторону Финскаго залива, ни отъ Юденича къ русскимъ представителямъ въ союзныхъ государствахъ, можно подумать, что это не есть случайный фактъ. Между тѣмъ лейтенантъ Станкевичъ, пріѣхавшій въ Парижъ изъ отряда генерала Родзянко, доложилъ мнѣ, что офицеры, высланные или приглашенные генераломъ Родзянко, ѣхавшіе черезъ Ревель, тутъ подъ предлогомъ политическаго карантина задерживались, хотя, казалось, фактъ ихъ приглашенія или послышки ставилъ этотъ вопросъ внѣ компетенціи мѣстныхъ властей.

Дѣлая общее заключеніе по всему изложенному, приходится высказать слѣдующее:

Несмотря на поддержку, оказанную намъ союзниками, а въ частности Англійей на югѣ, необходимо теперь же выяснить и вложить въ опредѣленные рамки политику союзниковъ, а въ частности Англии въ отношеніи операцій Юденича; неясность можетъ быть чревата неожиданными послѣдствіями не только для насъ, но и для самихъ англичанъ, которые, повидимому, недостаточно широко ориентированы на мѣстахъ. Ожидаемая перемѣна въ финляндской внутренней политикѣ и возможность перемѣнъ въ другихъ новыхъ государствахъ, должны намѣренія союзниковъ сдѣлать условными, но совер-

говорѣ, заключенномъ, недавно генераломъ Юденичемъ и генераломъ Маннергеймомъ. Всецѣло раздѣляя оцѣнку этого акта, данную Сазоновымъ, считаю долгомъ совѣсти представить Вамъ, что этотъ договоръ, нарушающій важные интересы русскаго государства, является на мой взглядъ не децустимымъ и не имѣющимъ юридической силы». Въ Очеркахъ Русской Смуты (т. IV, стр. 18), Деникинъ пишетъ: «я въ началѣ не исключалъ возможности содѣйствія финляндской арміи, но, подъ впечатлѣніемъ финляндскихъ требованій, тѣненій тамъ на русскіхъ людей и болѣе, чѣмъ двусмысленной политики Державы Согласія къ концу 1918 г., я сталъ окончательнo на точку зрѣнія, что помощь Финляндіи была бы куплена нами слишкомъ дорогою

и очень необходимо заранѣе условиться, какъ союзники будутъ реагировать на тѣ или нныя событія, для того, чтобы предупредить то, чему я былъ зрителемъ при весенней эвакуаціи юга Россіи. Такая ясность будетъ выгодна не только для Англій и прочихъ союзниковъ съ одной, а Россіи съ другой стороны, — но безусловно предохранитъ отъ разочарованій тѣ области, которыя по политической молодости мало учитываютъ историческія необходимыя. Если поэтому ищутся средства побудить англійское правительство зафиксировать свои намѣренія, предусматривая ту или иную политическую обстановку, то это необходимо сдѣлать сейчасъ-же, такъ какъ если даже намъ при этомъ не все будетъ пріятно, все-же наши разчеты будутъ построены на положительныхъ данныхъ, а не на догадкахъ, которыя парализуютъ энергію организатора, а на фронтѣ порождаютъ деморализацію и почву для самыхъ разнообразныхъ вліяній. Такое требованіе заставитъ союзниковъ принять рѣшеніе, которое ими самими до сего времени опредѣленно не принято.

дѣнной и что поэтому выступленіе финляндскихъ войскъ на русской территоріи не допустимо». Далѣе, на стр. 39 того-же тома, мы читаемъ: «Сохраненіе Русской Государственности являлось символомъ ортодоксальнымъ, не допускающимъ ни сомнѣній, ни колебаній, ни компромиссовъ». На стр. 240: «Эфемерныя государственныя образованія, приобретающія мнимую независимость, не могутъ принимать участія въ процессѣ освобожденія и объединенія Россіи, пока они не откажутся отъ своихъ притязаній на отдѣльное существованіе. Они не должны претендовать на отдѣльное національное представительство». На страницѣ 138, тома V: «Мы были ригористичны не только въ духѣ, но и въ формахъ опредѣленія государственной связи, считая, что юридическій элементъ федераціи, договоръ и двустороннее октроированіе нарушаютъ — самую идею національнаго единства. Но при этомъ мы упустили изъ виду три важныхъ обстоятельства: что отрывъ окраинъ съ теченіемъ времени становился все рѣзче, углубляясь «давностью», государственной практикой и международными отношеніями; что форма «федераціи» не предрѣшала еще внутренняго содержанія ея, которое могло стать вполне разумнымъ и справедливымъ, не нарушая государственныхъ интересовъ Россіи; что, наконецъ, временныя россійскія правительства Юга и Востока, лишеныя преемственности власти и исторической традиціи, не могли разсчитывать на скорое, безболѣзненное и всеобщее признаніе... Этотъ новый курсъ — скорѣе ложь во спасеніе... Государственная связь Россіи съ ея окраинами предрѣшена».

Этотъ какъ бы второстепенный вопросъ приобрести въ концѣ концовъ рѣшающее для блага движенія значеніе. Къ концу 1919 года, окраинныя государства, фактически ставшія самостоятельными, не были признаны бѣлыми вождями — (признанію Юденичемъ и С. В. правительствомъ не придавалось вѣса). Изъ этого для союзниковъ и лимитрофовъ были ясно, что если эти вожди захватили бы въ Россіи власть, послѣдняя явилась бы угрозой независимымъ молодымъ республикамъ. Эти опасенія были не только высказаны окраинными правительствами великимъ державамъ, но и энергично поддержаны представителями послѣднихъ на мѣстахъ... Державы же могли оказать дальнѣйшей поддержки бѣлымъ, если бы даже къ тому были другія «реальныя» основанія. Благошеніе вождей блага движенія къ инородцамъ привело въ окончательномъ результатѣ къ отказу въ содѣйствіи союзниковъ, ставшихъ покровителями молодыхъ государствъ, т. е. врагами продолженія блага движенія. Они не были намѣрены собственными руками создать себѣ же опасныя осложненія, при опекѣ новыхъ мелкихъ союзниковъ. Дозунгъ «Единая Недѣлимая» оказался роковымъ, несмотря на его привлекательность. Не будучи привлечеными къ участию при его осуществленіи, инородцы стали его врагами, потянувши за собой Европу.

Руководители блага движенія разсуждали о починкѣ общей крыши на рухнувшихъ зданіи, когда лишь можно было думать о поддержкѣ и быстрѣйшемъ исправленіи уцѣлѣвшихъ отдѣльныхъ стѣнъ.

Они исходили не отъ настоящаго, дѣйствительнаго, а отъ мечты, отъ проплаго, рухнуващаго. Они руководствовались не расчетомъ, а личными чувствами, среди которыхъ сознание своего достоинства, превсеходства надъ прежними подвластными народами, сохраненіе бывшаго авторитета въ отношеніи союзниковъ сыграли роковую роль. Съ ничтожными фактическими средствами они вели борьбу не только съ разрушительными силами, опронирующими прежнюю власть, милліонами корней державшуюся, но и съ отряхнувшими власть большевиковъ инородческими окраинами, которыхъ, съ ихъ многомилліоннымъ населеніемъ, могучая Россія лишь столѣтними усиліями могла покорить, и съ одноплеменной Польшей, казаками, малороссами. Одновременно они вели войну съ Германіей, враждовали съ Румыніей, и внушительно разговаривали, какъ мы видѣли въ предшествующей главѣ, съ Франціей.

Вполнѣ понятно, что храбрѣйшій солдатъ Деникинъ, увлеченный непрестанной непосильной борьбой, не могъ услѣдить въ полной мѣрѣ за совершившимся сдвигомъ всего свѣта. За то мы остановимся на Сазоновѣ, который сталъ поперекъ дороги Щербачева и который, въ сущности, самостоятельно руководилъ виѣшнею политикой. Если Колчакъ, Деникинъ и Врангель были далеки отъ міроваго пульса, то Сазоновъ находился въ центрѣ всѣхъ событій; на его глазахъ разыгрывалась и конкуренція иностранныхъ державъ послѣ мира, и смертельная борьба за самостоятельность окраинъ,

и дикая схватка между собою эмигрантскихъ группъ. Какую ничтожною силою должны были для него обрисовываться тѣ нѣсколько десятковъ тысячи борцовъ — разъединенные громадными пространствами, находящіеся въ полной зависимости, денежной и по снабженію, отъ расчетливой Англійи, не единодушные между собою (казаки и добровольцы) отряды, которые боролись за цѣли, не ясныя имъ, не явно противоположныя желаніямъ заступавшаго въ это время въ Парижѣ Верховнаго Совѣта союзниковъ, отъ одного слова котораго зависѣло, быть или не быть бѣлому движенію. Маклаковъ писалъ: «Если кто-нибудь сталъ бы говорить, что Россія будетъ унитарна... то на него стали бы смотрѣть, какъ на чудака». (Оч. Рус. См., т. V, стр. 245).

Спрашивается, чѣмъ руководствовался Сазоновъ? На это даетъ отвѣтъ его предшествующая дѣятельность, сдѣлавшая его безсмертнымъ какъ Герострата, хотя и благороднаго.

Испанскій посолъ въ Петербургѣ графъ Картагена въ своей книгѣ «Воспоминаніе о моемъ посольскомъ времени въ 1914 году», (17), характеризуетъ Сазонова яркими красками. По его мнѣнію, Сазоновъ въ личныхъ отношеніяхъ какъ и въ политикѣ зналъ только либо любовь, или ненависть. Мы

(17) Мы читаемъ у него парадоксальную фразу — «Россія была страна драконовскихъ законовъ, которые смягчались тѣмъ, что они никогда не примѣнялись». Больше гуманнаго законодательства, чѣмъ въ Россіи, нигдѣ не было, ужъ не говоря о приговорахъ. Предлагается сравненіе съ законами теперешними.

выше прослѣдили за размѣрами первой по отноше-
нію къ Англій. Необычайную его прямолинейность,
которой онъ не менѣе поражалъ графа Картагена,
мы устанавливаемъ въ допущеніи имъ, какъ ми-
нистромъ иностранныхъ дѣлъ, возбужденія еще до
окончанія войны вопроса о Константинополѣ (18).
Послѣ засѣданія Совѣта Министровъ въ концѣ

(18) 17-го марта 1915 года Сазоновъ отправилъ посланъ въ
Лондонъ и Парижъ нижеслѣдующую телеграмму: Ходъ по-
слѣднихъ событій привелъ Е. В. Императора Николая II-го къ
убѣжденію, что вопросъ о Константинополѣ и проливахъ дол-
женъ быть окончательно рѣшенъ въ смыслѣ вѣковыхъ стре-
мленій Россіи. Всякое его разрѣшеніе, которое не включало
бы въ составъ русской Имперіи города Константинополя, за-
паднаго берега Босфора, Мраморнаго моря, Дарданеллы, а
равно и южной Фракіи по черту Эносъ-Мидии, было бы недо-
вѣлительно. Подобнымъ же образомъ по стратегиче-
скимъ соображеніямъ часть Азіатскаго побережья, заключаю-
щагося между Босфоромъ и рѣкой Сакаріею и между пунк-
томъ, подлежащимъ опредѣленію на берегу Измидскаго за-
лива, острова Имбросъ и Тенедосъ, должны быть присоеди-
нены къ Имперіи (стр. 315, «Воспоминанія»).

Изложенный проектъ былъ положенъ въ основаніе со-
глашенія, достигнутаго Россіей. Въ Малой Азіи по соглаше-
нію въ апрѣлѣ 1916 года, къ Россіи должны были перейти:
Эрзерумъ, Трапезундъ, Ванъ, Витлисъ, и. т. д.

Узнавъ впервые о проектахъ, Царь (подобно Извольскому
въ день объявленія войны), сказалъ Сазонову: «Я Вамъ обя-
занъ самымъ радостнымъ днемъ моей жизни (см. стр. 308
«Воспоминанія Сазонова»). Всѣ дальновидные враги Россіи
могли бы присоединиться къ подобной оцѣнкѣ лицъ, съ за-
крытыми глазами руководившихъ судьбами Россіи.

Мемуары часто ничто иное, какъ попытка оправданія: по
числу страницъ о какомъ-нибудь фактѣ можно судить о сте-
пени виновности автора въ данномъ вопросѣ. «Воспомина-
нія» Сазонова на половину посвящены его балканской поли-
тикѣ, которая дорога каждому русскому. Мы узнаемъ, ка-

1915 года, на которомъ объ этомъ было сообщено присутствующимъ, государственный контролеръ Харитоновъ, сказалъ Управл. Дѣлами Сов. Министровъ Лодыженскому и его помощнику Яхонтову: «мы проиграли войну». (Со словъ Ар. Пшк. Яхонтова).

Кія пренятетвія оны встрѣчали при ея осуществленіи, не только со стороны противниковъ, но и со стороны союзниковъ. Франція откровенно высказывалась противъ нихъ. Англія-же была сдержана: Съ 1909-го года Германія выступила опредѣленно въ пользу Австріи, и Англіи было выгодно располагать противобѣсомъ въ видѣ Россіи. Такое же соотношение соперничества Савононь встрѣтила и въ 1915 г. при возбужденіи вопроса о проливахъ и Константинополѣ. Англія, зорко слѣдившая за ходомъ революціоннаго движенія въ Россіи, легко согласилась на требованіе Савонона, мастерски составивъ формулу признанія за Россіей права на часть владѣній Турціи. Она сказала неожиданно образно: «при условіи доведенія Россіей войны до побѣдоноснаго конца». Англія съ чистой совѣстью могла обещаннаго не дать Россіи, стоило только устранить Россію отъ участія при окончаніи войны. Стр. 319 «Воспоминаній» содержитъ настолько чистосердечное признаніе дальновидности Англіи, что нельзя отказать Савонону въ симпатіи къ его добѣрности и способности видѣть, что то, что для Россіи было весьма желательно, казалось союзникамъ нарушающимъ ихъ дальновидные интересы.

При описаніи вѣщныи войны много странницъ, посвящено 30 іюля 1914 г. Послѣ полученія ложнаго сообщенія о мобилизаціи въ Локальандейсербъ, Савононь добхалъ къ Сухомлинову и Янушкевичу. (*) На основаніи разговора съ

(*) Пагубная для Россіи роль Сухомлинова общезвѣстна. За то мало кто знаетъ, какую благоприятную для революціи почву создалъ Янушкевичъ, своей политикой. Лицамъ интересующимся вопросами о причинахъ гибели Россіи, рекомендуется ознакомиться съ «Секретными засѣданіями Совѣта Министровъ 16 іюля — 2 сентября 1915 г. А. Н. Яхонтова раскрывающими ошеломляющія послѣдствія дѣятельности Янушкевича (см. Архивъ Русскоѣ Революціи XVIII).

При его искренности Англии было также известно о мечтѣ Сазонова объединить славянскіе народы. Въ связи съ этимъ вспомнимъ часто приводимыя слова лорда Биконсфильда: «великая, все растущая, принимающая колоссальные размѣры Россія, какъ ледникъ, надвигающаяся на Персію, на Афганистанъ, на Индію, представляетъ собою самую страшную опасность, которая когда либо грозила Брита-

ними онъ въ 3 час. дня вынудить независимаго монарха принять роковое рѣшеніе, — разговоръ носитъ именно этотъ характеръ.

Между тѣмъ министръ иностранныхъ дѣлъ долженъ былъ знать, что войну въ 1914 г. надо было избѣгать любой цѣной. Россія находилась въ періодъ неслыханнаго по темпу развитія. Исторія цивилизаціи не знаетъ другихъ примѣровъ подобной процессіи статистическихъ цифръ. Данные эти, вѣдь, вѣдь споровъ. Черезъ 4—5 лѣтъ одного слова Россія было бы достаточно, чтобы Европа безпрекословно исполнила ея указанія. Сербія въ 1918 г. оказалась бы свободной безъ мировой войны.

Сазоновъ ни слова не упоминаетъ о совѣтахъ Императору его противника, предѣдателя совѣта министровъ Горемыкина, отвѣтственнаго за внутреннее положеніе страны въ связи съ принимаемымъ рѣшеніемъ. Мы узнаемъ объ отчаянной борьбѣ, которую велъ Сазоновъ съ «опустившимся въ кресло предѣдателя совѣта министровъ дряхлымъ и полуживымъ старикомъ», старческіе глаза котораго ясенѣе оцѣнили общее положеніе, чѣмъ пылкій, страстный взоръ Сазонова, не говоря уже о зрѣніи безпечнаго кавалерійскаго генерала, который съ Суворовскимъ лозунгомъ «пуля (и снаряды) — дура, штыкъ — молодецъ», рвался въ бой. Этимъ конечно затрагивается лишь одна доля вопроса о причинахъ войны, гдѣ Австрія должна фигурировать на первомъ мѣстѣ. Сазоновъ весьма мѣтко отмѣчаетъ, что Англія, если сразу заявила бы о своей солидарности, удержала бы Германію.

ской Имперіи». Это изреченіе было повторено Ллойдъ-Джорджемъ 30-го ноября 1919 г. въ англійскомъ Парламентѣ. Перспектива увидѣть этотъ ледникъ дошедшимъ до Эгейскаго, Адриатическаго и Мраморнаго морей была должнымъ образомъ оценена Англіей.

Сазоновъ, сочувствуя либеральнымъ и прогрессивнымъ партіямъ, не симпатизировалъ формѣ правленія въ Россіи. Когда обозначалось предстоящее столкновение народовъ, то одновременно намѣчалась и борьба въ міровомъ масштабѣ между монархическимъ и демократическимъ принципами. По существу своему форма правленія не имѣетъ значенія для благополучія народовъ; мы безъ труда устанавливаемъ въ исторіи періоды расцвѣта при всякаго рода структурѣ власти: но переходы отъ одной формы къ другой сопряжены всегда съ болѣзью народа. Сазоновъ и тутъ руководствуется своими чувствами, не задумываясь надъ грознымъ противорѣчіемъ, содержащемся въ назначеніи для состязаній дня кризиса болѣзни борца.

Онъ предпочитаетъ ей дать долю вины, чѣмъ признать за ней строгую логичность дѣйствій. При чтеніи этихъ страницъ бросается въ глаза, что оба императора въ послѣдствіе мгновеніе переступаютъ черезъ Рубиконъ не изъ желанія помѣриться силами, а изъ страха опоздать; въ этомъ страхѣ, использованномъ подчиненными, и кроется доля рѣшительности 30-го и 31-го іюля съ обѣихъ сторонъ. «Кто ѣдетъ верхомъ на тигрѣ не можетъ сойти, когда хочетъ», говоритъ китайская пословица. Этотъ парадоксъ стоилъ жизни милліонамъ людей, что мелочь по сравненію съ послѣдствіями для 2-хъ миллиардовъ пострадавшихъ обитателей земного шара.

или вѣрнѣе, послѣ прививки; это можно было скомбинировать иначе, — (1⁸) времени для того, вѣдь, у Сазонова было достаточно. Логичнѣе вызвать кризисъ и дать переболѣть организму до борьбы, разъборецъ отъ этой операціи долженъ окрѣпнуть. Мы здѣсь устанавливаемъ лишь фактъ.

При неустанной работѣ Сазонова создается такое положеніе, при которомъ монархъ ударяетъ кулакомъ въ 10. милліоновъ солдатскихъ

(¹⁸) Послѣдовавшія событія какъ будто отвѣчаютъ на вопросъ, какъ возможно было это сдѣлать. Прежде всего надо было быть уравновѣженнымъ государственнымъ дѣятелемъ, а не страстнымъ игрокомъ. Экономическое наступленіе нѣмцевъ на Багдадъ, должно было привести соперницѣ Россіи на ближнемъ востокѣ — Англію и Германію къ неизбежному столкновенію, помимо безконечнаго числа другихъ къ тому же причинъ. Разумно было выжидать результатовъ этой борьбы, т.-е. поступить въ отношеніи 2-хъ соперницъ такъ, какъ поступила Англія въ отношеніи одной Россіи. Событія показали полную несостоятельность способа спасенія Сербіи вооруженнымъ вмѣшательствомъ всей Европы въ войну ея съ Австро-Венгріей. Испытанныя ею несчастія были въ стократъ хуже, чѣмъ то, что могла причинить ей одними своими силами Австрія. Возможно, что Австрія и вовсе не смогла бы справиться въ горахъ съ легендарно храбрымъ народомъ. Если же Австрія заняла бы всю территорию Сербіи, то этимъ ослабила бы себя еще больше, обкушавшись славянами, и обрекла бы себя на распаденіе при первомъ неминуемомъ столкновеніи Англіи съ Германіей; этимъ открылась бы возможность осуществленія великосербской идеи. Въ такой извнѣ безопасный періодъ и могли бы совершиться перемѣны къ лучшему въ Россіи въ предѣлахъ энергичной эволюціи государственнаго аппарата, если это

силъ и по врагамъ и по собственному монархическому принципу. Въ образованную трещину не трудно было свалить монарха, но туда-же провалился и весь слой, созданный монаршей властью Петра Великаго и сдѣянный съ прежнимъ режимомъ болѣе, чѣмъ съ народомъ, какъ то недвусмысленно показали послѣдствія событій. Во время войны, предвидя возможность близкой перемѣны, Сазоновъ откровенно дѣлится своими мыслями съ англійскимъ посломъ въ Петербургѣ Бьюкененомъ, который не менѣе сочувствовалъ измѣненію

подсказывалось бы необходимою. Выраженіе, что теперь разсуждать легко, не выдерживаетъ въ этихъ 2-хъ вопросахъ критики. Всеобщая война не могла предохранить Сербію, окруженную противникомъ, отъ бѣды — это было и тогда абсурдомъ. Что же касается расшатыванія власти, то съвѣдой до конца къ своей роли Сазоновъ, замъ ищетъ съ поразительною откровенностью: Пока я пишу эти строки, передо мной встаетъ величавый въ своей силѣ и простотѣ образъ Столыпина и мнѣ припоминаются неоднократно слышанныя отъ него слова: для успѣха русской революціи необходима война, безъ нея она безуспѣшна (см. стр. 282 его «Воспоминаній»). Его пылкая натура не удерживается памятью объ этихъ словахъ. Мы читаемъ, какъ онъ обращался постоянно на своихъ докладахъ Государю къ неизбежной замѣнѣ министровъ, сперва 4-хъ, а потомъ онъ является инициаторомъ собранія 21-го августа 1916 года (стр. 364), на которомъ министры не только рѣшаютъ обратиться къ Царю съ разумной просьбой оставить на мѣстѣ главнокомандующаго, но и одновременно требуютъ смѣны главы правительства, что имѣетъ послѣдствіемъ увольненіе еще 6-ти министровъ. Итакъ, памятуя слова Столыпина, онъ, несмотря «на господствующее вездѣ миролюбіе» (стр. 238), допускаетъ вопышку войны подъ предлогомъ спасенія Сербіи, которую этимъ под-

опасной структуры дружественно надвигающегося ледника. Английский генералъ Вотерсъ въ своей поучительной для русскихъ объемистой книгѣ «Секретно и конфиденціально» описываетъ свое поѣщеніе ставки въ 1916 году. Императоръ Николай II за обѣдомъ упомянулъ о данной имъ Сазонову отставкѣ: это обратило на себя вниманіе Вотерса, такъ какъ по официальной версіи причина ухода Сазонова была другая. Послѣ обѣда Императоръ, пригласивъ Вотерса въ свой кабинетъ и оставшись съ нимъ вдвоемъ, вновь упомянулъ о Сазоновѣ, и сказалъ примѣрно (текста нѣтъ подѣ рукой): «Эти люди полагають, что могли-бы лучше меня управлять Россіей, но они забываютъ, что волна унесетъ и ихъ, а въ странѣ наступитъ хаосъ». Когда послѣ желаннаго, но нѣсколько рано наступившаго переворота, упомянутая Императоромъ

вергаетъ максимуму несчастій, и одновременно участвуетъ въ «созданіи» атмосферы въ Совѣтѣ Министровъ, которая стала невыносимой.» «Раздоры среди правительства не могли укрыться отъ общественнаго мнѣнія и обалтѣ власти стало стремительно падать». «Обаяніе, безъ котораго не можетъ держаться никакая государственная организація (стр. 252)».

Роль Сазонова въ мировыхъ несчастіяхъ пока не дооцѣнена; по мѣрѣ того, что будутъ забыты имена Вивіани, Грей, Бертольда, Бетманъ Гольвега, все ярче выдѣлится имя Сазонова.

Въ отношеніи внутренняго положенія Россіи, онъ уподобился человеку, почувавшему подозрительный запахъ дыма и разбившему, для удушшенія воздуха, окна, чѣмъ и далъ пожару разгорѣться. Въ описываемый нами теперь періодъ, онъ мѣшаетъ попыткамъ спасти остатки имущества послѣ пожара, требуя его обратно лишь въ цѣльномъ видѣ, несмотря на то, что передъ нимъ лежать огарки.

волна унесла Сазонова въ 1919 году въ Парижъ, англичане иначе распредѣлили карту Европы, чѣмъ еще объ этомъ ихъ предупредить; они считались лишь съ этой волной и Сазонова къ участию въ мирной конференціи не допустили.

Опасность, предусмотрѣнная лордомъ Биконсфильдомъ, была устранена.

Мы и въ этотъ періодъ еще устанавливаемъ непоколебимую вѣру Сазонова въ благодарность Англійи за всѣ оказанныя имъ этой странѣ услуги. Онъ на основаніи любви, но не логики, рассчитывалъ на то, что во имя этого чувства, она въ 1919 году вновь создастъ сама ледникъ, надъ разрушеніемъ котораго она съ такимъ страхомъ, и съ такой неустанной энергіей работала цѣлое столѣтіе. Мы упомянемъ и о заслугахъ Сазонова по отношенію къ Польнѣ, о его искренней любви и къ ней. Возрожденіе этой страны несомнѣнно должно вызвать всеобщее сочувствіе. Она многое годы замѣняла Франціи прежнюю союзницу Россію. Въ 1920 году вопросъ о цѣлесообразности или вредѣ дальнѣйшей поддержки бѣлаго движенія былъ рѣшенъ безъ затрудненія: возрожденіе бѣлой Россіи могло грозить безопасности и независимости новой союзницы.

Мы привели тутъ факты, относящіеся къ бѣлому движенію; но и вся прочая дѣятельность Сазонова показываетъ его намъ какъ горячаго патріота, не допускающаго мысли объ умаленіи Россіи. Онъ, былъ полонъ благородныхъ чувствъ любви, дружбы, вѣрности, постоянства. Будучи въ изгнаніи, онъ продолжаетъ неизмѣнно прежнюю великодержавную

политику, такъ какъ онъ, самъ не теряя въ мощь Россіи, съ близкимъ возрожденіемъ которой не могли по его убѣжденію не считаться иностранныя державы и инородцы. Будучи самъ искреннимъ человѣкомъ и неподдѣльнымъ другомъ, онъ предполагалъ не только такую-же искренность прежнихъ друзей къ себѣ, но и переносилъ эти ихъ чувства налицетворенную имъ и стоящую за нимъ страну. Итакъ Сазоновъ, оставшись одинъ въ прошломъ, когда весь міръ успѣлъ далеко пойти впередъ, стоитъ лично внѣ всякихъ упрековъ. Однако его добродѣтели относятся къ этикъ отдѣльнаго человѣка. Жизнь-же народовъ, какъ единицъ высшаго разряда, управляется иными законами и другой моралью.

Ясно одно, что руководить судьбами народовъ можно лишь отрекшись отъ личныхъ человѣческихъ чувствъ.

Даже такой по некомпетентной людской оцѣнкѣ виртуозъ играть на струнахъ народной души какъ Наполеонъ I, потерпѣлъ окончательную неудачу: онъ натянулъ на ряду съ народными и индивидуальнo-человѣческую струну любви къ своимъ сыну, женѣ и роду. Въ мартѣ 1814 года, Наполеонъ написалъ любовную записку Маріи Луизѣ изъ Барсюроба, которая была перехвачена казаками, узнавшими изъ нея, что дорога изъ Парижа была свободна. На основаніи этого Блюхеръ могъ соединиться съ Шварценбергомъ и обезпечить побѣду коалиціи.

Зависимость крушенія отъ неожиданной лирики Наполеона подмѣтилъ и Эмиль Людвигъ.

Кромѣ того Наполеонъ далъ безбожно фальшивить рядомъ съ собой Талейрану

Если желѣзный Бонапартъ оказался слишкомъ «человѣкомъ», чтобы быть идеальнымъ руководителемъ народа, можно ли упрекать мягкаго и страстнаго Сазонова? Могъ ли онъ уѣзривать въ теорію Наполеона, «что людьми двигаетъ лишь два основныхъ фактора: страхъ и эгоизмъ». Это предохранило бы бѣлыхъ отъ многихъ бѣдъ.

Возвращаясь къ положенію, уже ясно обозначившемуся въ концѣ іюля 1919 года, мы устанавливаемъ, что Щербачевъ встрѣтился въ Сазоновѣ непреодолимое препятствіе не только къ смыслѣ оказанія помощи Сѣверо-Западной арміи, но и для ея спасенія посредствомъ перевозкѣ ея на югъ. Такъ какъ Сазоновъ считалъ, что Англія непременно окажетъ своевременно помощь и введетъ въ дѣло свой флотъ, то объ увозѣ бѣлыхъ на другой театръ не могло быть рѣчи.

Дальше произошло то, что не могло не произойти.

Интересно отмѣтить, что англійское правительство отправило значительный грузъ, какъ только Юденичъ одержалъ успѣхъ. Этотъ грузъ прибылъ, когда Сѣверо-Западной арміи уже не существовало. На мгновеніе всталъ призракъ «ледника», съ которымъ осторожность подсказывала считаться. Столь же неожиданна была перемѣна взгляда Сазонова на независимость Финляндіи, когда стало извѣстно, что Сѣверо-Западная армія разбита и отступаетъ. Онъ обратился къ финляндскому правительству за помощью «на прежнихъ основаніяхъ». Но уже никто его не сталъ слушать.

Постарасямы разсмотрѣть объективно обстановку въ Прибалтикѣ въ 1919 году, такъ какъ свѣдѣнія о ней до насъ зачастую доходили, отразившись въ кривомъ зеркалѣ узко-націоналистической оцѣнки того или иного лагеря.

На небольшомъ пространствѣ прежнихъ трехъ балтійскихъ губерній въ 1918 и 1919 г.г. бушевали страсти людей разныхъ національностей или толковъ. Лишь одно мнѣніе, а именно для перваго шага противъ большевиковъ, они дѣйствовали совмѣстно, а потомъ они преслѣдовали лишь свои частныя цѣли.

Распредѣлив ихъ по значенію и силѣ, мы составимъ для наглядности нижеслѣдующую таблицу, основываясь на числѣ морскихъ и сухопутныхъ орудій. Мы предоставляемъ читателю переводить нумерацію согласно его симпатіямъ, если оцѣнитъ свой личный коэффиціентъ.

1. Англія со своимъ могучимъ флотомъ въ Балтійскомъ морѣ.

2. Графъ Ф. Д. Гольцъ съ 28.000-ымъ прекрасно вооруженнымъ германскимъ войскомъ (по другимъ даннымъ 42.000) на границѣ Прибалтики. Въ составъ его войскъ входила желѣзная дивизія, 6-ой рез. к-съ.

3. Франція со своимъ политическимъ вѣсомъ, своими представителями и флотомъ.

4. Армія Эстонской республики (примѣрно 25.000).

5. Бѣлые русскіе отряды: А) Корпусъ Родзянки (10-12.000 ч.) на Нарвскомъ направленіи (имъ до него командовалъ генералъ Вандамъ, потомъ полк. Нефъ и Дорожниковій), Б) отрядъ разбойника Булакъ-Балаховича, потомъ поступившаго на эстонскую службу въ районѣ Пскова, В) «Корпусъ графа Келлера» подъ начальствомъ князя Ливена въ Латвіи; послѣдній состоялъ изъ 3-хъ отрядовъ: а) отряда, составленнаго лично княземъ Ливеномъ, сначала лишь 400 чел., потомъ 3.000 чел., б) отряда Бермонта, в) отряда Вырголица. Оба послѣднихъ были сформированы по соглашенію съ союзниками, изъ русскихъ воепно-плѣнныхъ, набранныхъ въ германскихъ лагеряхъ. Численность ихъ мѣнялась, такъ какъ въ эти отряды стали поступать потомъ нѣ-

мецкіе солдаты. У Бермонта была дивизія пластуновъ, въ косяй одинъ полкъ имѣлъ численность въ 1.000 чел., другой въ 200 чел., въ прочихъ двухъ полкахъ были лишь кадры. Численность корпуса Родзинко такъ же сильно колебалась (см. стр. 123).

6. Національная латышская армія, возникшая сначала въ районѣ, занятомъ эстонцами.

7. Балтійскій ландесверъ изъ элементовъ мѣстнаго балтійскаго меньшинства (2-3.000 чел.). (Съ ними работаетъ временно латышскій полкъ Вѣлудиса въ 2.000 чел.).

8. Германское социалистическое правительство въ Берлинѣ.

Бывшіе въ походѣ на Петербургъ будутъ удивлены увидѣть себя лично на 5-мъ мѣстѣ.

Каждый изъ этихъ 8 участниковъ имѣлъ свою определенную цѣль; отчего они соединились въ группы, станетъ понятно, когда ознакомится съ ихъ задачами.

1. Англія желала обезпечить свое положеніе въ Балтійскомъ морѣ, а для этого создать дружественныя ей, независимыя отъ постороннихъ вліяній, республики. Она не могла допустить усиленія Россіи и вліянія Германіи.

2. Графъ ф.-д. Гольцъ стремился къ созданію самостоятельнаго, независимаго отъ Берлина плацдарма, на которомъ онъ хотѣлъ сосредоточить все, что осталось отъ прежней германской арміи на востокѣ и гдѣ могли бы собраться враги социалистическаго германскаго центрального правительства, а также всѣ германскіе пѣмцы, желающіе колонизовать западную Россію, Прибалтику включительно. (Въ этомъ вопросѣ 11 января 1919 г. состоялось соглашеніе между латвійскимъ правительствомъ и нѣмецкимъ совѣтомъ солдатскихъ депутатовъ 8-ой герм. арміи, въ результатъ котораго и была создана желѣзная дивизія Бшшофа).

3. Франція желала уничтожить графа ф.-д. Гольца и всекое нѣмецкое вліяніе въ Прибалтикѣ.

4 и 6. Національныя арміи Эстоніи и Латвіи, усилившія къ іюлю 1919 года отбѣснить большевиковъ за этнографическіе предѣлы своихъ странъ, стремились къ освобожденію отъ чужеземцевъ и вліянія балтійскаго меньшинства.

5. Русскія добровольческія части хотѣли постѣ побѣды надъ большевиками, вернуть Россіи ея прежнее положеніе. Эти стремленія были въ явномъ противорѣчіи съ цѣлями эстонскихъ и латышскихъ войскъ и съ тѣми задачами, къ осуществленію которыхъ въ этомъ районѣ стремилась Англія.

7. Балтійскій ландесверъ, взявшій вмѣстѣ съ русскими добровольческими отрядами князя Ливена 22 мая 1919 г. Ригу (попавшую 3 января 1919 г. въ руки большевиковъ, несмотря на присутствіе англ. флота адм. Сеймура), боролся за узко-мѣстные интересы: онъ поддерживалъ буржуазное Латвійское правительство Нѣдры, стремился обезпечить страну отъ мѣстныхъ и русскихъ большевиковъ, то-есть боролся за такое положеніе, при которомъ балтійское меньшинство принимало бы участіе въ управленіи страной и сохранило бы земельную собственность. Графъ ф.-д. Гольцъ въ своей книгѣ «Meine Sendung in Finland und im Baltikum» категорически отмежевывается отъ балтійцевъ, указывая на то, что онъ никогда не велъ «баронской политики»; онъ это высказывалъ и въ Рейхстагѣ.

8. Германское правительство и Рейхстагъ боролись противъ графа ф.-д. Гольца, видя въ немъ такую же для себя угрозу, какую Совѣтское правительство видѣло въ арміяхъ Деникина и Колчака. Одновременно оно дѣйствовало и противъ балтійскаго меньшинства, какъ своихъ социальныхъ враговъ. Президентъ Германскаго Рейхстага Лебе, будучи впослѣдствіи въ Ревелѣ, подчеркнул на обѣдѣ это отношеніе къ балтійцамъ, поздравивъ Эстонское правительство съ націонализацией земель меньшинства и заявивъ, что Германия слѣдовало бы у себя послѣдовать его примѣру.

Англія, Франція, войска вновь созданныхъ республикъ и центральное Германское правительство могли временно идти вмѣстѣ, но графъ ф.-д. Гольцъ никакъ не могъ согласовать своихъ дѣйствій съ ними, а посему, послѣ отхода изъ края большевиковъ, главнымъ врагомъ первой группы сталъ онъ.

Если столь опредѣленно обозначилась противоположность цѣлей главныхъ участниковъ, то совсѣмъ иначе обстояло дѣло съ игравшими второстепенное значеніе отрядами русскихъ и балтійцевъ. Какъ тѣ и такъ и другіе зависѣли въ Латвіи

отъ графа ф.-д. Гольца. Согласно докладной записки курьера (см. стр. 122), русскіе чины, напримѣръ, получали отъ пфмцевъ жалованіе на 10 дней впередъ и имѣли даже послышанъ на себѣ запасъ патроновъ, то есть ничего не могли дѣлать самостоятельно. Въ Эстоніи въ значительную зависимость отъ англичанъ и отчасти эстонцевъ пошла самъ Юденичъ и корпусъ Родзинко. Какъ англичане, такъ и пфмцы использовали эти отряды для своихъ цѣлей. Англичане желали уничтожить всякое постороннее вліяніе и потому были заинтересованы въ томъ, чтобы Северо-Западная армія, очистивъ Эстонію отъ большевиковъ, сама послѣ этого исчезла. Графъ ф.-д. Гольцъ, напротивъ, желалъ продвигаться все болѣе на востокъ, вопреки берлинскому правительству, прикрывая свои цѣли, участвуя въ междоусобной борьбѣ бѣлыхъ и красныхъ.

Англичане, эстонцы и часть русскихъ и балтійцевъ съ одной стороны, Латвійское правительство Нбдры, — другая часть русскихъ, балтійцевъ и пфмцевъ графа ф.-д. Гольца, съ другой, преслѣдуя большевиковъ, первые съ сѣвера на югъ, вторые съ юга на сѣверъ, легко могли встрѣтиться другъ съ другомъ. Дѣйствительно, часть эстонской арміи, перейдя черезъ этнографическія границы въ направленіи на югъ, стала на латвійскую территорію. Къ ней присоединилась латвійскія національныя войска, т.-е. противники правительства Нбдры. Нбдра, съ своей стороны, въ тому-же времени выдвинулъ пфмецкій отрядъ, въ составъ котораго входилъ и балтійскій ландесверъ. Князь Ливенъ, предугадывая недоброе, приказалъ капитану Бодыреву не участвовать въ этомъ движеніи. Представители союзниковъ, прибывшіе на мѣсто перваго столкновенія, постановили, что эстонская армія должна вернуться въ предѣлы Эстоніи. Съ этимъ же согласилась латвійскіе военные начальники, входившіе въ составъ арміи Эстоніи, и началось наступленіе на отрядъ Нбдры.

Такъ какъ балтійцамъ не было расчета драться противъ эстонцевъ и латышей, съ которыми надо было жить вмѣстѣ и въ будущемъ, то имъ было заявлено, что противъ нихъ дѣйствуютъ эстонскіе и латвійскіе большевики. 22 июля 1919 года въ битвѣ подъ Венденомъ войска Нбдры были разбиты и латвійскіе націоналисты, во главѣ съ Ульманисомъ образовали новое

правительство въ Ригѣ. Такимъ образомъ первымъ въ клещи попалъ ландесверъ, похоронивъ вмѣстѣ съ собою при велигигированное положеніе балтійскаго меньшинства⁽²⁰⁾.

Вторыми, при сложившейся обстановкѣ, должны были погибнуть бѣлые отряды русскихъ, случайно набывавшіе гибели въ первомъ столкновеніи. На сѣверѣ они попали между линій большевиковъ и Эстоніи, а на югѣ они были раздавлены въ борьбѣ англійскаго и французскаго отрядовъ и латышей съ одной стороны, и нѣмцевъ—съ другой. И тѣ и другіе погибли безъ остатка. Произошло это такъ: ген. Юденичъ, назначенный Колчакомъ 5 іюля командующимъ Сѣверо-Западной арміей, прибылъ для непосредственнаго командованія арміей въ Ревель въ концѣ іюля. Начальникъ особой британской военной миссіи, бывший командующій англійской 5-ой арміей генераль Гобъ и его помощникъ генераль Марчъ, взявше въ свои руки общее руководство всеми дѣйствіями въ Прибалтикѣ, послѣдовали за нимъ въ концѣ іюля. Каровы были даны имъ инструкціи, мы не знаемъ, но, судя по ихъ дѣятельности, они пользовались самостоятельностью въ выборѣ средствъ. Юденичъ былъ лишенъ возможности что-либо дѣлать по своему усмотрѣнію и долженъ былъ исполнять ихъ указанія. Сѣверо-Западная армія жила и умерала по желанію генераловъ Гоба и Мэрча. Послѣдній собралъ русскихъ общественныхъ дѣятелей и приказалъ 10 августа 1919 года въ 40 минутъ, безъ участія Юденича составить Сѣверо-Западное русское правительство, отъ котораго потребовалъ официальнаго признанія независимости Эстоніи, въ чемъ Сазоновъ въ Парижѣ, какъ извѣстно, отказалъ: «если прибавить ген. Мэрчъ, правительство не будетъ образована къ 7 часамъ, то всякая помощь со стороны союзниковъ будетъ сейчасъ-же прекращена» (см. мемуары Карташова, Кузьмина-Каравяева и Суворова). Это было исполнено. Во главѣ правительства сталъ Мнанозовъ. Юденичъ, съ своей стороны, призналъ независимость Эстоніи. Формально первая задача англичанъ была рѣшена. Оставалось удаленіе Сѣверо-Запад-

(20) Этотъ бой, отчасти, послужилъ потому оправданіемъ къ отчужденію у меньшинства всей земельной собственности.

ной арміи. Въ отношеніи корпуса Родзянки это было простымъ дѣломъ, но ликвидировать отряды въ Латвіи казалось болѣе сложнымъ; кромѣ того, послѣдніе могли, согласно плану Юденича, двигаясь съ флангового своего положенія на Вологочу, перерѣзать сообщеніе съ Москвой и выйти въ тылъ Петербургу; несмотря на свою малочисленность, они могли-бы произвести панику и этимъ вызвать случайное паденіе совѣтскаго правительства. Ген. Гофъ приказалъ черезъ Юденича корпусу кн. Ливена съѣхать въ Либавѣ на суда и перерѣзать моремъ въ Гунгербургъ, гдѣ участвовать въ движеніи Родзянки въ лобъ на Петербургъ (см. «Записки» начальника отряда кн. Ливена).

Это былъ смертный приговоръ всей операціи: послѣдній шансъ, послѣдній, хотя уже и безъ того слабый, надежда на удачу одиѣми своими силами, этимъ уничтожалась.

Этимъ приказомъ, исходящимъ отъ ген. Гофа (21), не преминули воспользоваться нѣмцы. Они указали русскимъ представителямъ въ Берлинѣ и въ Митавѣ и русскимъ войскамъ въ Латвіи на намѣреніе Гофа ихъ погубить. По слухамъ сенаторы Туканъ-Варановскій, Вельгардъ, Римскій-Корсаковъ, а можетъ быть и другіе русскіе дѣятели поручили сенатору Нейдгарду поѣхать въ Ревель и уговорить Юденича вырваться изъ-подъ вліянія Гофа и остерегаться эстонцевъ. Аэропланъ Нейдгарда спустился въ расположеніе эстонской арміи. Документы попали въ руки эстонскаго правительства. Нейдгардъ былъ арестованъ. У эстонцевъ могло явиться опасеніе, что Юденичъ устранитъ Гофа и нападетъ на нихъ. Отъ подобныхъ неосуществимыхъ насильственныхъ мѣръ и намѣреній никто не былъ дальше уравновѣшеннаго Юденича, однако, уже раньше крайне натянутыя отношенія между нимъ и республикой не могли отъ этого выиграть. Нельзя было расчи-

(21) Утвержденіе нѣкоторыхъ изъ военныхъ, что Юденичъ самъ отъ себя отдалъ это распоряженіе въ виду того, что латвийцы будто не пропустили корпуса графа Келлера къ Сѣверо-восточной границѣ, опровергается записками кн. Ливена и протоколомъ, подписаннымъ латвійскимъ представителемъ полк. Калынинимъ (см. стр. 121), гдѣ участокъ Вермонту назначенъ еще 20-го августа отъ Двинска на Великія Луки.

тивать на довѣріе эстонцевъ къ обѣщаніямъ Юденича и Лянозова, такъ какъ всѣмъ было извѣстно отношеніе Сазонова и политическаго совѣщанія въ Парижѣ къ Финляндіи.

Между тѣмъ, уже 20 іюля та часть корпуса графа Келлера, которая была въ свое время сформирована самимъ княземъ Ливеномъ, а именно 2.000 штыковъ была перевезена изъ Либавы въ Ревель и Гунгербургъ. Бермонтъ-же, съ подчиненнымъ ему Выголичемъ, отказался исполнить приказаніе, заявляя, что англичане «измѣнники».

Маршъ 26 августа собралъ начальниковъ всѣхъ анти-советскихъ отрядовъ въ Ригѣ, гдѣ и былъ составленъ нижеслѣдующій «протоколъ». Судить о томъ, насколько это было серьезно, внѣ нашей компетенціи. Приводимъ его лишь потому, что въ немъ точно обозначены районы дѣйствій тогдашнихъ враговъ советской республики:

Подписи:	Фронтъ:	Участки фронта:
Ген. К. М. Лайдонеръ	Эстонскій	Отъ побережья до жел. доп. Ямбургъ-Гатчина включительно.
Ген. Десино	Русскій	Отъ желѣзной дороги до р. Великой.
Ген. Лайдонеръ	Эстонскій	Отъ р. Великой до сѣверн. берега Лубанскаго озера.
Полк. Кальницъ	Латвійскій	Отъ Лубанскаго до Болтиновскаго озера включительно (задача — оборона восточной границы Латвіи).
Полк. Бермонтъ	Русскій	Задача отъ Двинска продвинуться на Великія Луки.
Полк. Бенъишевичъ	Литовскій	Отъ Балтиновскаго озера до пункта въ 35 км. юго-западнѣе Двинска (задача — оборона восточной границы Литвы).
—Кавит. Мысловскій	Польскій	Отъ литовцевъ къ Востоку.

Завѣрилъ: І. Г. Марчъ, бригадный генералъ.

Рига, 26 августа 1919 г.

Черезъ 4 дня Юденичъ прѣхалъ въ Ригу и пригласилъ къ себѣ Бермонта, который не явился.

15 ноября курьеръ послалъ Щербачеву донесеніе, которое, дополнивъ этотъ «протоколъ» — дать вмѣстѣ съ тѣмъ общую картину положенія:

Докладная записка 15 ноября 1919 года.

Изъ 4-хъ продолжительныхъ бесѣдъ съ генераломъ Юденичемъ я узналъ нижеслѣдующее:

Общее положеніе на фронтѣ, несмотря на недавнія неудачи и потери Ямбурга (теперь взятаго, по слухамъ, обратно) и Пскова, надо считать удовлетворительнымъ. Русскія части, хотя и малочисленныя — на фронтѣ не болѣе 14.000 штыковъ и сабель (сюда входитъ и перевезенный изъ Латвіи отрядъ князя Ливена въ 2.000 штыковъ) — настроены бодро. Эстонскія войска, коихъ оказывается всего 25.000 штыковъ, по мнѣнію командующаго Эстонской арміей Лайдонера, нуждаются въ активнѣйшихъ дѣйствіяхъ, такъ какъ стали занимать политичкой и духъ въ нихъ за послѣднее время изменился къ худшему. При содѣйствіи финляндіи генералъ Юденичъ считаетъ, что операція противъ Петрограда уцѣлится успѣхомъ, такъ какъ 7 финскихъ дивизій при 250 орудіяхъ и 20 танкахъ должны рѣшить дѣло. Генералъ Юденичъ полагаетъ, что, при умѣлой политикѣ, Финляндія приметъ участіе въ операціи противъ Петрограда, при этомъ ставитъ ея рѣшеніе въ зависимость отъ германскихъ вліяній. На югѣ въ Ливоніи стоятъ два отряда: Бермонта и Вяземска (первый именуется себя княземъ Аваловымъ) въ 3.000 штыковъ, которые на бумагѣ признаютъ генерала Юденича, но на дѣлѣ его приказаній не исполняютъ. Эти части получаютъ отъ вѣнца въ 10 дней жалованіе впередъ и носимый запасъ патроновъ, такъ что безъ ихъ содѣйствія не могутъ просуществовать и самаго короткаго времени, и самостоятельныхъ дѣйствій не въ состояніи предпринимать. Дѣлѣ на югѣ въ Курляндіи 41.000 хорошо обученныхъ германскихъ частей, которыя, по мнѣнію генерала Юденича не собираются уйти: объ ихъ дальнѣйшихъ планахъ ему не извѣстно. По свѣдѣніямъ, генералъ Вискупскій, выдвигаемый сенаторомъ Бельгардомъ и

Римскимъ-Корсаковымъ. предлагаетъ объединить группы Вермонта и Вырголича — но согласится ли послѣдніе на это объединеніе, генералу Юденичу казалось сомнительнымъ.

ОРГАНИЗАЦІЯ. Военныя силы объединяются въ рукахъ главнокомандующаго, который пытается быть самостоятельнымъ, но въ сущности англичане входятъ во все, даже въ назначенія офицеровъ на старшія должности. Ему подчиняется Командующіей арміей генераль Родзянко со своимъ штабомъ—а послѣднему два штаба корпуса: 1 графа Палена и 2: Арсеньева. Такимъ образомъ два штаба корпуса имѣютъ надъ собой два штаба старшихъ начальниковъ, что является причиной самыхъ непроизводительныхъ треній и несомнѣннымъ зломъ, чреватымъ послѣдствіями. При своеобразномъ характерѣ командующихъ лицъ это особенно недопустимое явленіе. (Бывшій командиръ II корпуса Булакъ-Балаховичъ, какъ видно изъ прилагаемаго приказа, убѣждалъ къ востонцамъ).

ОФИЦЕРСКІЙ СОСТАВЪ. Офицерскій составъ слишкомъ малочислененъ. Въ особенности чувствуется нужда въ офицерахъ генеральнаго штаба. Генераль Юденичъ желалъ бы получить 1200—1500 человекъ офицеровъ и нѣсколько начальниковъ штабовъ дивизіи и офицеровъ генеральнаго штаба въ штабы корпусовъ и арміи (10 человекъ).

НИЖНИЕ ЧИНЫ. Почти все солдаты вербованы изъ занятыхъ мѣстностей, которые въ случаѣ отхода, для защиты своихъ семей расходятся по домамъ. Этимъ объясняются большія потери при послѣднихъ отступленіяхъ: 3000 подъ Либургомъ и 2000 подъ Псковомъ. Добровольцевъ нигдѣ почти нѣтъ.

Артиллерія. Армія имѣетъ лишь 16 полевыхъ орудій и 16 гаубиць, новыхъ англійскихъ, которыя могутъ

считаться вполне годными въ дѣйствіяхъ. Всѣ прочія орудія (около 60) или разстрѣляны, или же стараго типа (взятыя у большевиковъ). Англичане прислали 10.000 ружей.

ТАНКИ. Англичане прислали 4 танка; но при разгрузкѣ пулеметныхъ лентъ не оказалось, по слухамъ въ ящикахъ были гвозди; такимъ образомъ, они до сего времени стоятъ въ бездѣйствіи такъ какъ ленты заказаны генераломъ Юденичемъ на заводѣ, пока не готовы. Танки имѣютъ по одному орудію и 5 пулеметовъ.

АЭРОПЛАНЫ. Англичане прислали 6 аэроплановъ; но комитетъ отказалась ихъ принять, такъ какъ моторы оказались старые и пробные полеты были невозможны.

ПАТРОНЫ. Палачо 10.000 3-дюймовыхъ патроновъ и 10.000 английскихъ. Насколько я понимаю, ожидается еще 34.000 первыхъ и 65.000 вторыхъ.

ОБМУНЦИПРОВАНИЕ въ плохомъ состояніи. Англичане прислали 10.000 ботинокъ, но гѣтъ ни бѣлья ни платки, и отсутствіе шинелей и теплой одежды на зиму очень безпокоитъ генерала Юденича.

ПРОДОВОЛЬСТВЕННЕ обставлено сейчасъ сносно. Американцы привезли хлѣбъ, сало, бобы. Картофель покупается у населенія. Пакетъ: 2 фунта хлѣба, $\frac{1}{2}$ фунта сала. Офицеры получаютъ то же. Необходимо консервы, приправы, мыло, табакъ. На армію хватило-бы хлѣба на 4 мѣсяца, но нужно кормить населеніе.

ДЕНЬГИ. Въ первый разъ были получены, въ маѣ 1 милліонъ рублей, въ іюлѣ 1 милліонъ франковъ, потомъ 150.100 фунтовъ и наконецъ 850 000 фунтовъ переведены адм. Колчакомъ въ Лон-

донъ — но тутъ какая-то задержка. Теперь предполагаютъ въ Копенгагенѣ печатать съ разрѣшенія адмирала Колчака 300 милліоновъ рублей сейчасъ и 500 милліоновъ позже. Условія въ прилагаемой газетѣ.

САНИТАРНЫЯ УСЛОВІЯ очень плохи. Цынга со смертными случаями. Сыпнымъ тифомъ заболѣваютъ даже офицеры. Статистическихъ данныхъ невозможно было достать, такъ какъ это дѣло сильно хромаетъ. Медикаментовъ нѣтъ.

НАСТРОЕНИЕ. По мнѣнію ген. Юденича, послѣднія неудачи не подорвали духа въ русскихъ частяхъ, но неприбытіе или недостатокъ военныхъ припасовъ подорвали довѣріе къ англичанамъ и несомнѣнно вліяютъ на сдвигъ офицерскихъ и солдатскихъ массъ въ сторону нѣмцевъ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА крайне сложная. Новое русское правительство находится въ чужой странѣ; такъ какъ полоса Петроградской губернии подвержена слишкомъ большой опасности, то оно расположилось въ Ревелѣ, что конечно вызываетъ насмѣшки со стороны эстонцевъ. Ланозовъ сказалъ мнѣ, что онъ увѣренъ, что при неудачѣ и отходѣ за рѣку Нарову эстонцы обезоружатъ русскія части. Эстонцы издали указъ о выселеніи 7.000 русскихъ за предѣлы Эстоніи. Рабочая масса требуетъ смѣщенія правительства, прекращенія военныхъ дѣйствій, введенія націонализаціи на всякое имущество и соглашенія съ большевиками Россіи. Благодаря мѣрамъ самосохраненія теперешняго правительства, возможность переворота считается отложенной не менѣе какъ на 1—2 мѣсяца.

АНГЛИЧАНЕ. Личный составъ англійскихъ частей не значителенъ. Кромѣ лицъ, состоящихъ въ комиссіи и при генералѣ Юденичѣ, всего 12 англійскихъ

офицеровъ и 20 нижнихъ чиновъ при танкахъ. Генераль Юденичъ съ симпатіей говоритъ о генералѣ Гоффъ, но жаловался на м. Мэрчъ. Вообще-же считаетъ, что мало помощи, но много совѣтовъ. Объ американцахъ генераль Юденичъ выражался съ восторгомъ, считая ихъ помощь главнымъ факторомъ созданія и сохраненія арміи.

ОРИЕНТИРОВКА. Свѣдѣнія о дѣйствіяхъ на другихъ фронтахъ поступаютъ довольно регулярно. Но связи съ югомъ Прибалтики совершенно прѣтъ, такъ что въ Ревель неизвѣстно, что дѣлается въ Ригѣ, и масса ложныхъ извѣстій поступаетъ изъ Германии, въ которой намѣренно или по недостатку связи поступаетъ много ложныхъ свѣдѣній.

ЛИЧНОЕ ВПЕЧАТЛѢНІЕ. По моему мнѣнію, армія загромождена слишкомъ большимъ числомъ штабовъ, а страна массой учрежденій съ громкими названіями и большимъ числомъ служащихъ. Нужна была-бы одна твердая рука, но ей несомнѣнно прѣтъ, и нѣсколько лицъ съ военно-административными функциями. Думаю, что въ будущемъ успѣхъ будетъ обусловленъ главнымъ образомъ положеніемъ и развитиемъ Совденія. Предвижу столкновение интересовъ на національной почвѣ. Если не будетъ военныхъ дѣйствій, отвлекающихъ вниманіе эстонскихъ солдатъ, думаю, что поворотъ еще болѣе влѣво неизбеженъ. Если Англія прекратитъ свою военную, а Америка свою матеріальную помощь, катастрофа неизбежна.

Тѣмъ временемъ гр. Ф. Д. Гольцъ былъ по настоянію агитаты берлинскимъ влаждебнымъ ему социалистическимъ правительствомъ не безъ труда удаленъ, и германскія войска расформированы. Уволенные нѣмцы подъ видомъ добровольцевъ вступали въ отряды Вермонта, у котораго образовались значительныя силы съ мощной артиллеріей. Его поведение нѣ-

отношеніи Латвіи стало агрессивнымъ. Онъ послалъ Латвійскому правительству ультимативное требованіе пропустить его черезъ Ригу для выхода на фронтъ съ большевиками и двинулся 8 октября на Ригу.

Юденичъ 11 октября объявилъ Бермонта измѣнникомъ, надѣясь успокоить этимъ эстонское общественное мнѣніе. Латышамъ же онъ съ этой-же цѣлью передалъ 4 орудія. Английскій и французскій флоты сосредоточились въ Рижскомъ заливѣ. Кончилось тѣмъ, что адмиралъ Брюсонъ, освѣдомленный о положеніи начальникомъ французской военной миссії, полковникомъ Дю-Паркэ, приказалъ флоту открыть огонь. Въ Усть-Двинскѣ пострадали отъ него пластуны и отступили. Въ тылу у Бермонта распоряженіемъ союзниковъ былъ преранъ подвозъ. Бермонтъ послѣ бомбардировки Риги отступилъ, преслѣдуемый латышами. Этимъ закончила свое существованіе южнаго группа «корпуса гр. Келлера», смѣшанная съ германскими солдатами. Обстоятельства гибели русскихъ весьма схожи съ обстановкой, которая вѣшила участь мѣстнаго ландсвера 22 — 24-го іюля того же года.

Мы поставили берлинское правительство и рейхстагъ на 8 мѣсто по силѣ и значенію. Но и ничтожныя причины могутъ имѣть крупныя послѣдствія. Если-бы Берлинъ не взялся столь энергично за разстройство плановъ и за удаленіе гр. ф.-д. Гольца, послѣдній могъ бы легко создать обстановку, значеніе и послѣдствія коей трудно учесть. Опасность эта для видовъ Англии и Франціи казалась во всякомъ случаѣ реальной. Русскіе тутъ погибли въ качествѣ „Quantite négligeable". Гольцъ впоследствии оправдывалъ уходъ англійскаго флота изъ-подъ Петербурга необходимостью спасать положеніе у Риги и Либавы.

Какъ уже было описано, положеніе Юденича стало настолько сложнымъ, и ежедневныя потери его, по разнымъ причинамъ, настолько велики, что онъ, не будучи готовъ къ походу, двинулся въ общее наступленіе 11 октября.

Эстонская армія, отбѣснивъ большевиковъ, остановилась частью сзади, а частью занявъ границу Эстоніи и Латвіи. Лишь находившіеся въ составѣ этой арміи Балтійскій полкъ получилъ разрѣшеніе сопровождать С.-З. армію на Петербургъ. Между тѣмъ, полоса въ 20 верстъ вдоль побережья была назначена ген. Говомъ какъ исключительный районъ дѣйствій эстонской арміи и ингерманландскаго отряда.

11 октября былъ занятъ Ямбургъ, 17 октября Гатчина, 22 октября большевики получили поддержку, 25 октября они перешли въ контръ-наступление. Англійскій флотъ, согласно обѣщаніямъ Гофа, долженъ былъ обстрѣлывать Красную Горку, на флангѣ бѣлыхъ. Англійскій мониторъ дѣйствительно выпустилъ 16 выстрѣловъ, изъ коихъ одинъ попалъ. По словамъ начальника эскадры англійскихъ миноносцевъ, послѣ этого было получено отъ англійскаго адмирала Кована *) прекратить огонь и держать курсъ на сѣверъ, т. е. въ открытое море. Такъ какъ лѣвый флангъ не былъ обезпеченъ, то С.-З. армія была охвачена и обойдена.

Итакъ нѣсколько тысячъ человѣкъ бѣлыхъ безъ достаточнаго числа боевыхъ припасовъ, артиллеріи, аэроплановъ, броневиковъ, были брошены на вѣрную гибель. Нельзя допустить, чтобы военные люди — Гофъ и Мэръ, будучи въ здравомъ умѣ, не знали, что съ подобными силами нельзя было взять Петербургъ, его удержать и дальше двинуться на Москву. При такихъ обстоятельствахъ, предосторожность Гофа, заставившаго генерала Юденича подписать, что Кронштадтъ, послѣ занятія Петербурга, будетъ переданъ Эстонской республикѣ въ видѣ гарантіи ея независимости, не лишена юмористическаго оттенка. Обратю въ Эстонию части Юденича, согласно заключенному тѣмъ временемъ между Эстоніей и совѣтскимъ правительствомъ, Юрьевскому миру, не пустили, лишь Балтійскій баталіонъ, оказавшій исключительныя услуги С.-З. арміи при отступленіи изъ-подъ Петербурга, былъ, какъ входящій въ составъ Эстонской арміи, принятъ обратно. Остатки арміи оказались въ западнѣ между двумя линіями. Переходившіе черезъ эстонскую границу люди разоружались и помѣщались въ концентраціонныя лагеря. Значительная часть ихъ въ ужасныхъ условіяхъ умерла отъ различныхъ болѣзней въ баракахъ въ Цигельсъ-Конселѣ. Люди,

*) Въ официальныхъ бумагахъ, по словамъ адмирала Пилкина, его фамилія писалась *Cohan* (Коранъ).

оставшіеся въ тылу, по приказанію союзниковъ, были распылены (22).

Юденичъ былъ арестованъ Булакъ-Балаховичемъ, но освобожденъ Эстонскимъ правительствомъ, по настоянію французскаго представителя. Передавъ 250.000 фунтовъ ликвидаціонной комиссіи онъ покинулъ предѣлы Эстоніи.

Итакъ, русскіе добровольческіе отряды въ Прибалтикѣ не имѣли тѣни надежды на успѣхъ. Они оказали лишь услуги интересамъ Англій и молодыхъ республикъ, очистивъ страну отъ большевиковъ, и этимъ участвовали въ расчлененіи Россіи. Послѣ этого они оказались элементомъ ненужнымъ и ихъ уничтожили на сѣверѣ съ помощью большевиковъ, на югѣ упрощеннымъ способомъ.

Добираясь до корня этого явленія, мы видимъ, что бѣлые были использованы Англійей и гр. ф.-д. Гольцемъ, въ борьбѣ этихъ соперниковъ за преобладаніе въ Прибалтикѣ.

Лидеръ національнаго центра въ Латвіи Бергъ въ помѣщенной 22 іюня 1929 г. передовицѣ «Латвиса», направленной противъ Германіи, пишетъ, «что ф.-д. Гольцъ имѣлъ въ виду покончить съ большевиками, которые поддерживали деньгами и агитаціей германскихъ коммунистовъ, и такимъ путемъ задавить германскую революцію. Послѣ этого онъ надѣялся добиться объединеннаго наступленія германскихъ и російскихъ войскъ противъ союзниковъ. Рѣчь шла, какъ пишетъ самъ ф.-д. Гольцъ, «не о правительствѣ Нидры, не о 700 годахъ балтійской исторіи, а о германскомъ будущемъ на Востокѣ и о созданіи буржуазной Россіи, дружественной Германіи».

Национальнымъ праздникомъ этихъ молодыхъ республикъ, сталъ день битвы подъ Венденомъ и день отступле-

(22) To his Excellency General Joudenitch.

In conformation of our conversation of this afternoon an January 6-th the Kupreme council decided to allow Estonians a free hand as to the despersal of the Norts-West Army W. Wilson Lt. Colonel British Military Mission.

Reval 19. I. 1920.

ни Бермонта изъ-подъ Риги. О побѣдахъ надъ большевиками, въ которыхъ участвовали бѣлвыя силы, вспоминаютъ безъ благодарности. (22).

Они стали ненужными и пострѣдующія событія стерли воспоминанія объ ихъ заслугахъ. Въ миниатюрѣ повторился весь ходъ Великой войны. Бросается въ глаза, что эти новыя дѣйствія республики географически обречены на ту-же участь, какой подверглись малые отряды, затертые между линіей враждующихъ.

Щербачевъ въ Парижѣ не могъ, конечно, предвидѣть всѣхъ обстоятельствъ столь сложной обстановки, но мы теперь убѣдились, какъ безошибочно онъ необыкновеннымъ чутьемъ опредѣлялъ самую сущность: успѣхъ только съ помощью Финляндіи. — а безъ ея содѣйствія необходимость скэрфѣйшаго увоза С.-В. арміи на югъ. Изъ приведенной выше докладной записки (стр. 122) мы видѣли, что Юденичъ еще 15 сентября твердо надѣялся, что Финлянд-

(22) Въ газетѣ «СЕГОДНЯ» отъ 12 ноября 1929 г. напечатана статья «Какая-то отдѣльная русская рота». Школьный Департаментъ Латвіи вынулъ и разослалъ по всѣмъ отдѣламъ министерства образованія особую брошюру, посвященную 10-тилѣтію независимости существованія Латвійской республики... Далѣе слѣдуетъ очеркъ вооруженной борьбы за освобожденіе Латвіи отъ германцевъ, бермонтовцевъ и большевиковъ... Что-же касается русскихъ, то о нихъ упоминается лишь какъ о бермонтовцахъ и коммунистахъ и только въ одномъ мѣстѣ на протяженіи всей брошюры, состоящей изъ 32-хъ страницъ, упоминается, что въ бою подъ Скрудной участвовала «какая-то русская рота». Что дѣлали отряды дрались плечо къ плечу съ латышцами противъ общихъ враговъ и что этимъ русскимъ отрядамъ принадлежить не малая роль въ освободительной войнѣ, — объ этомъ нигдѣ не говорится, какъ не названы среди другихъ воина-чальниковъ виднѣйшіе организаторы русскихъ отрядовъ...

дія все-же будетъ привлечена къ участию. Онъ еще тогда говорилъ: «при содѣйствіи Финляндіи операція увѣнчается успѣхомъ». Но Юденичъ былъ только стратегомъ и умнымъ человѣкомъ, а не профессиональнымъ дипломатомъ. Онъ думалъ, что если на вѣсы будетъ положено, съ одной стороны—самоопредѣленіе кареловъ и вопросъ о Печенгѣ (о независимости Финляндіи нечего было говорить — она уже полтора года какъ была фактически-самостоятельна), а съ другой Петербургъ и освобожденіе Россіи отъ совѣтской власти, то перетянетъ послѣдняя чаша. Сазоновъ же, положивъ на обратную чашу весь вѣсъ воспоминаній о могучей политикѣ Александра III и вопросъ о карелахъ перетянулъ.

Когда въ сентябрѣ С.-В армія стала англичанамъ больше не нужна, она могла предоставить тоннажъ и отослать ее куда-нибудь подальше. Вѣдь предложеніе Щербачева продолжало лежать въ англійскомъ военномъ министерствѣ и Сазоновъ этому, при желаніи Англіи, не могъ и не захотѣлъ бы помѣщать. То обстоятельство, что Англія этого не сдѣлала доказываетъ, что генераламъ Гофу и Мэрчу была предоставлена полная самостоятельность и свобода въ выборѣ средствъ, а они не подумали о томъ, что можно убрать ненужныхъ людей, безъ того, чтобы ихъ уничтожить. Впрочемъ Мэрчъ сказалъ одному шведу: «русскіе люди вообще никуда негодные, но если ужъ выбирать между бѣлыми и красными, то ужъ, конечно, надо взять красныхъ». Ему и было поручено безконтрольно распоряжаться бѣлыми.

Планы Щербачева организовать наступление против большевиков изъ Румынии на Кіевъ-Москву и изъ Гельсингфорса, Ревеля, Риги — на Петербург-Москву потерѣли неудачу. При всей разницѣ этихъ предпріятій, они имѣли одну общую коренную основу — рассчитывать на добровольную помощь союзниковъ.

Раньше, чѣмъ изложить послѣднюю и наипослѣднѣйшую попытку Щербачева уничтожить совѣтское правительство, приходится сдѣлать отступление, безъ котораго затруднительна полная и ясная оцѣнка предшествующаго и послѣдующаго дѣйствія.

Какія основанія рассчитывать на вмѣшательство иностранныхъ державъ во внутреннія дѣла Россіи?

I. Аргументъ о нравственной обязанности союзныхъ Франціи и Англій, какъ было указано въ предшествовавшей главѣ, встрѣчалъ возраженіе, что этика государственная не совпадаетъ съ моралью частнаго человѣка. Это помѣчено съ поразительной ясностью Макиавелли, котораго бранятъ всеу.

Всякое правительство, поскольку его не толкають неразумныя страсти вышедшаго изъ-подъ его вліянія народа, руководствуется исключительно конечной выгодой своей страны. Дѣйствія, не соотвѣтствующія ей, а тѣмъ болѣе основанныя лишь на отвлеченномъ благородствѣ, или благодарности, ставятся ему въ вину.

Уже было указано, насколько было выгодно для Англии вывести Россию въ расходъ до окончанія войны. Французскій посоль въ Россіи Нюлансъ констатируетъ въ своей книгѣ, «что англійское правительство считало поддержку большевиковъ выгодной, видя въ ихъ побѣдѣ ослабленіе Россіи, какъ политической соперницы, и крушеніе ея имперіализма. Оно полагало, что по крайней мѣрѣ на полвѣка будетъ имѣть свободныя руки на Ближнемъ Востокѣ и въ Азіи».

Французское общественное мнѣніе заставляло французское правительство съ радостью встрѣтить переворотъ въ Россіи, быстро разрушившій союзницу. Тутъ не было расчета, а играла роль воля массы. ненавидящей манархическій режимъ. Съ мгновенія, когда большевики стали у власти, до перемирія 9 ноября 1918 года холодный расчетъ, не смотря на Брестъ-Литовскій миръ, не допускалъ дѣйствій Франціи противъ совѣтскаго правительства. Вѣдь, если большевики въ этотъ періодъ подверглись бы нападенію, то они перешли бы на сторону Германіи и масса нѣмецкихъ войскъ, застрявшихъ въ Россіи, стала бы свободной. Союзники центральныхъ державъ точно знали, что Троцкій мечталъ о реваншѣ, когда 19 февраля 1918 г. нѣмцы возобновили наступленіе и несмотря на договоры отъ 4 марта сохранили за собой право дойти до линіи Псковъ-Рогачевъ. Англія въ этотъ періодъ держала въ Москвѣ миссію Локарта, Франція миссію генерала Лаверна, Италія генерала Ромей, Америка маіора Риггсъ.⁶⁾, а Германія въ Москву выслала гр. Мирба-

*) Послы удалились въ Вологду.

ха. Локкарть сообщает намъ: «Никогда большевики не были такъ готовы пойти на соглашеніе съ союзниками, какъ въ мартъ 1918 года. Они опасались новаго нападенія вѣмцевъ и еще мало вѣрили въ собственное будущее. Они привѣтствовали бы участіе союзныхъ офицеровъ въ обученіи новой арміи, которую тогда началъ создавать Троцкій. Капризь военного случая далъ намъ тогда возможность представить въ распоряженіе большевицкаго верховнаго командованія самыхъ подходящихъ для этой цѣли офицеровъ. Въ Москву прибыла какъ разъ изъ Румыніи большая французская военная делегация съ генераломъ Бертело во главѣ. Такъ какъ мы предпочли-бы, чтобы инструкторами красной арміи явились не германскіе, а союзные офицеры, мы предложили Троцкому взять Бертело на службу. Красный возждь, который доказалъ уже намъ свою добрую волю тѣмъ, что назначилъ консультационный совѣтъ изъ союзныхъ офицеровъ, изъявилъ безъ всякихъ околнчностей свое согласіе. Въ ближайшемъ засѣданіи консультационнаго совѣта, на которомъ принимали участіе Ромей, Лавергъ, Риггъ и Гарстингъ. Троцкій официально поставилъ соответственнае предложеніе на обсужденіе. Лавергъ согласился и казалось, что назначеніе Бертело обезпечено. Мы думали, что добились тактической выгоды. Но черезъ два дня весь этотъ плащъ рухнулъ. Вмѣшался Нюлансъ и отчиталъ Лаверпа за то, что тотъ превѣсилъ свои полномочія. Бертело и его штабъ должны были немедленно вернуться во Францію.»

Мы тутъ находимъ объясненіе, отчего Бертело, будучи прямымъ и честнымъ человѣкомъ, не могъ

имѣть лично особенно враждебныхъ чувствъ къ большевикамъ и почему онъ не имѣлъ основаній черезъ полгода послѣ этого, 15 ноября того же 1918 г., по своей инициативѣ двинуть для уничтоженія советскаго правительства 5 корпусовъ на Кіевъ-Харьковъ и Москву. Вотъ, почему онъ предварительно запросилъ Париятъ.

Союзныя миссиі всеми средствами старались, напротивъ, привлечь большевиковъ на свою сторону, а русская буржуазія стала логически врагомъ союзниковъ (см. стр. 62).

Такое положеніе объясняетъ рядъ оригинальныхъ фактовъ: Алексѣевъ въ концѣ января 1918 г. обратился къ начальнику французской миссиі въ Кіевѣ съ просьбой выдвинуть хотябы одну дивизию чехословаковъ съ артиллеріей въ районъ Екатеринославъ-Александровскъ - Синельниково, французы, отъ которыхъ чешскій и польскій корпуса получали содержаніе, отказали въ просьбѣ. Послѣ этого польскій корпусъ Довборъ-Мустницкаго призналъ Варшавское правительство и сталъ дѣйствовать противъ большевиковъ съ нѣмцами, а чехи вступили въ бой съ большевиками противъ нѣмцевъ и поляковъ! и украинцевъ!..

21-го февраля 1918 г. Нюлансъ обратился къ Троцкому съ предложеніемъ финансовой и технической помощи, (См. Рус. Смута т. II).

Только съ 9 ноября 1918 г., съ ликвидаціей германской опасности, наступилъ для Франціи періодъ, когда серьезно возникъ вопросъ, слѣдовало ли ей возстановить мощную буржуазную Россію, какъ союзницу.

Началось колебанія у всѣхъ союзниковъ, кромѣ Англій. Посолъ Нюлансъ высказываетъ убѣжденіе, «что въ этотъ періодъ совѣтская власть была спасена президентомъ Вильсономъ. Остановивъ японцевъ въ Харбинѣ (24), отказавшись придти на помощь чехословакамъ (25), когда они были въ Казани и Екатеринбургѣ, президентъ обезпечилъ жизнь ре-

(24) Союзники обѣщались выставить стотысячную армію на восточномъ (сибирскомъ) фронтѣ адм. Колчака противъ большевиковъ и поддержать чехословацкія части, возставшія противъ большевиковъ и захватившія желѣзную дорогу отъ Урала до Владивостока. Эти чешскія части, ступившія обратно къ Уралу, вмѣстѣ съ добровольческими отрядами, Уральскими и Оренбургскими казаками, а впоследствии — набранною мобилизаціи (августъ 1918 г.) арміей доходили при наступленіи до Волги: 22/IX 1918 была взята Казань, (тамъ Капцель и Шевць забрали Рос. казну), 25/IX — Симбирскъ, 22/X — Самара. Въ ноябрѣ распропагандированные чехи окончательно сбросили фронтъ. Армія Колчака отступила, но потомъ вновь перешла въ наступленіе и 3/III 1919 взяла Уфу и дошла дѣлннѣи 80 верстъ къ востоку отъ Казани, 100 верстъ отъ Симбирска, 60 верстъ отъ Самары, 30 верстъ отъ Оренбурга. Послѣ этого началось отступленіе. Главнымъ виновникомъ считается «генераль» Гайда на крайнемъ сѣверномъ флангѣ, не исполнившій директивы. Послѣ пораженія 4/V у Бугуруслана фронтъ потерялъ устойчивость. Въ октябрѣ 1919 г. онъ сталъ стремительно отступать на востокъ.

Вмѣсто обѣщанной поддержки союзниковъ, одна дивизія японцевъ заняла въ глубокое тылу Владивостокъ, Харбинъ и стала вдоль Забайкальской ж.-д. до Читы; мелкія американскія части охраняли ж.-д. Иркутскъ-Верхнеудинскъ и Уссурийскую ж.-д.; одинъ англійскій батальонъ размѣстился въ Омскѣ, гдѣ проживалъ сэръ Эллиотъ. На фронтѣ не было даже ни одного солдата. 18/X союзники рѣшили снять чеховъ и поляковъ съ ж.-д. 7/II 1920 г. адм. Колчакъ, преданный всѣми, былъ разстрѣлянъ.

(25) Въ концѣ января 1918 г. Чехословацкій корпусъ въ

скому. Большевики сами были убѣждены, что русскій коммунистическій опытъ приходитъ къ концу».

Мы можемъ установить съ полною достовѣрностью, что Франціей въ началѣ было твердо рѣшено сохранить единство Россіи, въ которой она видѣла въ будущемъ могучую союзницу противъ Германіи. Это послѣднее соображеніе руководило всѣми рѣшеніями Франціи и опредѣлило ея колебанія между бѣлыми и большевиками.

Итакъ, реальная политика сначала диктовала Франціи сохраненіе «Единой Недѣлимой», а Англій — наоборотъ. Мы ясно понимаемъ, теперь, отчего Франція признала Украину (18/XII 1918 г.), раньше Англій, (начало 1919 г.), а Англія Финляндію (5/V 1919 г.), раньше Франціи. Украина на первыхъ порахъ казалась способною продолжать войну противъ нѣмцевъ. Съ Финляндіи началось распаденіе «Единой». Точка зрѣнія Англій одержала верхъ, такъ какъ событія ей помогли. Мы такимъ образомъ выяснили вынужденную послѣдовательность рѣшеній союзниковъ въ отношеніи бѣлаго движенія до начала отдѣленія окраинъ.

Это и смягчаетъ силу дѣлаемыхъ союзникамъ упрековъ.

II. Вопросъ о «Единой Недѣлимой» дѣлается въ 1919 г. для Франціи спорнымъ. Молодые государства становятся естественными союзниками Франціи

50.000 ч. былъ расположенъ въ районахъ Полоннаго и Ромоданъ, Волынской и Подольской губ. По оригинальной мысли Юланса, этотъ корпусъ послѣ Брестъ-Литовскаго мира долженъ былъ пойти на Владивостокъ!!! откуда быть перебросенъ на фронтъ союзниковъ!

противъ гѣмцевъ. Но бѣлые верхи продолжали стоять на непримиримой позиціи въ отношеніи лимитрофовъ даже послѣ признанія ихъ независимости великими державами. Грозившая этимъ государствамъ опасность со стороны сговорчивыхъ большевиковъ казалась менѣе реальной, чѣмъ со стороны категорическихъ всегдашнихъ бѣлыхъ. Чувствуя поддержку союзниковъ и узнавъ объ обмѣнѣ мнѣній между адм. Колчакомъ и верховнымъ Совѣтомъ союзниковъ, въ которомъ неизмѣнно на первомъ мѣстѣ стоялъ принципъ «Единой Недѣлимой», представители Эстоніи, Латвіи, Литвы, Украины, Кубани, Грузіи и народовъ Сѣв. Кавказа заявили союзникамъ, что они никакого отношенія къ Колчаку и Деникину не имѣютъ. (Оч. Рус. См., т. V).

Вылетѣвшихъ изъ гнѣзда птенцовъ можно было вновь собрать развѣ только на съговорѣхъ.

Франціи приходилось выбирать между новообразованіями, въ томъ числѣ — признанными ею Польшей и Финляндіей и бѣлымъ движеніемъ.

Возникаетъ вопросъ, что было рациональнѣе для бѣлыхъ вождей: бороться ли открыто противъ большевиковъ и тайно противъ всѣхъ окраинъ и переходившихъ на ихъ сторону симпатій не только союзниковъ, но и міроваго общественнаго мнѣнія, — или же, напротивъ, отрывать при общемъ сочувствіи одну за другой области отъ центра, т.-е., отъ большевиковъ? Не было ли рациональнѣе поддерживать англичанъ въ Закавказьѣ, адм. Кована — при образованіи самостоятельной Ингерманландіи, ген. Айронсайда — въ восточной Кареліи и проч.? По этой системѣ можно было перейти на чудь, мордву и че-

ремность, вспомнить объ аварахъ, хозарахъ, печенѣгахъ, скифахъ и, цитируя, какъ это и дѣлалось въ подобныхъ случаяхъ, Тацита и другихъ ископаемыхъ, дойти до сыновей Ноя и ихъ допотопныхъ суверенныхъ царствъ и довести дѣло до распадения послѣдняго большевика и его фамиліи на составныя части. Въдѣ совѣтская власть съ успѣхомъ для себя раздѣлила русскаго крестьянина на три части и, поднявъ его среднюю часть на верхъ, показала ошеломленному міру дѣйствительность старой голдой истины: *divide et impera*. За нее съ другого конца могли ухватиться и бѣлые вожди, причемъ умиленныя Европа и Америка и вся младшая братія поддержали бы бѣлыхъ до полного успѣха. Изъ размельченнаго до послѣдняго предѣла соціального строя большевики слѣшили массу со значительнымъ удѣльнымъ вѣсомъ на Женевскихъ вѣсахъ. При такомъ же анализѣ бѣлые, можетъ-быть, могли бы въ националистической и шовинистической канѣ растворить всѣхъ представителей развѣдающихъ бѣлыхъ движеніе партій. Синтезъ былъ бы не труденъ: моральное отождествленіе большевика и русскаго — мысль тогда свѣжая и ясная для окраинъ — быстро потеряла бы смыслъ, а реальная необходимость вновь образовать нѣчто способное существовать заставила бы снова соединиться всему тому, что раньше распалось. Во время бала-маскарада во дворцѣ передъ Императоромъ Николаемъ I дефилировали въ національныхъ костюмахъ представители всѣхъ бесчисленныхъ населяющихъ Имперію народовъ. Стоявшій рядомъ французскій посолъ въ изумленіи спросилъ «гдѣ же тутъ Россія?» На это Николай I

отвѣтить: «Россия — это я, а это — мои подданные».

Не пораженъ-ли слѣпотою тотъ, кто не видитъ, что именно такое положеніе было наилучшимъ для внутренней спайки и великодержавія Россіи. Дальнѣйшій ходъ исторіи свидѣтельствуетъ, что и послѣдовавшее измѣненіе отношенія власти къ населенію видятъ Россію народностямъ, и революція внесла перемѣны ступодъ не къ лучшему.

Изъ статьи въ «Послѣднихъ Новостяхъ» отъ 13 февраля 1935 г. мы узнаемъ, что знатокъ международныхъ вопросовъ Рене Пинонъ, дѣлая 11 того же февраля докладъ въ Парижѣ, далъ картину національной структуры СССР. «Съ военной и русской революціей — сказалъ онъ между прочимъ — рушилась одна изъ величайшихъ иллюзій Запада: національная и единая Россія». Онъ призываетъ «слѣдить за происходящимъ въ СССР процессомъ национальной дифференціаціи, помня основное правило реальной политики». Ученые такимъ образомъ уже теперь оцѣниваютъ единственныи ясный лозунгъ бѣлаго движенія, какъ «величайшую иллюзію». Какъ же они назовутъ со временемъ прочіе лозунги, понятные только десятку идеалистовъ-организаторовъ.

Пусть всякій отнесется къ этимъ вопросамъ по своему. Мы тутъ отмѣтимъ лишь, что вопросъ рѣшался не Франціей, а бѣлыми.

Бѣлые вожди дали рѣзкій отрицательный отвѣтъ. Франція, получивъ его, отказалась отъ содѣйствія и перенесла его на враждебные бѣлымъ лимитрофы.

Въ отличіе отъ прочихъ бывшихъ союзниковъ,

Англія, въ силу уже часто упоминавшихся причинъ, не могла и не хотѣла отнестись къ событіямъ пассивно. Вопросъ о необходимости созданія возможно большаго числа отдѣльныхъ суверенныхъ народовъ на территоріи бывшей Россіи былъ ею рѣшенъ давно. Ллойдъ Джорджъ, въ рѣчи, сказанной 30 ноября 1919 года въ парламентъ, недвусмысленно заявилъ, что для отдѣльныхъ народностей Россіи и для Великобританскаго правительства лозунги Колчака и Деникина о «Единой Недѣлимой» не приемлемы.

Интересъ Англіи, естественно, сосредоточился на отторженіи тѣхъ областей, которыя граничили въ Азіисо странами, находившимися подъ ея вліяніемъ (Туркестанъ, Забайкальская Область, Азербейджанъ, Армения, Грузія), а также европейскихъ прибрежныхъ областей (Прибалтика, Мурманъ и Архангельска). Тутъ всякая попытка бѣлыхъ проявить свои дѣйствія встрѣчаетъ немедленный и рѣшительный отпоръ. 18 февраля 1919 г. англійскіе представители при Ставкѣ заявили Деникину, что получили указаніе отъ военнаго министерства предложить ему немедленно прекратить операцію противъ Сочи—не то прекращеніе всякой помощи; 22 апрѣля лордъ Мильнъ, англійскій главнокомандующій, заставляетъ Деникина окончательно отказаться отъ продвигенія на Грузію и отойти, причемъ на пути выставляется англійскій заслопъ-застава; совершенно то же мы видимъ въ направленіи на Азербейджанъ, относительно котораго ген. Кори сообщаетъ Деникину, что дальнѣйшее движеніе вызоветъ немедленный отказъ Англіи въ помощи; ген.

Мокеръ и Бичъ требуютъ отъ Арменіи прекращенія руссофильской политики и даютъ ей надежду на образованіе Великой Арменіи съ выходомъ къ морю: въ Туркестанѣ ген. Маллесонъ поддерживаетъ самостоятельныя устремленія туркменскихъ и юмудскихъ племенъ и заключилъ 1 сентября 1918 г. договоръ «съ Забайкальскимъ правительствомъ». Только на далёкомъ сѣверѣ къ общимъ причинамъ прихода англичанъ присоединилась другая: совмѣстное дѣйствіе Финляндіи съ шѣмцами въ 1918 г. угрожали Мурманской ж.-д. Тутъ англичане, не задумываясь, поддерживаютъ отряды отступающихъ передъ финнами красногвардейцевъ.

Если всеъ перечисленные выше области не стали въ результатѣ самостоятельными, то въ этомъ меньше всего виновно Англійское правительство: міровая конкуренція и рабочая партія заставили его бросить эти антитрофы.

При первомъ взглядѣ на карту видно, что наиболее важнымъ и близкимъ объектомъ было для Англій Балтійское море. Сообразно съ этимъ объясняется все ея дѣйствія въ отношеніи къ бѣлому движенію. У англичанъ для осуществленія своихъ цѣлей въ Прибалтикѣ, было два способа дѣйствій: 1) занятіе линій Нарва-Петровъ-Двинскъ значительными силами, которыя можно было создать только при участіи англійскихъ флота и арміи, безъ участія прочихъ союзниковъ, или 2) отвлеченіе большевиковъ въ противоположныхъ направленіяхъ большой операціей съ юга, востока и сѣвера. Подъ дѣйстви-

тельной угрозой, совѣтская власть должна была бы войти въ мирное соглашеніе съ находящимися у нея въ тылу балтійскими новообразованіями. Если когда-либо были колебанія въ англійскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, то только въ выборѣ того или другого изъ указанныхъ образа дѣйствій.

Событія подсказали ствѣтъ. Закончивъ 2-й Кубанскій походъ, Деникинъ обрушился на большевиковъ съ юга, Колчакъ продолжалъ приковывать большія силы съ востока, оставалась угроза со стороны Архангельска.

Англійская агентура установила, что совѣтская власть оголила для противодѣйствія въ этихъ направленіяхъ свой западный фронтъ. Англии оставалось лишь поддерживать такое положеніе посылкой боевого матеріала Деникину. Только такъ можно объяснить нижеслѣдующія цифры, которыя говорятъ убѣдительно въ всякихъ доказательствахъ: «далекій» Деникинъ получаетъ отъ Англии съ марта до сентября 1919 г. 558 орудій, 12 танковъ, 1.685.522 снаряда, 160.000.000 патроновъ, а «близкій» Юденичъ въ это время располагаетъ: орудіями 18-фунт. англійскими — 16, 45-лин. англ. гаубицами — 8, снарядами къ первымъ — 32.000, къ вторымъ — 17.000, ружейными патронами 21.000.000.

При отвлеченіи силъ противника демонстраціей, какъ извѣстно, успѣхъ возможенъ только, когда исполнители маневра твердо увѣрены, что задача ихъ важнѣйшая, т.-е. когда они сами вѣрятъ въ нее. Этимъ объясняется, что всѣ представители Англии при добровольческой арміи были убѣжденными по-

борниками ее интересовъ. Они настолько увлекались идеей, глубокий смысл которой имъ былъ закрытъ, что переходили границу интересовъ Англии. Ихъ приходилось убрать изъ-за ихъ увлеченія. Такъ ушли генералы Пуль, Бриггесъ и Хольманъ. Министертво иностранныхъ дѣлъ, имѣя шую осведомленность о сущности дѣла, информировала о ней лишь своихъ служащихъ. Вотъ почему случилось поразившее Деникина явленіе, что военный представитель полк. Кизъ съ одного дня на другой радикально измѣнилъ свое поведеніе, переходя въ министерство иностранныхъ дѣлъ Керзона.

Что же изъ всего этого слѣдуетъ?

Франція поддерживала расчлененіе Россіи въ интересахъ опоры противъ Германіи; Англія поддерживала это расчлененіе съ цѣлью окончить съ «ледникомъ»; всѣ прочія націи высказались за расчлененіе во имя принципа національныхъ свободъ.

Могутъ ли бѣлые упрекать весь міръ и бывшихъ союзниковъ въ несправедливости, когда отъ нихъ самихъ зависѣло рѣшеніе вопроса: привлечь ли эти нечисленныя силы на свою сторону, хотя бы для виду и временно, или вести войну одновременно противъ нихъ и противъ большевиковъ?

III. А благодарность? Въ связи съ расчетомъ трудно говорить о ней; нельзя упомянуть о хрупкой русалкѣ въ присутствіи одноглазого великана Полифема: не возбудитъ ли это въ немъ желаніе использовать и ее?

Вопросъ осложнялся другимъ: кого же союзникамъ надо было считать Россіей? — Монархисты утверждали, что лѣвые виновны въ уничто-

женіи боевой силы и помощи союзникамъ. — не ихъ же за это благодарить? Лѣвые со своей стороны клялись, что они остались вѣрны союзникамъ, а что правые подготовляли въ теченіе 300 лѣтъ наступившій большевизмъ. Обѣ партіи нападали другъ на друга печатными и непечатными словами на глазахъ тѣхъ, у кого просили одновременно помощи. Если фактически вся услуга была оказана въ царскій періодъ войны, то всѣ симпатіи французскаго народа были на сторонѣ лѣвыхъ. Монархисты не имѣли шансовъ на поддержку общественнаго мнѣнія во Франціи, съ этимъ правительству приходилось считаться. Въ сущности оставалось выбирать между режимомъ Керенскаго и диктатурой Ленина. Между тѣмъ Керенскій, Миноръ и другіе обратились съ манифестомъ къ демократическимъ правительствамъ запада, приглашая ихъ не поддерживать арміи Колчака и Деникина (Оч. Рус. Смуты т. IV, стр. 240).

IV. Перейдя отъ поступковъ народовъ и ихъ правительствъ къ дѣйствіямъ отдѣльныхъ людей, мы должны вспомнить, что всѣ этические вопросы мѣняются, какъ только человѣкъ перестаетъ дѣйствовать отъ своего лица, а является орудіемъ государственной власти. Такъ убійство на войнѣ, иногда и въ другихъ случаяхъ, вѣроломство и проч., переименовывается въ храбрость, справедливость, правосудіе, исполненіе священнаго долга и проч. дѣбродѣтели. Вина снимается съ обязанныхъ совершать такия дѣйствія⁽²⁵⁾. Лордъ Кромеръ въ своей книгѣ

(25) Политическія преступленія возникаютъ изъ-за того, что члены отдѣльной партіи приписываютъ ей право на этику государственную. Это обстоятельство интересно при сопоставленіи личности, партіи и государства.

«Египетъ» говорить: «необходимо приравли-
ваться къ обстоятельствамъ и пытаться извлекать
выгоду даже изъ того, что намъ вовсе не по душѣ».
Вотъ мысли идеальнаго исполнителя. Дѣйствія
Бьюкенена въ Россіи не могутъ ему быть поставлены
въ личный упрекъ, и это относится къ поступкамъ
цѣлаго ряда упомянутыхъ лицъ. Лишь въ тѣхъ
случаяхъ, когда исполнитель проявляетъ излишнюю
жестокость и этимъ вредитъ репутаціи своей Ро-
дины, его можно осуждать. Поэтому цѣль этой главы
не состоитъ въ оправданіи личныхъ дѣйствій англий-
скихъ начальниковъ въ Египтѣ или поведенія ис-
полнителей въ Одессѣ и Севастополѣ. Они оставля-
ютъ неизгладимый слѣдъ въ народной памяти, какъ
не забудутъ и ген. Гудзонъ-Лоо на Св. Клеѣ 1821 г.
Распространять за нихъ упреки на правительства, а
тѣмъ болѣе на народы—нелогично. Одинъ человекъ
не отвѣчаетъ за поступки другого той-же національ-
ности. Русскій имѣетъ право возмущаться, если его
отжествляютъ съ Горгуловымъ. Столь же неоснова-
тельно дѣлать англичанина и француза, какъ тако-
вого, отвѣтственнымъ за Ревель, Одессу и Сева-
стополь.

Для поясненія нѣкоторыхъ поступковъ слѣдуетъ
упомянуть еще и слѣдующую обще-человѣческую
черту. Русскій, французъ, англичанинъ и всякій
другой съ сарказмомъ говоритъ, что стоитъ обратиться
тремъ его соотечественникамъ, чтобы было 4 мнѣнія,
считая это горькой правдой въ отношеніи своей ро-
дины. Фактически это всюду одинаково, лишь про-
явленіе разногласія выражается разно: у однихъ —
ломаніемъ стульевъ, у другихъ—заказомъ слѣдую-

ющей очереди кружекъ пива для новаго спора. Во всемъ мірѣ происходятъ постоянно ожесточенныя разногласія, не только между частными лицами, но и въ государственныхъ учрежденіяхъ и между различными вѣдомствами и учрежденіями. Англія можетъ претендовать на одно изъ первыхъ мѣстъ въ этомъ отношеніи. Насъ интересуетъ 1918 и 1919 г.г. Въ отношеніи Россіи методы ея ослабленія оцѣнивались разнo въ англійскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, которое опредѣленно желало сближенія съ большевиками, и въ англійскомъ военномъ министерствѣ, которое въ первый періодъ съ этой же цѣлью стояло за политику интервенціи. Это обстоятельство отнимаетъ силу упрековъ, дѣлаемыхъ полк. Спирсу и Черчиллю. Въ искренности перваго не приходится сомнѣваться. Черчилль дѣйствовалъ подъ психозомъ страха возможнаго союза Россіи съ Германіей, считая его величайшей опасностью для Англіи. Это мнѣніе побуждало его поддерживать англо-русскую дружбу, какъ противовѣсь. Объ англійскомъ послѣ въ Парижѣ лордъ Дербі мы предоставляемъ судить болѣе свѣдующимъ.

Путать вышензложенныя понятія частному лицу не слѣдуетъ; по горе тому отвѣтственному передъ своею Родиною дѣятелю, который примѣнитъ личныя чувства любви, чести и добродѣтели къ государственнымъ вопросамъ: Безжалостный судъ исторіи переименуетъ добродѣтели въ недалновидность, слабость и другіе пороки. Локкартъ говоритъ про императора Николая II: «своимъ союзникамъ онъ остался вѣренъ до конца; но онъ потерялъ свой тронъ и погубилъ свою страну...» А про своего

друга Керенскаго, которому онъ спасъ въ Москвѣ жизнь, онъ пишетъ: «Въ Юль 1931 г. я какъ-то сидѣлъ съ нимъ въ лондонскомъ Карлтонъ отелѣ. Къ намъ присѣдинился лордъ Бивербрукъ и съ присутствующимъ ему ко всему интересомъ засыпалъ Керенскаго вопросами: «справедливъ ли бы вы съ большевиками, если-бъ вы заключили миръ?» «Самъ собою разумѣется и сидѣли бы по сегодняшній день въ Москвѣ.» «Почему же вы не заключили мира?» «Потому, что мы были наивны». Наивность, — что еще можно сказать о Керенскомъ!»

Подчеркивающій благородство Вел. кн. Николая Николаевича ген. Шерффисъ (la guerre de Délivrance p. 172) пишетъ: „Il les a conçus (ses operations) comme une intervention de secours, de diversion et de soulagement pour le front français. Il a été autant que généralissime, plus allié que Russe. Il a sacrifié les intérêts de la Russie a ceux de la France. Il a eu une stratégie véritablement antinationale“.

Жаль, что этотъ писатель, столь искренно признающій заслуги, оказанныя союзниками, не высказался и объ Императорѣ, и министрѣ иностранныхъ дѣлъ, о послѣ и другихъ. Будущій историкъ изобрѣде оцѣнилъ бы суцность.

Макиавелли говоритъ: Dans les actions de tous les hommes et surtout des princes contre lesquels il n'y a point de juges à réclamer, on ne regarde qu' a l' issue qu' elles ont. („Le prince“ Nicolas Machiavel.

Таковъ ужъ суровый законъ жизни, и ополчаться противъ кажущейся намъ страшной несправедливости, какъ противъ смерти и прочихъ постановле-

ній высшаго разума, бесполезно. Надежда своей личной волей измѣнить примѣненіе этихъ законовъ въ свою пользу или въ пользу своей родины имѣеть мало шансовъ на успѣхъ. Вѣрующіе предлагаютъ молитву. Къ счастью, молитвы не всѣ исполняются, — иначе какой былъ бы хаосъ! Не только солнцу Иисуса Навина пришлось бы остановиться надъ Гаваономъ!

V. Личная дружба Щербачева съ маршаломъ Фошемъ не помогла повернуть ходъ исторіи. Изъ другого лагеря ушедшихъ изъ Россіи были также сдѣланы попытки повліять въ пользу своихъ плановъ, на базѣ личныхъ отношеній. Во время одного изъ визитовъ генерала Бертело у Клемансо послѣдній объявилъ ему: „*Vous allez tout à l'heure voir cette sale gueule de Kerensky*”. (Записки ген. Геруа стр. 19). Несмотря на соотвѣтствующій дружескій пріемъ, Керенскому не удалось добиться возвращенія въ Зимній дворецъ. Многообѣщающія слова Клемансо остались сказаны лишь Бертело, а не Россіи.

А чего добивался и чего добился Савинковъ?

При создавшейся обстановкѣ, правительства, отвѣтственныя передъ своей страной, не могли поступать иначе. Понятіе объ обязательной благодарности уже сложно, когда рѣчь идетъ о государствахъ между собой; оно становится запутаннымъ при предъявленіи своихъ правъ на этотъ невѣсомый кладъ наслѣдниками законными, незаконными, любовницами и прохожими молодцами, — всеми со своими адвокатами. Иначе обстоитъ вопросъ о личныхъ правахъ участниковъ войны — они служили союзникамъ на общихъ основаніяхъ и непонятно,

какъ эти права остались неуваженными: но это частный вопросъ, не входящій въ настоящую работу.

Остается нравственный вопросъ: допустимо-ли съ человѣческой и высшей точки зрѣнія, чтобы невинный страдалъ за грѣхи другихъ? Отвѣтъ всякій христіанинъ найдетъ въ своей религіи, которая вся основана на признаніи этого именно принципа божественнымъ. Наши безсмертныя души собираются, вѣдь, на немъ отыграться.

Все вышеизложенное въ достаточной мѣрѣ доказываетъ, что упреки Зарубежной Россіи по адресу союзниковъ основаны на недооцѣнкѣ разницы между этикой частнаго лица и таковою-же государства.

ГЛАВА 9-ая.

Когда Польша была разбита большевиками и польскія войска отхлынули назадъ, маршалъ Фонтъ пригласилъ къ себѣ Щербачева и поручилъ ему передать Врангелю категорическое требованіе верховнаго союзнаго командованія немедленно начать энергичное наступленіе, чтобы спасти Польшу, обративъ его вниманіе на то, что промедленіе выполненія этого приказанія вызоветъ полное прекращеніе всякой поддержки бѣлыхъ арміи со стороны союзниковъ.

Положеніе Франціи было трудное. Что она могла сдѣлать для новой союзницы Польши? Никто во Франціи не хотѣлъ воевать, тѣмъ болѣе для другихъ. Между тѣмъ съ паденіемъ Польши Франція должна была потерять плоды міровой войны. Если Франція

все же рѣшились бы выставить армію въ Польшѣ, то возникали самые опасные и сложные вопросы: Какъ перевести армію черезъ Германію? Какъ обезпечить громадную коммуникаціонную линію черезъ дышащую ненавистью чужую страну? Сколько выставить войскъ при фронтѣ, почти равномъ восточному германскому во время міровой войны? Среди сложнѣйшихъ вопросовъ, возникалъ еще и слѣдующій: гдѣ-же остановиться, когда большевики начнутъ отступление? Нельзя было формировать большую армію и ее потомъ расформировать съ тѣмъ, чтобы послѣ ея ухода большевики повторили нападеніе. Всѣ эти соображенія приводили къ заключенію о необходимости нанести полное и окончательное пораженіе Совѣтамъ. Въ противномъ случаѣ не имѣло смысла начинать обширную операцію. Это повлекло бы за собой необходимость новыхъ переговоровъ съ Германіей, которая воспользовалась бы благоприятной обстановкой для пересмотра Версальскаго договора, отъ котораго могло ничего не остаться.

Армія Врангеля пріобрѣтала новое неожиданное значеніе для союзниковъ. Изъ орудія одной изъ враждовавшихъ между собой группировокъ чужой страны она стала для Франціи единственнымъ удобнымъ средствомъ спасенія Польши при создавшемся тогда положеніи. Цѣнность арміи Врангеля возрастала съ каждымъ днемъ по мѣрѣ отступления поляковъ. Чѣмъ дольше ея помощь заставляла-бы себя ждать, тѣмъ больше возрасталъ ея вѣсъ. Если-же она вовсе не выступила-бы и осталась-бы на мѣстѣ, то союзники, а въ частности Франція должны были бы преодолѣть всѣ трудности, и будь то съ привле-

меніемъ. Германія и проистекающими отъ этого слѣдствіями, или безъ нея, выставить большую армію и уничтожить большевиковъ. Но и послѣ этого, значеніе бѣлыхъ армій, если-бы онѣ не исполнили указаннаго требованія, продолжало-бы возрастать непрерывно, т.-е., даже свергнуть большевиковъ, союзники не могли-бы окончательно держать въ Россіи оккупационную армію, какъ по матеріальнымъ соображеніямъ, такъ и изъ-за давленія прогрессивныхъ элементовъ у себя дома, наконецъ и изъ страха заразить войска коммунистическими идеями. Слѣдить чужеземную армію могло только организованное войско, т.-е. только армія Врангеля. Допуская совершенно неправоподобное предположеніе, чтобы Франція бросила Польшу на произволъ судьбы, положеніе Врангеля отъ этого лишь бы выиграло: дойдя на плечахъ отступающихъ въ беспорядкѣ поляковъ до германской границы, красная армія вышла-бы окончательно изъ рукъ начальниковъ и занялась-бы грабежомъ. Извлечь ее изъ Польши могло-бы только общее отступленіе большевиковъ; опасность для Врангеля такая армія уже не могла бы представлять. Но гораздо важнѣе то, что при непосредственномъ соприкосновеніи Сов. Россіи съ Германіей создавалось положеніе, котораго Франція ни при какихъ обстоятельствахъ не могла допустить, — она оказалась-бы еще въ худшемъ положеніи, чѣмъ въ описываемое нами мѣсто. Необходимости сформированія арміи она не избѣжала бы и тогда.

Отвѣтъ Щербачева Маршалу Фошу, въ точности не извѣстенъ. Но отиравая приказаніе союз-

никовъ Врангелю, онъ отъ себя добавилъ, что считаетъ выполненіе его противорѣчающимъ русскимъ интересамъ, предлагая воздержаться отъ всякихъ активныхъ дѣйствій. Мы уже раньше разбирали шансы на успѣхъ прежнихъ плановъ, взвѣсивая вѣроятность удачи. При данной обстановкѣ предложенный Щербачевымъ способъ полного бездѣйствія привелъ бы къ неизбѣжному паденію большевиковъ. Спасти ихъ при точномъ исполненіи этого плана ничто не могло. Прибавимъ, что одіумъ содѣйствія иностранцевъ для реставраціи отпадалъ, такъ, какъ союзники выступили за Польшу безъ помощи или поддержки бѣлыхъ.

Рѣшившись на такой шагъ, Щербачевъ перешелъ отъ этики личной къ этикѣ государственной. Его чувства, какъ къ союзникамъ, такъ и къ другу маршалу Фошу отошли на второй планъ. Онъ самъ сознательно шелъ на опалу. Это было рѣшеніе государственнаго человѣка: Теперь просить о помощи уже не приходилось. Бѣлые стали хозяевами положенія. Ничего не дѣлая, отказываясь отъ исполненія сперва приказаній, потомъ отъ уступокъ под угрозамъ и, наконецъ, отварачиваясь отъ просьбы о помощи, они могли, какъ побѣдители, ставить условія, торговаться и добиться въ результатѣ даже перекройки карты въ свою пользу.

Врангель былъ импульсивный человѣкъ. Въ немъ кипѣла жизнь. Его энергія толкала на дѣйствія. Подсидывать счастье было не въ его натурѣ. Онъ не принялъ совѣта Щербачева. Своимъ наступленіемъ онъ въ стократъ вернулъ всѣ расходы союзниковъ на бѣлое движеніе и спасъ Польшу.

шу, не оказавшую содѣйствія Деникину въ самый критическій періодъ конца 1919 г.

Польша не замедлила заключить съ большевиками Рижскій миръ.

Предоставленный самому себѣ, брошенный союзниками за дальнѣйшей ненужностью, Врангель погибъ, а вмѣстѣ съ нимъ и бѣлое движеніе.

Случилось то же, что и съ С.-В. Арміей: будучи непользована посторонними, добровольческая армія содѣйствовала укрѣпленію удобнаго для Европы статусъ-кво.

Последній финальный эпизодъ заставляетъ насъ вспомнить стихи Шекспира въ драмѣ «Юлій Цезарь»:

There is a tide in the affairs of men
Which taken at the flood leads on to fortune
Omittet all the voyage of the life
Is bound in shalldows and in miseries
On such a full sea are we now afloat
And we must take the current when it serves
Or lose our ventures.

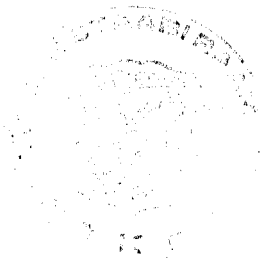
Если въ приведенномъ выше прогнозѣ были ошибки, то лишь въ вопросѣ о личной опалѣ Щербачева. Весьма возможно, что опъ, напротивъ, заслужилъ бы въ результатѣ лишь благодарность со стороны союзниковъ. Въ своей книгѣ «Клемансо на закатѣ своей жизни», ген. Мордакъ, бывший начальникъ военнаго кабинета Клемансо, приводитъ слѣдующія слова «Тигра» по поводу рижскаго договора: «Во внѣшней политикѣ меня больше всего

безыюконтъ въ настоящее время рижскій миръ между Польшей и Россіей. Союзники совершили въ этомъ случаѣ крупнѣйшую ошибку, за послѣдствія которой Европѣ придется очень дорого расплачиваться. Нужно признать, что послѣ успѣховъ Польши и украинцевъ, а равно успѣховъ генерала Врангеля, союзники имѣли единственный случай — о такомъ случаѣ не смѣли прежде и мечтать — покончить съ совѣтами, которые, — какъ я знаю изъ вѣрныхъ источниковъ, — были въ величайшемъ смятеніи. Въмѣсто этого, союзники позволили Польшѣ заключить съ ними сепаратный миръ. Послѣ этого совѣты получили возможность разгромить по очереди украинцевъ и генерала Врангеля. Въ томъ, что касается Совѣтовъ, вопросъ, такимъ образомъ, разрѣшенъ. Отнынѣ въ теченіе долгихъ лѣтъ они смогутъ вести свою пропаганду во всей Европѣ, ибо Европа, въ сущности, окончательно склонилась передъ ними. Я знаю, что во всемъ этомъ дѣлѣ главной виновницей является Англія — ей придется въ свое время жестоко раскаяться. Но пока-что — зло сдѣлано и Франціи приходится нести за него долю отвѣтственности».

Рошаль точно намѣтилъ наиболѣе опаснаго врага совѣтскаго правительства. Если бы Щербачеву дали осуществить наступленіе 5 корпусовъ изъ Румыніи, получить средства для сербскаго и польскаго плана, настоять на своемъ въ привлеченіи Финляндіи къ наступленію С.-В. арміи, а тѣмъ болѣе если-бы исполнили его планъ въ 1920 году, то совѣтское правительство имъ было-бы погублено.

Послѣ столь кореннаго разногласія съ Врангелемъ, Щербачевъ покинулъ свой постъ и въ качествѣ частнаго лица поселился на Ривьерѣ. Благодарная ему Румынія обезпечила его отъ личной матеріальной нужды. Если онъ, послѣдніе годы своей жизни и сносяся съ лицами Императорскаго Дома, имѣвшими политическіе виды, то это не приводило къ какимъ-либо конкретнымъ дѣйствіямъ съ его стороны. Щербачевъ скончался въ Ниццѣ 18 января 1932 г. На его похоронахъ участвовали войска союзной Франціи.

К О Н Е Ц Ъ .

Дополненіе къ стр. 136 (прим. 24.)

На сѣверномъ фронтѣ англійскій генералъ Пуль высадилъ 2 августа 1918 г. въ Архангельскъ (куда 23 апрѣля 1918 г. переѣхали изъ Вологды союзныя посольства) 4—5 баталіоновъ англичанъ, 4—5 баталіоновъ американцевъ, 1 баталіонъ французовъ, части поляковъ и итальянцевъ. Осенью его смѣнилъ ген. Айронсайдъ. Къ концу 1918 г. на фронтѣ собралось: 10—15000 союзниковъ и 7—8000 русскихъ, бывшихъ сначала подъ командой ген. Марушевскаго, а потомъ ген. Миллера. Правительство возглавлялось Чайковскимъ, переѣхавшимъ въ началѣ января 1919 г. въ Парижъ. Не достигнувъ результатовъ, союзники покинули Архангельскъ. Ихъ эвакуація закончилась 20 сентября 1919 г. Последніе эшелоны ген. Миллера покинули Архангельскъ 4 февраля 1920 г.

